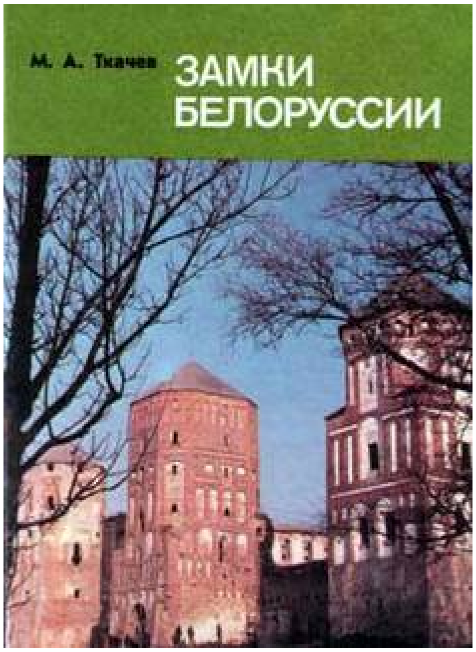

Михаил Александрович Ткачев

ЗАМКИ БЕЛАРУСИ

БАШНИ ТИПА "ДОНЖОН" В БЕЛОРУССИИ
КАМЕНЕЦКАЯ БАШНЯ
ДРУГИЕ БАШНИ ТИПА "ДОНЖОН"

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ ЗАМКИ И УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДА XIII-XVII ВВ.
НОВОГРУДСКИЙ ЗАМОК
ГРОДНЕНСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ЛИДСКИЙ ЗАМОК
ЗАМОК В КРЕВО
БРЕСТСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
УКРЕПЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕНСКА
ГОМЕЛЬСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
МОГИЛЕВСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ОРШАНСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ПОЛОЦКИЕ ЗАМКИ
ЗАМКИ ВИТЕБСКА
МСТИСЛАВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАМКИ И ГОРОДА
МИРСКИЙ ЗАМОК
ЗАМОК В ЛЮБЧЕ
ЗАМОК В ГЕРАНЕНАХ
ЗАСЛАВСКИЙ ЗАМОК

НЕСВИЖСКИЙ ЗАМОК И ГОРОДСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
БЫХОВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ГОЛЬШАНСКИЙ ЗАМОК
ЗАМОК В СМОЛЬЯНАХ
ГАЙТЮНИШКИ

ПОЛОЦКАЯ СОФИЯ
СЫНКОВИЧСКИЙ ХРАМ
МАЛОМАЖЕЙКОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ
КОМАЙСКИЙ КОСТЕЛ
КАЛЬВИНИСТСКИЕ СБОРЫ

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

ОТ АВТОРА

Карл Маркс называл города Европы XIII--XVIII вв. «самым ярким цветком средневековья». Это образное сравнение с полным правом можно применить и к городам Белоруссии. Однако здесь, как и повсюду в Европе, «цветок средневековья» мог существовать только под защитой и охраной надежных укреплений. В годы тяжелых испытаний, когда под угрозой оказывалось само существование народа, города становились для людей надежным домом, цитаделью, кузницей оружия, школой мужества и единства. Сквозь дымку столетий видятся нам островерхие шеломы городских башен, неприступные замки, одетые в прочную кольчугу укреплений, видятся отважные ратоборцы с оружием в руках.

Немало таких свидетелей древности на земле Белоруссии. Коснитесь рукой их обомшелых старых стен -- тепло жизни далеких пращуров тихо вольется в ваше сердце и наполнит его любовью, гордостью и уважением к безвестным и известным народным строителям, чьи умелые руки ворочали и обтесывали неподъемные валуны, валили необхватные деревья, из которых вставали потом недоступные для врагов цитадели. Эти трудовые руки защищали города. Народ называл свои укрепления замками. Слово замок сродни слову замок. И древние укрепления воистину были настоящими замками, отомкнуть, подобрать ключи к которым врагу чаще всего было не под силу.

Архитектурно-художественный облик белорусских средневековых замков всегда конкретен и индивидуален. Каждый из памятников имеет свою богатую историю, собственную строительную биографию. Но их роднит и объединяет одно: трудовой героизм и ратное мужество народа, самобытный талант и колоссальный труд строителей -- «добродеревцев», «муралей», «дойлидов», землекопов -- «копачей», «долокопов», «мурмейстеров» и «валмейстеров».

Памятники архитектуры, о которых рассказывается в этой книге, являются бесценными и поучительными документами нашей многотрудной истории, нашим национальным достоянием, владеть которым не только почетное и радостное право, но и большая ответственность. Сохранить, 'сберечь их для наших исторических наследников -- обязанность каждого гражданина, всего общества.

Повторное издание книги, расширенной, дополненной и переработанной, вновь адресуется широкому кругу читателей: краеведам, учителям, студентам, школьникам, архитекторам - реставраторам, лицам, отвечающим за охрану памятников, растущей армии туристов, а также всем, кого волнует и интересует прошлое Белоруссии и кульурно - историческое наследие белорусского народа.

Публикация материалов о выдающихся памятниках военного зодчества Белоруссии XIII--XVIII вв. не только даст читателю некоторую историческую информацию. Она Поможет также делу эстетического и патриотического воспитания, формированию уважения к славным боевым и трудовым традициям нашего народа.

БАШНИ ТИПА "ДОНЖОН" В БЕЛОРУССИИ

Истоки белорусского военного зодчества, как и архитектуры вообще, теряются в глубине столетий. Его корни уходят в период разложения первобытнообщинного строя, когда на землях сегодняшней Белоруссии появились первые искусственные оборонительные сооружения. От простых деревянных оград до мощных стен и башен городов -- таков путь развития их системы.

Первые каменные башни в Белоруссии появились во второй половине XIII в. Причины их возведения следует искать в развитии военно-инженерного искусства восточных славян, в замене тактики пассивной осады активным штурмом с помощью новой военной техники -- камнеметных машин-пороков, а также в определенном влиянии традиций средневекового западноевропейского фортификационного искусства.

Значительное изменение в тактике осады привело к существенным изменениям в организации обороны и в строительстве самих укреплений. Основой обороны городов и замков стала высокая многоярусная каменная или деревянная башня, возведение которой сочеталось с дальнейшим усовершенствованием естественных, природных защитных рубежей. Башня была практически труднодоступной для осадной техники того времени. Высоко поднимаясь над поселением, она позволяла защитникам вести прицельную стрельбу из луков и самострелов по врагу и его камнеметам.

В Белоруссии в некоторых каменных башнях имелись даже помещения, приспособленные для жилья защитников. В этом они в определенной степени схожи с жилыми башнями типа «донжон» или «бергфрид», широко распространенными в XII--XIII вв. в странах Скандинавии, Центральной и Западной Европы и Прибалтики.

КАМЕНЕЦКАЯ БАШНЯ

Уникальным памятником оборонного зодчества второй половины XIII в. является каменная башня, которая сохранилась до нашего времени в г. п. Каменец Брестской области.

Каменецкая башня (Каменецкий столп) стоит на высоком песчаном пригорке левого берега реки Лесной.

История башни тесно связана с городом Каменцом, возникшим как пограничный опорный пункт князя Владимира Васильковича против литовского князя Тройдена, с которым не раз приходилось воевать. В 1276 г. после очередного примирения с Тройденом Владимир Василькович решил заложить на реке Лесной «град». Для этого важного дела сюда был послан известный «градоруб» Алекса, немало срубивший «градов» еще при отце Владимира Васильковича. Через некоторое время при участии местных жителей соорудили «столп камен высотою 17 саженей. Подобен удивлению всем зрящим на нь».

Точная дата возведения памятника древней архитектуры неизвестна. Исходя из сведений Ипатьевской летописи, его «помуровали» где-то между 1276 и 1288 гг.

Толщина стен этого 30-метрового «столпа» достигает 2,5 м, внешний диаметр -- 13,5 м. Стоит башня на мощном фундаменте из булыги, пересыпанной чистым мелким песком. Высота фундамента -- около 2,3 м, а его внешний диаметр -- около 16м.

Башня сложена из брусчатого кирпича темно-красного и желтоватого колеров, с чрезвычайно хорошей перевязью швов.

Величественная, монументальная башня вверху несколько более узкая и не имеет ни вертикальных, ни горизонтальных членений. Ствол ее сложен с легким наклоном к вертикальной оси.

Стены башни прорезаны бойницами. В первом ярусе их две, во втором и третьем -- по три, а в четвертом -- две бойницы и один большой стрельчатый проем. (Некогда он выводил на балкон, устроенный на консольных балках.)

Бойницы четырех нижних ярусов узкие, щелевидные, расширяющиеся внутрь, завершаются полуциркульными арками. Пятый ярус имеет четыре бойницы. Форма их стрельчатая, но арки скругленные и имеют незначительную стрелу подъема. Бойницы пятого яруса, в отличие от всех остальных, расширяются не только вовнутрь, но и вовне.

Между этими бойницами расположены 4 плоские ниши с полуциркульным завершением. Фотоснимки Каменецкой башни конца XIX -- начала XX в., на которых видны эти ниши со следами древней побеленной штукатурки, свидетельствуют, что ниши сначала штукатурили, а потом белили. Это придавало строгому и величественному сооружению черты скромной неброской красоты. Над пятым ярусом башни сохранились остатки кирпичного купольного свода, который существовал еще в середине XIX в.

С третьего яруса начинается кирпичная лестница, освещаемая двумя узкими окошками. Она идет в толще стены, выходя на самый верх башни, на боевую площадку, прикрытую 14 зубцами. Каждый зубец имеет сквозное отверстие, формой и размером равное «тычку» или «ложку» кирпича. Отверстия скорее всего служили защитникам башни в качестве наблюдательных щелей во время интенсивного вражеского обстрела.

Каменецкая башня, как и большинство других военных сооружений той поры, имеет вытянутые вверх формы, лаконичные и простые, чуть декорированные легкими штрихами раннеготических архитектурных форм: стрельчатыми проемами и окнами с трехлопастным завершением, архивольтом арки дверного проема в четвертом ярусе, нервюрными сводами на «гирьках». Они тонко прорисовываются на могучем теле сооружения вместе с полуциркульными арками плоских ниш и бойниц, характерных для романской архитектуры.

Завершение башни -- зубчатая лента древнеславянского поребрика из четырех рядов кирпичей, положенных на угол, перекликается с орнаментальным.! мотивами народного искусства и как бы подчеркивает изначальность местных строительных традиций и истоки их своеобразия, с которых начался постепенный переход от романского стиля к готике.

В 70-х годах XIV в. Брестское Побужье, включая и Каменец, становится объектом нападений рыцарей-крестоносцев. Впервые они появились здесь в 1373 г., разорив всю Каменецкую землю. В июне 1375 г. рыцари, возглавляемые комтуром из Бальги Теодором фон Эльнером, осадили соседний замок Бельск, а затем после грабежей через труднопроходимую Беловежскую пущу вторглись на Каменетчину, которую также разорили. Тот же Теодор фон Эльнер возглавил третий поход на Брестчину в начале августа 1379 г. Многочисленное войско осадило замок Мельник, а затем опустошило Каменецкую землю. Следует подчеркнуть, что источники того времени ни разу не упомянули об удачной осаде Каменецкого замка. Вероятно, конным рыцарям, с трудом пробивавшимся через непроходимые окрестные пущи, было не под силу взять без осадных орудий укрепления, подобные Каменцу.

В 1382 г. город был захвачен внезапным нападением войск польского князя Януша Мазовецкого. Лишь один год смет князь удержать Каменец в своих руках, а затем, после 7-дневной осады, им овладел литовский князь Ягайло.

В период затяжной междоусобицы с Витовтом Ягайлу в 1390 г. снова пришлось осаждать город, который он взял «з великою трудностью» после энергичной осады.

Стоявший на перекрестке торговых путей, Каменец был важным стратегическим пунктом, укрепления его долгое время находились в постоянной готовности. Причиной тому были и походы крестоносцев, и близость к польскому порубежью, а позднее, в XVI в.,-- и угроза нападений крымских татар. Известно, что в 1500 г. 15-тысячная конница сыновей хана Менгли-Гирея «воевала Каменец-Литовский». Впрочем, видимо, безуспешно, так как

осаждать каменные укрепления татары не умели. Проезжавший в 1517 г. через город известный дипломат и историк С. Герберштейн отмечал в своих путевых заметках: «Каменец -- город с каменной башней в деревянном замке».

Во время русско-польской войны середины XVII в. город и его укрепления были разрушены. Однако в 1771 г. город снова уже состоял из «места» и замка. Еще в начале XIX в. вокруг Каменецкой башни существовали остатки средневековых укреплений замка с земляным валом, окруженным с трех сторон оборонительным рвом, а с четвертой -- защищенным рекой.

В 1903 г. над первым и вторым ярусами башни разобрали поздние своды, сооруженные между 1827 и 1889 гг. Тогда же от башни отбросили 3-метровый пласт культурного слоя и насыпали вокруг нее кольцеобразный вал, облицованный камнем. В валу для дренажа сделали три скрытых канала. Теперь Каменецкая башня приспособлена под филиал Брестского областного краеведческого музея и стала местом многочисленных экскурсий туристов Белоруссии, Прибалтики и отдаленных городов страны.

Что касается названия «Белая вежа», которое прочно закрепилось за Каменецкой башней, то следует подчеркнуть, что это ошибочное название. Оно возникло в XIX в. Его внедрили местные краеведы, которые полагали, что башню в древности белили. На самом деле впервые ее побелили (и совершенно напрасно) в начале 50-х годов нашего столетия. В последнее время в башне проведены реставрационные работы.

ДРУГИЕ БАШНИ ТИПА "ДОНЖОН"

Из разных источников также известно, что оборонительные башни, аналогичные или близкие Каменецкой, имелись в Бресте, Турове, Полоцке, Гродно, Новогрудке и других городах.

Берестейский столп, согласно Ипатьевской летописи, был «высотою яко Каменецкий». Теперь установлено, что Берестейская башня находилась на юго-восточном мысу древнего брестского городища, располагавшегося на правом берегу реки Буг при слиянии с ним Мухавца. На всех планах города за 1798, 1800, 1803 и 1830 гг. она обозначена графически. В начале 30-х годов XIX в. во время перестройки замка и сооружения земляных бастионов Брестской крепости башню разобрали. Однако ее графические следы на планах позволяют предполагать, что башня была не круглая, а четырехугольная, размером 5,9Х6,3 м, с толщиной стен до 1,3 м. Исходя из этого можно считать, что башня древнего Бреста более похожа на такую же башню в Столпьи, что на Волыни, чем на Каменецкую. Однако форма ее, вытянутая и тонкая, видимо, позволила летописцу сравнить Берестейский столп с Каменецким.

О башне древнего Турова известно, что она в 30-х годах XIX в. была также разрушена. Теперь на Туровском городище от нее осталось одно почти круглое возвышение диаметром около 11 м.

Две оборонительные башни -- одна на Верхнем, вторая на Среднем замке -- имелись в древнейшем городе Белоруссии Полоцке. Время их сооружения неизвестно, однако архаические черты планово-композиционного характера -- размещение в центре замка, несвязанность со стенами -- позволяют предполагать, что сооружены они были не позже XVI в. Во всяком случае полоцкие башни существовали еще в конце 70-х годов XVI в. Об одной из них, скорее всего о башне Верхнего замка, в 1579 г. Р. Гейденштейн, секретарь короля Стефана Батория, писал: «Враг также не дремал и с высоких башен, особенно из той, что находилась посредине замка и возвышалась над всеми другими, сильно палил из пушек во все стороны».

Не исключено, что их могли соорудить между 1563 и 1579 гг. Инвентарь Полоцка 1580 г., однако, при перечислении укреплений Верхнего замка ни одной из башен, упомянутых Р. Гейденштейном, не называет. Это дает основание предполагать, что они были сооружены из дерева и, вероятно, сгорели во время осады 1579 г.

Традиция строить одиночные башни посреди замкового двора широко бытовала в Белоруссии на протяжении XVI в. и даже XVII в. и была интересной перифразой местного военного зодчества более ранних времен. Они, кстати, довольно часто возводились не только в замках больших королевских «вольных» городов, как, например, Полоцк, но и в небольших частновладельческих и королевских замках. В XVI--XVII вв. они очень часто сочетали в себе функции оборонного и хозяйственного сооружения. Как свидетельствует «Попис замку Радошковичского» за 1549 г., на его дворе в окружении деревянных городней и четырех башен отдельно стояла еще одна. Она имела четыре яруса и возвышалась над остальными замковыми сооружениями.

В Шклове в 1661 г. кроме городских фортификационных сооружений существовали деревянные укрепления замка графов Сенявских. Здесь, посреди замкового двора, также стояла высокая, срубленная из бруса многоярусная башня, из которой во время осад велся обстрел подступов к замку.

Остатки 8-гранного деревянного «донжона» обнаружены в ходе археологических раскопок в Мстиславле. Плановая композиция Горского городища и Пинского замчища также позволяет предполагать наличие здесь одиночных башен, придвинутых к въезду. Каменная башня, очень близкая к Каменецкой, обнаружена автором в ходе раскопок в Мяделе. Она датируется XV в. В диаметре башня достигала почти 13,7 м, толщина каменных стен -- около 3 м.

Таким образом, начиная со второй половины XIII в. и вплоть до XVII в. на территории сегодняшней Белоруссии были широко распространены замки с одиночными башнями типа «донжон». Их возникновение связано как с влиянием западноевропейского военного зодчества, так и с дальнейшим развитием военно-инженерного искусства славянских народов.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ ЗАМКИ И УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДА XIII-XVII ВВ.

XIII век для населения Восточной Европы, в том числе и Белоруссии, был чрезвычайно сложным. Полчища татаро-монгольских завоевателей и немецких крестоносцев обрушились на древние земли Киевской Руси. Чтобы выстоять перед этой силой, требовалось единство.

Ф. Энгельс отмечал, что перед угрозой татаро-монгольского вторжения и крестоносной агрессии белорусские и украинские земли «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому».

Объединение этих земель с литовскими землями положило начало образованию Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского -- федеративного государства, в составе которого закончилось формирование белорусской и украинской народностей. Более ста лет жители Белоруссии, Литвы и Украины, земель Северо-Западной Руси дружно противостояли крестоносцам. И в этой борьбе большую роль сыграли многочисленные укрепления, вставшие на главных направлениях рыцарской агрессии. Замки в Гродно, Новогрудке, Бресте, Лиде, Крево, Медниках, Вильно, Троках, Полоцке, Витебске имели общегосударственное значение. И хотя возводились они в первую очередь местным феодальнозависимым населением, очевидно, что на такие грандиозные стройки великокняжеская власть рекрутировала строителей и из других земель государства. Недаром в ряде мест Белоруссии и Западной Украины бытовали выражения типа: «Каб цябе закаталі ў Вільню горы капаць!», "Каб ты на Крэўскі замак каменне цягаў!".

НОВОГРУДСКИЙ ЗАМОК

Каменный замок в Новогрудке -- уникальное сооружение оборонного зодчества своей эпохи. В него входят две площадки: детинец (Замковая гора) с остатками каменного замка и окольный город (Малый замок). Установлено, что с начала XI в. и до середины XIII в. на валах древнего Новогрудка стояли деревянные стены разной конструкции, которые возобновлялись не менее пяти раз. Во второй половине XIII в. были сооружены мощные дубовые срубы -- городни с двойной передней стенкой. Тогда же была сооружена в замке первая каменная башня. Сегодня она находится глубоко в земле, на 7,5 м, а на ней, как на надежном и крепком фундаменте, стоит кирпичная башня Щитовая (Щитовка).

Древняя башня существовала во второй половине XIII в. Она, очевидно, относилась к тому же типу башен, что и Каменецкий столп. Однако в отличие от Каменецкой Новогрудская башня возведена из больших тесаных камней, сложенных на извести. Она имела четырехугольную, близкую к квадрату форму в плане 12Х12 м и фундамент высотой 3,5 м. Камни, из которых сложен фундамент, имеют размеры до 1 м и более, слабо обработаны. Однако просветы между ними тщательно заделаны раствором.

30-сантиметровый цоколь отделяет фундамент от стены (сохранилась кладка высотой до 4 м). Стена «помурована» из камней средних размеров, хорошо обработанных и подогнанных один к другому. Просветы между ними заполнены мелким колотым камнем, изредка кусками большемерного кирпича -- «пальчатки» и заделаны известью.

Эта башня стояла с северной стороны замка -- около входа и замыкала кольцо земляного вала XIII в., несколько выступая вперед.

Поскольку для Новогрудка тех времен каменные постройки не были в новинку (в XII в. здесь уже стояла Борисоглебская церковь), имелись квалифицированные работники, существовали определенные строительные традиции, можно утверждать, что возводили башню местные мастера. Есть еще одно подтверждение нашей гипотезе: башня сделана из полевого камня -- материала, привычного для местных строителей. Красноречивый факт -- в конце XIII и XIV в. никому из врагов ни разу не удалось овладеть древним укреплением. Так, Ипатьевская летопись, сообщая о штурме Новогрудка в 1274 г. волынскими и татарскими войсками, отмечает, что замок захватить не удалось. В сентябре 1314 г. большое войско крестоносцев во главе с орденским магистром Генрихом фон Плоцке осадило замок и начало его штурмовать с помощью камнеметов. Одновременно рыцари жгли, грабили и разоряли окрестности, превращая их в пустыню. Первый натиск иноземцев оказался безуспешным. Пришлось им разбивать возле города лагерь. Назавтра войско начало новый штурм Новогрудка. Подниматься к вершине Замковой горы в доспехах рыцарям было невмоготу, поэтому они оставили их в обозе и двинулись налегке. Осажденные мужественно отражали атаки, бросая на пеших рыцарей громадные бревна («катки») и камни, поражая их копьями, стрелами из луков и арбалетов. Захватчики несли значительные потери.

А тут к осажденным подоспела помощь -- под стенами Новогрудка скрытно появился конный отряд во главе с гродненским каштеляном Давыдом. Вероятно, отряд был немногочисленным, поскольку на открытое сражение с крестоносцами не решился. Но князь Да-выд действовал не числом. Имея громадный военный опыт, он незаметно захватил военный лагерь рыцарей, перебив 30 человек охраны. В руки гродненцев попало все военное снаряжение, провиант, 1500 боевых лошадей и весь обоз неприятеля. Вдобавок отряд князя Давыда забрал весь провиант на промежуточных бивуаках, оставленный крестоносцами на обратную дорогу. Рыцарство сняло осаду Новогрудка и, бросив раненых, начало спешный отход. Все их попытки добыть продовольствие для себя и корм для

оставшихся лошадей решительно пресекались летучими отрядами гродненцев. В результате воинство магистра, жестоко страдая от голода, вынуждено было съесть последних лошадей, питаться травой и кореньями, многие из них умерли в дороге. Последние жалкие остатки рыцарского войска вернулись домой лишь через 6 недель долгого пути.

Пройти еще раз дорогу к Новогрудку захватчики решились лишь в 1391 г. Но отряд крестоносцев во главе с магистром ордена Конрадом Валленродом не добыл славы на крутых склонах новогрудской Замковой горы и был вынужден убраться восвояси. В 1394 г. новое войско магистра Конрада фон Юнингема и маршала Вернера Тетингера еще раз признало свое бессилие перед неприступным Новогрудком.

Думается, свою роль в обороне города играла и древнякаменная башня, на долю которой выпали трудные испытания. Ее верхние ярусы были сильно повреждены и это заставило новогрудцев в конце XIV в. соорудить новую, но уже кирпичную башню. То, что ее назвали Щитовой, говорит само за себя. Это был надежный страж и щит средневекового города. Она выросла на остатках древней и также имела форму квадрата с несколько меньшими сторонами -- 11,4X XII,4 м. Новая башня была пятиэтажной, с перекрытиями на балках. Общая ее высота достигала 25 м. Покрыта вначале она была гонтом, а потом, видимо, с XV в. гонтовидной черепицей -- «даховкой». Сооружение напоминало четырехгранную призму, сужающуюся кверху. Толщина стен на уровне первого этажа составляла 2,75 м, а на уровне второго -- 2,6 м. Внешняяи внутренняястены прорезались бойницами с полуциркульными арками. Камеры бойниц расширялись внутрь. Ворота имели стрельчатые арки. Судя по всему, они закрывались изнутри дубовыми брусьями. В толще южной стены Щитовки шел наверх ход. Кирпичные ступени его начинались в юго-западном углу башни и выводили на каждый ее этаж. Не исключено, что внутри башни, между этажами, существовали и деревянные лестницы для ежедневного пользования. На восточной стене на уровне четвертого этажа сохранились остатки небольшого эркера -- выступа, где, вероятно, висел набатный колокол. С его помощью сзывалось население города в случае опасности.

В исторических документах башня известна под названием Щитовая, Щитовка и Центральная. Сначала она была единственным каменным укреплением в кольце деревянных стен, окружавших замок по всему периметру горы. Однако вскоре в Новогрудке начались большие строительные работы, связанные скорее всего с всеобщей подготовкой населения Белоруссии, Литвы и Польши к решительному отпору и разгрому рыцарей Тевтонского ордена.

Замковые укрепления возводились в несколько этапов. Сначала на северо-востоке и востоке построили только три каменные башни и соорудили между ними прясла стен. На участке же между Щитовкой и северозападным углом оборонительного вала долгое время стояли деревянные укрепления.

Справа, на восток от Щитовки, над высоким и крутым склоном горы встала высокая призмообразная Костельная башня. Ее основание -- квадрат со сторонами 9Х9 м. На каждом из трех ярусов--по 4 бойницы, формой, размерами и абрисом похожие на бойницы Щитовки. Башня имела надежный фундамент глубиной 3 м, сложенный из больших камней грубой тески.

На высоту 4 м Костельная башня сделана из камня. Далее шла облицовка из крупноразмерного кирпича. Стены Костельной башни, имея внизу толщину 2,15 м, постепенно утоньшаются кверху. Прясло стены, которое соединяет Щитовку с Костельной башней, имеет длину 30 м и толщину 2 м.

От Костельной башни по восточному обрывистому краю горы шло 80-метровое прясло каменной стены. Из-за очень крутого склона стену подперли контрфорсами -- «быками», пристроенными позже. Конструктивно она соединялась с Малой брамой. Руины этой башни были открыты во время археологических работ 1924--1925 гг. В плане она имела форму прямоугольника со сторонами 8X10 м при толщине стен 2 м.

Вход в башню запирали двери на дубовых завесах, утапливавшихся в толще стен в специальных отверстиях. Воротные проемы имели ширину 1,6 м и высоту около 3 м. Входили в башню с улицы по кирпичным ступеням.

Слева от Малой брамы, если смотреть со стороны замкового двора, в прясле стены сохранилось отверстие от консольной балки. На таких балках раньше лежал помост боевой галереи, на которую с земли вела деревянная лестница. С помоста через небольшой проем шириной в 94 см можно было попасть в середину башни, на ее второй этаж.

Судя по размерам, Малая башня также была трехэтажной, с перекрытиями по балкам. О ее внешнем виде что-либо конкретное сказать трудно, однако думается, что она была очень схожа с Костельной башней.

В конце 20-х годов нашего столетия после того, как руины башни откопали полностью, были проведены предварительные консервационные работы и частичное восстановление ее стен.

От Малой брамы, поворачивая на запад, идет самое мощное по толщине (2,6 м) прясло стены длиной в 70 м. Каменная стена упирается в еще одну башню -- Посадскую, которая первой принимала на себя удары завоевателей. Это хорошо понимали зодчие Новогрудского замка. При толщине стен в 2,6 м башня имела в основании квадрат размером 7,7X7,7 м. В нее вел проход шириной 1,5 м. Похожая на Малую браму, Посадская башня также была разбита до основания и поэтому сказать о ее внешнем облике мы ничего не можем. Известно, что слева, в примыкавшем прясле стены, была орудийная бойница, дополнительно усиливавшая мощь башни. Ширина бойницы достигала ' 1 м, высота -- до 1,3 м.

Правое прясло стены, которое идет от Посадской башни к северному краю горы, смыкалось с деревянными укреплениями на самом северо-западном крае замкового вала, которые существовали здесь, как свидетельствуют археологические данные, вплоть до конца XV в. Это объясняется прежде всего тактически выгодным местоположением данного участка обороны замка. Справа, с востока, 50-метровый отрезок земляного вала, достигавшего высоты 5 м, защищался Щитовкой. Она надежно фланкировала его своим огнем. С севера участок оборонялся нижним валом, предзамковым рвом и склоном горы, которая здесь, кстати, имеет наибольшую высоту -- более 27 м, крутизну склона до 60° и протяженность до 50 м. Если к этому добавить мощь стен -- городней, достигавших высоты не менее 3 м, то причина такой приверженности традиционным деревянным укреплениям станет понятной. Наконец, следует учитывать и экономический фактор. Каменное зодчество было все же дорогим.

Возведением стен и перечисленных башен закончился первый строительный этап в Новогрудском замке. Отметим также, что в XIV в. на замковом дворе существовал каменный храм. Вначале он был бесстолпным одноапсидным сооружением, затем в нем появились 4 подкупольных столба крестовой формы. Здание увеличили в размерах, перестроили, придав ему вид однобашенного барочного строения. Видимо, это был храм св.

Михаила, известный по письменным источникам XVI--XVII вв. До 1775 г. в нем происходили сессии Трибунала -- высшего апелляционного суда Великого княжества Литовского.

К северу от церкви в XIV в. стоял двухэтажный каменный палац размером 8Х8 м, существовавший вплоть до середины XVII в.

В истории архитектуры Белоруссии эти два строения занимают важное место, так как аналогичные памятники того времени в других городах почти неизвестны.

Второй этап строительства укреплений Новогрудского замка, который выходит за рубеж XIV в., связан с постройкой у подошвы каменной горы Колодежной башни. Проблема водоснабжения всегда стояла перед строителями средневековых городов и замков. Причиной капитуляции осажденных городов письменные источники часто называют отсутствие питьевой воды.

В Новогрудском замке, стоявшем на высокой горе, колодца не было, однако на восточном склоне били сильные родники. Над одним из них и поставили Колодежную башню. В плане она имела форму квадрата 8Х8 м. От самого цоколя башня облицована крупноразмерным брусковым кирпичом. Толщина кирпичных «щек» достигает 35 см. Забутовка стен -- из камня и известкового раствора. Кладка «балтийская»: чередование в ней двух ложков и одного тычка.

Фундамент Колодежной башни, высота около 2,5 м, сложен из гр810тесаных камней на извести. Вверх по склону горы идет от башни прясло каменной стены, соединяясь с укреплениями замка.

В 2-метровой ее толще был тайный ход к воде. Его ширина едва превышала 1 м. Перекрывался ход сводом.

Второй строительный этап, видимо, был закончен к 1410 г.

Следующий этап укрепления Новогрудского замка приходится на конец XV -- начало XVI в. Связан он, скорее всего, с хищническими рейдами перекопских татар на белорусские земли. В 1505 г. один из татарских загонов во главе с Бити-Гиреем появился и под Новогрудком. Тот факт, что вражеское войско рискнуло начать осаду каменного замка,

указывает на то, что в его рядах были турецкие янычары, обученные штурмам подобных укреплений. Сами татары, как обычно, почти не имели огнестрельного оружия и были вооружены лишь луками со стрелами, длинными арканами и саблями. Турки же при взятии укреплений использовали штурмовые лестницы, применяли подкопы и приметы, стремились поджечь укрепления, отчаянно лезли на стены, несмотря на град стрел, камней, пушечный огонь. Все это было и при штурме Новогрудского замка, обороной которого руководили воевода В. Гаштольд и городничий Маскевич. Замок устоял, и перекопская рать вынуждена была убраться восвояси.

Так же безуспешно закончились попытки перекопских татар овладеть Новогрудком и в следующем, 1506г.

Сложная внешнеполитическая обстановка начала XVI в. обусловила новый этап строительства замков на землях Великого княжества Литовского. И вот в северо-западной части Новогрудского замка встала могучая каменная башня Дозорная. Она имела в основании квадрат 14Х14 м и мощный 4-метровый фундамент из камня и кирпича, сложенный в технике «полосатой» кладки. В нижней части сооружения имелись бойницы подошвенного боя, рассчитанные на стрельбу из пушек. Судя по значительным размерам основания, новая башня по высоте равнялась или была даже выше Центральной.

Одновременно с Дозорной, между ею и Центральной башней, построили 2-метровой толщины оборонительную стену. Прясло длиной в 51 м, таким образом, замкнуло кольцо каменных замковых укреплений, окончательно вытеснив деревянные защитные ограждения.

Качественное изменение артиллерии в начале XVI в. и совершенствование тактики осады сделали недостаточно надежной Малую браму замка. Фланговый огонь с Колодежной башни уже не был гарантией от прямых штурмов брамы, которая оставалась наиболее важным и ответственным участком обороны замка. Это заставило в начале XVI в. начать строительство еще одной башни у юго-восточного склона горы, призванной защищать подступы к замку со стороны «места», которое под защитой замка продолжало активно расти. Появились улицы, заселенные ремесленниками одной профессии,-- Рымарская, Ковальская, Дуботовская, Седлярская. Вокруг рыночной площади стали формироваться новые кварталы города.

Меская воротная башня («брама Меская»), встав у восточного подножия горы, соединялась пряслами стен с Колодежнои башней и Малой брамой, превратилась в своеобразный центр нижнего пояса обороны -- «форбург». Оти укрепления намного повысили фортификационные качества Новогрудского замка. Теперь, чтобы попасть в замок, нужно было пройти через двое ворот, а вся дорога наверх находилась под огнем.

Истинные размеры Меской брамы пока остаются неизвестными. Но, видимо, она была похожа на традиционные для того времени замковые воротные башни, известные по Миру, Витебску и другим городам Белоруссии.

Таким образом, в XVI в. Новогрудский замок был семибашенным и считался одним из самых мощных для своего времени. Он дополнительно защищался укреплениями с северной и северо-западной сторон. Здесь находился большой земляной вал и оборонительный ров шириной до 30 м и глубиной до 4 м. Но валу стояли деревянные оборонительные сооружения, являясобой серьезную дополнительную преграду на пути штурмующего противника.

В целом, если исключить осаду Новогрудка русскими воеводами в ноябре 1535 г., закончившуюся неудачей, первая половина XVI в. для города была спокойной. Это, однако, отрицательно сказалось на состоянии замка, за которым королевская власть перестала следить. В преддверии Ливонской войны шляхта повета обращала внимание короля на разрушающиеся укрепления Новогрудка и просила их срочно отремонтировать. Но с ремонтом, похоже, не спешили. Находившийся в глубине Белоруссии, вдали от тревожного восточного порубежья, Новогрудский замок постепенно утратил свое стратегическое значение со всеми неизбежными в таких случаях последствиями: стал разрушаться, отставать в вооружении. По сведениям 1551 г., сюда были направлены лишь пушки малого калибра: полуфунтовая серпантина, 1-фунтовый средний фальконет и большой 2-фунтовый фальконет. Имелись гаковницы.

Во время русско-польской войны 1654--1667 гг. русские войска дважды брали Новогрудок. В 1655 г., в начале сентября, его заняли казаки И. Золотаренко. При этом замок и город сильно пострадали во время осады. Частично восстановленный, он был снова взят в 1660 г. войсками князя А. И. Хованского. На этот раз без боя: наемный гарнизон, своевременно не получивший от польского короля плату за службу, сдал его.

Во время этой войны особенно пострадали замковые укрепления с напольной западной и южной сторон. Башни Меская, Колодежная, Малая брама. Посадская и прясла стен между ними были очень сильно разрушены, местами вплоть до фундаментов. Несколько лучше сохранились Щитовка, Костельная и Дозорная. В Щитовке даже хранились документы местного городского архива. Однако в целом Новогрудский замок приходил в упадок и катастрофически терял свое стратегическое значение. Не изменило ситуацию и решение сейма Речи Посполитой в 1661 г. освободить город на 4 года от всех налогов.

Северная война, вскоре грянувшая и над Новогрудком, окончательно уничтожила местные укрепления: в 1706 г. проходившие через город шведы взорвали их остатки.

Говоря об укреплениях средневекового Новогрудка, необходимо отметить, что вторым поясом обороны города была фортификация Малого замка. На западном крае его площадки, там, где сейчас возвышается старый каменный ветряк, некогда стояла могучая боевая башня. Прямоугольная в плане (12,3Х10,9 м), она была построена в конце XIII -- первой половине XIV в. из полевого камня и кирпича. Толщина ее стен достигала 2,6 м.

Возведенная над древним въездом в Малый замок, башня грозно возвышалась над крутым склоном горы. Окруженная земляным валом с деревянными стенами-городнями наверху, она вместе с городом изведала все лихолетья, обрушившиеся на Новогрудок. Башня пережила несколько перестроек. На рубеже XV и XVI вв. ее разобрали, ко всем четырем стенам фундамента сделали прикладки толщиной в 1 м и построили новую 8-гранную

башню из кирпича. Башня простояла до середины XVII в., когда ее снова разобрали, а стройматериал использовали для сооружения ветряной мельницы.

Замок постепенно разрушался. Лишь в 1921 г. он был взят под охрану, а в 1922--1930 гг. в нем провели частичную консервацию башенных руин. Причем стены рухнувшей Костельной башни сложили заново.

С 1956 г. Новогрудок и его замок стали объектом внимания археологов, открывших немало новых страниц удивительной истории древнего белорусского города.

ГРОДНЕНСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Гродненский замок времен Витовта. Реконструкция Т. Андреячика

Над стремниной могучего Немана, у впадения в него шумнотечной речушки Городничанки (Городни), в X в. основали славяне поселение, которое назвали Городень. Уже в XII в. оно имело мощные деревоземляные укрепления, а на отдельных участках и каменные. В сочетании с 30-метровой кручей горы и водами Немана древний Городень был почти неприступным укреплением.

В XIII в. в Городенском замке возвели мощную каменную башню, очень похожую на Каменецкий столп. К сожалению, позже, в XVI в. во время очередной перестройки замка, Городенский столп разобрали. В XIII в. свою линию укреплений имел, вероятно, и торгово-ремесленный посад («окольный город») Гродно. Во всяком случае, в XIV в. он упоминается в письменных источниках под названием «Нижний замок».

В XIII--XIV вв. гродненские замки считались ключом к землям Белорусско-Литовского Понеманья со стороны Мазовии и Тевтонского ордена, овладеть которым крестоносцы стремились непрерывно. Этот ключ не только запирал рыцарям водную и сухопутную дороги в глубь густонаселенной территории. Он оберегал и хранил богатый и красивый

город, значительный торгово-ремесленный, религиозный и культурный центр громадного региона на западных рубежах восточного славянства.

Первое столкновение с крестоносцами было для Гродно трагическим и во многом поучительным. Магистр тевтонцев Конрад Тирнберг в 1284 г. осадил город, успешно отбивавший штурмы противника. Однако благодаря измене двух братов -- представителей племени, почти уничтоженного рыцарями в Пруссии и нашедшего приют в Гродно, город был взят и подвергся разрушению.

Зимой 1296 г. возрожденный из пепла Гродненский замок осадил отряд тевтонцев во главе с комендантом г. Бальги Зигфридом Райбергом. Замок устоял, но жилые кварталы и все окрестности города были преданы огню. Погибло много жителей, а 200 человек уведены в плен, но Райберг, видимо, погиб под стенами замка.

В том же 1296 г., весной, последовал повторный поход большого войска крестоносцев на Гродно. Его возглавил комендант Бальги Зуцверт. Рыцари атаковали замок, но встретили такое сильное сопротивление, такой град копий и дротиков, что вынуждены были, забрав убитых и раненых, убраться восвояси.

Не смогли захватить Гродненский замок и крестоносцы в 1305, 1306 и 1311 гг., хотя численность вражеских отрядов порой достигала 6 тыс. человек.

В те трудные и сложные для Гродно времена выдающуюся роль в защите города, а также территории Понеманья, соседних земель и его населения сыграл комендант -- каштелян Гродненского замка князь Давыд. По всей Белоруссии, Литве и Польше он прославился как мужественный оборонитель Гродно, Новогрудка, Пскова, как гроза прусских, ливонских, датских и немецких крестоносцев. Великий князь Гедимин, несмотря на то, что Давыд был православным, выдал за него свою дочь, красавицу Бируту, и выделил ему надел, находившийся в окрестностях Гродно. Военный талант и ум Давыда были так бесспорны и велики, что Гедимин оказывал ему предпочтение перед своими братьями и сыновьями не только в военных делах, но и в сношениях с соседними землями северо-западной Руси.

Первая четверть XIV в. ознаменовалась сближением Великого княжества Литовского и Пскова под знаком объединения в борьбе против рыцарей Ливонского ордена. Главным разящим мечом в этой борьбе был блистательный полководческий талант Давыда Городенского. Ошеломляющее поражение крестоносцев в походе на Новогрудок в 1314 г. надолго отбило у них охоту встречаться с князем Давыдом на военной тропе. А в 1319 г. гродненский каштелян, упреждая удары рыцарей, с 800 конниками сам совершил дерзкий рейд в глубь Пруссии. В разгар весны, воспользовавшись половодьем и пройдя безлюдными местами, его войско вихрем ворвалось в прусскую провинцию Вегендорф. Давыд действовал здесь огнем и мечом, мстя за горе своих соотечественников. Захватив многих знатных пленников и большую добычу, гродненский отряд вернулся домой, хотя комтуры Пруссии Ульрих Дрилебе и Фридрих Квитц пытались организовать сопротивление и погоню.

В 1322 г. Новгородско-Псковская летопись уже сообщает о том, что гродненский «князь Давыдко» прибыл со своим войском защищать от рыцарей Псков. Крестоносцы не решились на штурм. Однако в марте 1323 г., когда датские рыцари, нарушив мир, захватили Гдов и побили псковских «гостей», вновь «послаша псковичи к Давыду князю в Литву». И войско гродненцев, подоспев с помощью, отбило натиск датчан, отбросило их за пределы Псковской земли, а затем дошло до Ревеля, которым владел датский король. По сведениям

рыцарского хрониста П. Дусбурга, войско Давыда Городенского перебило более 5 тыс. человек, захватив большую добычу.

Однако в мае того же 1323 г. немецкие рыцари «в силе тяжце» снова напали на Псковщину. Они «приехаша в кораблях и в лодиях и на конях, с пороки и с городы», подошли к Пскову и осадили его. Осада продолжалась 18 дней, а в это время через леса Белоруссии мчался на выручку осажденному городу князь Давыд Городенский со своей дружиной. И вовремя вприспе князь Давыд из Литвы с людьми своими». Вместе с псковскими ратниками гродненцы разгромили и прогнали остатки рыцарского войска за реку Великую.

Блистательные победы гродненского каштеляна вызвали злобу и лютую ненависть у рыцарей, которые не упустили случая отомстить ему. И сделали это в следующем, 1324 г. В начале марта, в Великий пост, отряд крестоносцев числом более 600 человек, минуя Гродно, тайно пробрался к родовому поместью князя Давыда, видимо, Вертелишкам, и дотла разрушил его. Они убили 33 человека жителей и слуг, угнав 100 лошадей и большое количество другого скота. Ответом на это был поход Давыда в Мазовию и разгром им большого войска. А в 1326 г. с 1200 всадниками и союзным отрядом поляков он совершил опустошительный поход на Бранденбург. Подобно кинжалу, вошло это войско в самое сердце Германии, проникнув до Франкфурта-на-Одере. Неспособные противостоять разящим ударам Давыда Городенского, крестоносцы подкупили польского рыцаря Андрея Госта, который предательским ударом в спину убил полководца в его походном шатре.

Пока был жив Давыд Городенский, рыцари Прусского ордена с 1312 г. не отваживались нападать на Гродно. Смерть храброго каштеляна прервала полосу относительно спокойной жизни города. В начале осени 1328 г. громадное войско крестоносцев подошло к Гродно. Большая его часть скрытно разместилась на подступах, а 400 человек начали грабеж и разорение предградья. Сделав погромы, они отошли. Жители, укрывавшиеся за стенами замка, решили, что крестоносцы убрались, вышли из укрытия и занялись своим делом на полях. Воспользовавшись этим, рыцари двинулись всеми силами на город, захватили замок, ограбили и сожгли его.

Жизнь в Гродно возродилась к середине XIV в. В 1356 г. гродненцы уже участвовали в военном походе в составе сильного войска, которое разорило прусскую провинцию Алленштадт и осадило город Гутенштадт.

В начале лета 1362 г. главный маршал Прусского ордена Геннинг Шиндекопф с большим отрядом двинулся на Гродно. Рыцари уже собирались переправляться вброд через Неман, но неожиданно их атаковали горожане. Видимо, потери были настолько ощутимы, что противник отказался от попытки захватить город.

Не только пруссаки, но и рыцари Ливонского ордена искали удачи под стенами древнего поселения на Немане. В феврале-марте 1364 г. немецкий граф фон Ханау повел из Ливонии войско, где было 40 князей из разных стран Европы. Даже английские рыцари переправились через Ла-Манш, чтобы «под знаменем святого Георгия» -- покровителя всех крестоносцев испытать судьбу под неприступным замком, известным всей рыцарской Европе. Однако замок выстоял вновь, и всю свою бессильную ярость хищные пришельцы обрушили на население окрестных сел. Даже рыцарский хронист вынужден был отметить, что войско пришельцев «бесчеловечно опустошило окрестности Гродно, уведя многих людей в неволю».

Разорительный поход был повторен в августе 1373 г. Однако в 1375 г. войско префекта Ратенбурга герцога Альберта фон Заксена встретило мощное сопротивление жителей Гродно. Причем главный отпор дали рыцарям «простолюдины». Многие грабители были убиты и ранены, часть, во главе с герцогом, попала в плен, а остальные обратились в бегство.

В 1377 и 1379 гг. прусские крестоносцы с участием 2000 австрийских и других европейских рыцарей еще дважды терзали земли Гродненщины.

Междоусобица Витовта и Ягайлы в 1390 г. привела под стены Гродно новую беду: замок, которым владел Витовт, 50 дней выдерживал осаду королевского войска. После многократных штурмов вначале пал Нижний замок. Витовт, располагаясь на левом берегу Немана, соорудил еще один замок -- Новое Гродно. Отсюда он пытался оказывать помощь своему гарнизону в старом замке. Через реку была протянута толстая железная цепь, к которой привязали лодки, витины и, таким образом, устроили наплавной мост. По нему из замка вынесли больных и раненых и переправили новый отряд «жолнеров». Однако вскоре этот мост был разрушен: Ягайло приказал выше по течению срубить вековые деревья, связать их прямо с ветвями в громадный плот и пустить его по течению. Одним ударом с мостом было покончено. На 50-й день гродненский Верхний замок пал.

В следующем, 1391 г. с помощью союзных ему рыцарей Витовт вернул себе Гродно. Однако этот противоестественный союз Витовта с крестоносцами был недолгим. В 1392 г. Островское соглашение примирило Ягайлу с Витовтом, объединив их в борьбе с общим врагом -- Прусским орденом. Ответом на это стал немедленный поход в начале 1393 г. большого рыцарского войска, усиленного иноземным пополнением. Гродненский замок после 3-дневных штурмов был сожжен, захвачен и разрушен. Спустя несколько лет он вновь восстал из руин. Однако в 1398 г. сильный ночной пожар, во время которого едва не погиб вместе с семьей сам Витовт, обратил замок в пепел. После этого решено было более деревянных укреплений не строить. На пепелище вырос новый, каменный замок, на долю которого также выпало немало испытаний. Уже в 1402 г. крестоносцы испытали его на прочность, и он выдержал все штурмы.

Для своего времени Гродненский каменный замок был исключительно мощным сооружением, где гармонично сочетались благоприятные для обороны «крепости самородные» и мощный комплекс каменных укреплений, за стенами которого спасалось местное население. Замок возвели по периметру горы, и его стены образовали неправильный в плане треугольник. Стена, обращенная к Неману, достигала 120 м длины, стена со стороны Городничанки -- 90 м, третье прясло, стена со стороны города, состояло из двух отрезков -- 46 и 24 м. Толщина стен достигала 2,5--3 м. В замке было 5 башен, в том числе «вежа-брама», круглая в плане башня («столп») и три квадратные размером 12Х12 м в основании. В линии стен, обращенных к городу, размещался новый каменный дворец Витовта размером около 45Х15 м. Он был двухэтажный, с толстыми стенами, которые прорезали узкие, бойницеобразные окна, обращенные в сторону «поля».

50-метровый сухой ров отделял замок от города и Нижнего замка. Видимо, и его укрепления на рубеже XIV и XV вв. соорудили из камня. Остатки этих стен еще видны на гравюре Гродно 1568 г.

После Грюнвальдской битвы 1410 г. с крестоносцами, в ходе которой хоругва Гродненских ополченцев покрыла себя героической славой, для города началась полоса относительно мирной жизни. С врагом, который более ста лет терзал Белорусское Понеманье, было покончено.

Однако «городовая работа» осталась одной из важнейших повинностей горожан. Они следили за состоянием укреплений и отправлялись ежегодно на 60 дней для ремонта различных «украинных замков», в том числе и Виленского. В свою очередь, для военно-фортификационных работ в Гродно привлекались и жители Волковыска.

Подобно другим городам Белоруссии, получившим магдебургское право, Гродно имело военную организацию с разделением на десятки и сотни, свои боевые знамена и герб. В городе имелось большое количество оружия, а в 1540--1541 гг. даже 12 пушкарей, обслуживавших артиллерию замков.

Оказавшись в глубине территории страны, располагаясь на важных торговых магистралях, Гродно развивалось территориально и экономически. Однако в отличие от порубежных городов оно в течение XV в. и почти всего XVI в. не имело собственно городских укреплений. Лишь у съезда с моста через Неман стояла сторожевая башня-брама. Она хорошо видна на гравюре 1568 г.

В последней четверти XVI в. Гродно превратилось в главную и любимую резиденцию короля Стефана Батория. При нем начинается перестройка Верхнего замка, который утрачивает свои суровые, аскетические черты, лишается ряда старых построек и башен. Исчезли башня-брама, столп XIII в., дворец Витовта.

В Верхнем замке по проекту итальянского архитектора Скотто строится новый двухэтажный в стиле ренессанса дворец Стефана Батория. В плане он напоминает вытянутый в длину и несколько перекошенный прямоугольник, размером 21X60 м, разделенный на несколько покоев и залов. Симметрия в разбивке помещений отсутствовала. На первом этаже находилась стража, кладовые, канцелярия, сокровищница и архив. Второй этаж дворца занимали королевские покои, богато украшенные шлифованным гипсом, каменной резьбой и изразцами, с тонкими наличниками окон, с полами, выложенными керамическими и мраморными плитками. Здание украшалось фигурным щипцом фронтона. Однако королевский дворец не утратил и своего оборонного значения, что подчеркивалось толстыми внешними стенами и тесной связью его планировки с другими замковыми защитными строениями: башнями, въездными воротами с подъемным мостом и коваными полотнищами створок на 12 фигурных завесах. Тогда же модернизируется и Нижний замок.

Поскольку в замках размещались все главные королевские службы, здесь, в случае военной опасности, находиться горожане не могли. Для этого было просто мало места. Поэтому тогда и возникла необходимость создать в Гродно еще один, третий замок -- центр обороны города, рассчитанный на местное ополчение. Этот комплекс деревоземляных укреплений был сооружен на мысу крутого берега Немана, недалеко от сегодняшнего железнодорожного моста, и ограничивался с востока громадным естественным рвом. Во второй половине XVII в. этот деревянный замок был реконструирован и получил бастионные укрепления. Тогда же с севера и востока, над Городничанкой, появилась

городская линия укреплений с Виленскими и Лидскими (Смоленскими в русских документах) воротами.

Арсенал замка за 1641 г. имел доспехов на 600 человек, несколько сот мушкетов и шпаг. Уходом за ними занимались специально выделенные платнер и слесарь.

Русско-польскую войну середины XVII в. Гродно ощутило лишь в конце лета 1655 г. Все население отсюда заблаговременно эвакуировалось в глубь Польши. Город 22 августа без труда достался войскам воеводы Я. К. Черкасского. В запустевшем и развалившемся замке были проведены восстановительные работы. Здесь стоял небольшой гарнизон, не удержавший город в марте 1659 г. и сдавший его шляхте Гродненского повета.

В сентябре 1705 г. Гродно стало центром сосредоточения союзных войск Петра I и польского короля Августа II, частично окруженных и блокированных войсками шведского короля Карла XII. В городе срочно восстановили бастионные укрепления. Но шведы не решились на штурм. В марте 1706 г. русские войска вышли из Гродно, затопив при отступлении в водах Немана пушки, ядра и порох.

Просуществовав до конца XVIII в., городские укрепления были срыты. Их остатки теперь прослеживаются только археологически. С 1986 г. началась реставрация руин замка.

ЛИДСКИЙ ЗАМОК

Лидский замок -- своеобразное военно-оборонительное сооружение XIV в. Он возник в те тревожные годы, когда натиск крестоносцев на белорусские и литовские земли достиг наибольшей силы. Вместе с литовцами и украинцами население Белоруссии мужественно сражалось с врагом. Особенно манили захватчиков богатые земли Понеманья.

Чтобы закрыть рыцарям дорогу в глубь земель Великого княжества Литовского, князь Гедимин в 1323 г. приказал заложить в Лиде каменный замок. Новый боевой форпост принеманских земель строили около пяти лет.

Противостоять натиску крестоносцев тогда могли только те оборонные сооружения, которые учитывали тактику осады войск, вооруженных первоклассной потому времени военной техникой. С XII по XIV в. в Северной Европе и Прибалтике распространился тип особых замков-кастелей. Основу их мощи составляли высокие каменные стены в виде четырехугольника, под защитой которых размещался и жил гарнизон. Особенно много кастелей построили ливонские рыцари на захваченных землях Прибалтики. Небольшие по своим размерам эти укрепления были базами захватчиков, пунктами сбора дани с покоренных народов, местом рынков.

Зодчие Лидского замка, взяв за основу тип рыцарского кастеля, творчески подошли к решению сложной задачи. Исходя из местных строительных традиций, они создали мощное

сооружение, пригодное для надежной защиты. За его стенами отныне могли найти пристанище жители не только города, но и соседних селений.

Строители удачно использовали рельеф местности, избрав для замка болотистую низменность, где речушка Каменка впадала в речку Лидею. На искусственном острове, насыпанном из песка и гравия, и было возведено это сооружение. Стены Лидского замка в плане напоминают трапецию, большое основание которой смотрит на север, туда, откуда чаще всего угрожала военная опасность. Перед северной стеной (длина ее около 93,5 м) лежал глубокий и широкий ров, который, видимо, наполнялся водой. Северную стену (длина около 80 м) прикрывали болотистые берега Каменки и Лидеи. Длина западной и восточной стен -- соответственно 84 и 83,5 м.

Недалеко от северо-восточного угла замка толщу восточной стены прорезали два входа. Меньшие ворота («фортка») при ширине прохода 2,5 м и высоте 3 м имели стрельчатую арку, облицованную большемерным кирпичом. Вторые (приблизительно 4,5 м ширины и около 6 м высоты) завершались полуциркульной аркой.

Меньшие ворота были как бы «черным» повседневным входом. Большие же открывались только для торжественного въезда князя либо знатных гостей.

В южной стене замка, на высоте около 2 м от земли, находился полуциркульный проем высотой около 3,9 м и шириной около 2 м. Судя по всему, это был запасной выход для гарнизона в критические моменты обороны.

Южная стена интересна также тем, что здесь сохранились до наших дней древние бойницы. Они бескамерные и в плане имеют форму трапеций, обращенных широким основанием внутрь замкового двора. При одинаковой высоте бойницы имели разную ширину и три их типа чередовались на стене. Бойницы предназначались для стрельбы из луков и арбалетов, а позже -- и из легкого огнестрельного оружия. По периметру замковых стен, ниже бойниц, шла деревянная галерея -- помост («вулица»), устроенная на консольных балках. Подымались на помост по лестницам с перилами, которые размещались в северо-западном и юго-восточном углах замка.

Боевая галерея накрывалась специальной крышей, имевшей скат в сторону двора. Одновременно со стенами в юго-западном углу замка была сооружена башня в плане близкая к квадрату размером 11,3Х11,3 м. Толщина ее стен достигала 3 м. Высота, очевидно, была намного выше 12-метровых замковых стен.

Есть сведения, что именно в этой башне находилась православная церковь св. Георгия Победоносца, вынесенная отсюда в город в 1533 г.

Вторая башня располагалась по диагонали от первой, в северо-восточном углу замкового двора. Построена она позже, видимо, в 80-е годы XIV в. или на рубеже XIV и XV вв., когда повсюду в Белоруссии и Литве совершенствовались оборонительные сооружения для решительного отпора крестоносцам. План второй Лидской башни -- перекошенный разносторонний четырехугольник размером 12Х12,5Х12,3Х12,15 м.

Археологические и письменные источники свидетельствуют, что на всех этажах имелись покои и залы: на нижнем, перекрытом крипичным сводом, находилась тюрьма, выше -- суд и архив. Жилые помещения занимали верхние этажи. Лестница для подъема располагалась в толще стены.

Всего для сооружения Лидского замка потребовалось около 23 тыс. куб. м валунов, около 1,5 млн. кирпичей, огромное количество извести и песка. Вымощены также были двор и откосы замковой возвышенности.

Размещение замка на болотистой низменности во многом сняло проблему водоснабжения. В ходе археологических раскопок на территории замкового двора найдено несколько средневековых колодцев. Немалое значение имел большой пруд на Лиде и Каменке, который закрывал прямые подступы с восточной и юго-восточной сторон.

За века своего существования Лида и ее замок неоднажды отбивали приступы врагов. Уже после смерти Гедимина, когда Лида стала столицей удела князя Ольгерда, а потом его сына Ягайлы, между князьями начались долгие распри за великокняжеский престол. Этим раздором воспользовались крестоносцы. В 1384 г. после продолжительной осады и штурма они захватили замок. В декабре 1392 г. отряды рыцарей во главе с командорами Яном Румпенгаймом, Конрадом Лихтенштейнским и их союзником князем Витовтом переправились возле местечка Алитус через Неман и по скованным морозом болотам подошли к стенам Лидского замка. Вместе с ними поискать грабительского счастья притащились и английские рыцари, которых возглавлял молодой граф П. Нортумберлендский.

Противник «зажег подзамче» и, ограбив город, осадил замок. Князь Дмитрий Корибут, который руководил его обороной, имел достаточно сил, но, напуганный рыцарями, решил оставить замок. Дождавшись ночи, он с гарнизоном направился в сторону Новогрудка. Рыцарям досталось большое количество оружия и военной амуниции.

Зимой 1394 г. крестоносцы вновь напали на Лиду. И снова в походе приняли участие английские рыцари во главе с графом Бэдфордом, а также французский отряд. Но на этот раз захватчикам поживиться ничем не удалось: жители сами сожгли свои дома и, закрывшись в замке, мужественно отразили все вражеские штурмы.

С 1396 по 1399 г. в Лидском замке жил изгнанный из Золотой Орды хан Тохтамыш: князь Витовт дал ему здесь пристанище, надеясь помочь ему вернуть трон, а затем использовать Тохтамыша в борьбе против Московского княжества. Однако в битве на Ворскле дружины Витовта были уничтожены войсками соперника неудачника-хана.

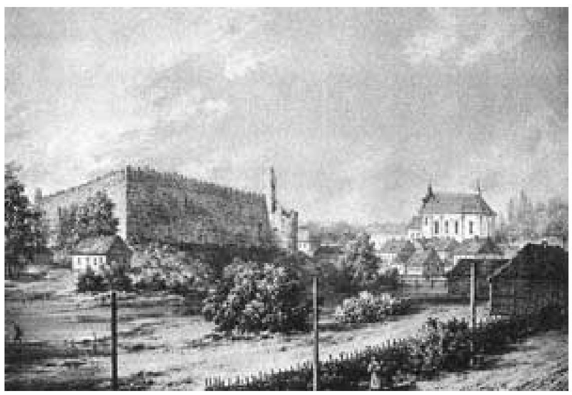
5 августа 1406 г. под стенами Лиды появились отряды смоленского князя Юрия Святославовича. Он шел выручать из неволи свою семью, которую годом ранее Витовт полонил, захватив Смоленск. После нескольких неудачных штурмов смоляне сняли осаду.

Не поддался замок и князю Свидригайло (1433 г.), который вел долгую войну с Жигимонтом.

С 1434 по 1443 г. замок стал прибежищем для еще одного хана-изгнанника Довлет-Хаджи Гирея. Правда, его судьба оказалась более счастливой, чем Тохтаяыша: с помощью Великого княжества Литовского он стал ханом перекопских татар.

После долгого военного затишья в 1506 г. появился под стенами Лиды один из загонов крымских татар, однако рискнуть на штурм замка он не решился.

Средневековая Лида состояла из замка, княжеского двора, собственно города с подзамчьем и Заречья. Княжеский двор, или замковый фольварк, как его часто называли еще в XVIII в., размещался над речушкой Каменкой, на северо-запад от замка. Возле него были мельницы, винокурня, различные другие хозяйственные строения.

«Место» лежало на север от замка. Его историческим центром считался рынок, от которого отходили всего четыре улицы: Виленская -- в сторону Вильни, Замковая -- к замку, Каменская -- к Каменке и далее по дороге на Василишки и Острину и улица Кривая, которая соединяла Каменскую улицу с рынком.

Заречье в те времена было небольшим -- всего несколько десятков хат.

Своих укреплений город Лида не имел.

Во время долгой русско-польской войны середины XVII в. каменные стены и башни Лидского замка ощутили всю силу новейшей тогдашней осадной техники. После продолжительной осады и артиллерийского обстрела летом 1659 г. 30-тысячное войско воеводы Никиты Хованского взяло замок штурмом. Сильно поврежденный, он был совершенно разрушен в 1702 г., когда один из шведских отрядов подорвал его башни. В то время стратегического значения замок уже не имел. Начался период запустения и разрушения старого укрепления, которое последний раз использовал по назначению отряд повстанцев Т. Костюшки в 1794 г.

В конце XIX в. местные предприимчивые дельцы начали ломать замковые стены и пускать кирпич и камень на продажу. Однако после решительных протестов лидских любителей древностей этот вандализм удалось остановить.

В начале нашего столетия императорская археологическая комиссия выделила 946 руб. на проведение работ по консервации Лидского замка, но сделано было немного: замок

частично обмерили, зафотографировали башни и стены и разобрали ненадежные места кладки.

В 20-е годы частичные консервационные работы провели польские реставраторы. В 80-е годы реставраторы Министерства культуры БССР восстановили завершения стен и северо-восточную башню, где разместится Музей истории города Лиды.

ЗАМОК В КРЕВО

В долине между высоких пригорков, на низком лугу, у слияния речушек Кревянка и Шляхтянка, встал в 30-е годы XIV в. каменный замок Кревского княжества. Тогда здесь правил сын Гедимина -- Ольгерд (в замке он жил с 1338 по 1345 г.).

Своей планировкой этот интересный памятник военной архитектуры XIV в., расположенный в Сморгонском районе Гродненской области, напоминает Лидский замок. Форма его -- неправильная трапеция, обращенная большим основанием в напольную сторону. С востока, юга и частично с запада и севера замок защищали воды Кревянки и Шляхтянки, перекрытых плотиной.

Как и в Лиде, здесь было всего две башни, размещенных по диагонали. Однако Кревский замок имеет некоторые особенности, присущие только ему. В северо-западной части была одна большая (Княжеская) башня размерами в основании 18,65Х17 м. Она выступала за периметр замковых ограждений, надежно фланкируя западную и северную (с воротами) стены. Башня имела три этажа и подвал-тюрьму. В башне жили князь, его челядь и начальник замковой стражи. Княжеские покои размещались, судя по всему, на втором этаже. Над третьим этажом мог существовать еще один ярус, о чем свидетельствуют остатки ведущей наверх каменной лестницы в толще стены. Это мог быть либо еще один этаж, либо боевые площадки.

При толщине стен в 3 м внизу и 2,5--2,6 м на уровне третьего этажа башня поднималась ввысь более чем на 25 м. Даже сегодняшние ее остатки достигают 17,5 м высоты.

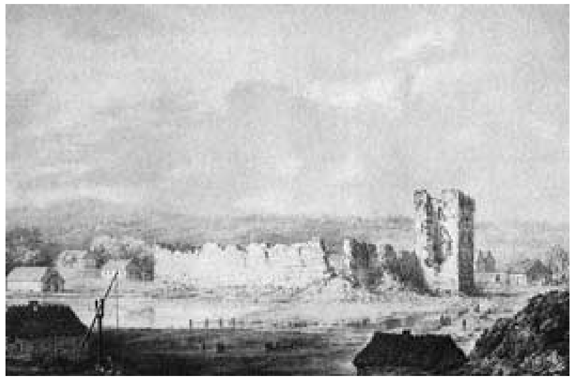
Княжеская башня имеет 3-метровый фундамент. Под ним полуметровая «подушка» из мелкого камня и глины, уложенная на настил из дубовых и сосновых жердей.

До высоты 3 м основание башни сложено из камня. Выше идет трехслойная («пусковая») кладка с кирпичными «щеками» толщиной до 0,7 м. Высота между этажами равнялась 4,8--5 м. Перекрытия между ними устраивались на толстых балках. Этажи соединялись деревянными лестницами.

Высокая 4-скатная кровля Княжеской башни сначала была покрыта гонтом, а в XV--XVI вв.-- черепицей -- «даховкой» двух типов.

С восточной стороны, где вода искусственного пруда близко подступала к стенам замка, строители сделали земляную насыпь и вымостили ее полевым камнем.

Длина зачиковых стен в Крево различная: северная, которой чаще всего угрожала опасность во время осад,-- 85 м (без учета стены Княжеской башни), восточная -- 108,5 м, южная -- 71,5 м и западная, перед башней несколько отклоняющаяся от основной трассы,-- 97,2 м. Их толщина достигает 2,75 м. 2-метровый фундамент сооружен из камня средней величины с 30-сантиметровым цоколем.

Он лежит на подушке из дубовых и еловых жердей и веток. Низ каменного фундамента северной стены устроен на глине. До высоты 4 м замковые стены сделаны из камня. Выше (и только с внешней стороны) -- кирпичная кладка толщиной 65 см, а основу стены составляет все тот же валун. Внутри западной стены, как и в стенах Княжеской башни, сохранились отверстия от балок внутренней деревянной связи. Они шли параллельно трассе стен и были предназначены укреплять их, предотвращать неравномерную осадку и другие динамические воздействия.

Ранее высота стен Кревского замка достигала 12-- 13 м. Теперь только отдельные их фрагменты (с северной стороны) имеют высоту около 10 м. Принцип организации огня такой же, как и в Лидском замке. На высоте 10 м по всему периметру на деревянных балках размещалась боевая галерея -- помост. Стреляли защитники замка сквозь бойницы, размещенные через каждые 2,4 м.

На стыке восточной и южной стен, изнутри, стояла еще одна башня размером 11X10,6 м (ее возвели позже), которая имела не менее четырех этажей.

В южной стене Кревского замка, как и в Лиде, расположен проем запасного выхода. Ширина его достигала 2,8 м, а высота -- 4,2 м.

Еще один запасной ход находился в западной стене. У самого низа ее прорезает проем стрельчатой формы шириной 2,2 м и высотой 2,5 м. Некоторые исследователи считают его «впуском» для воды, наполнявшей пруд («сажалку») на территории замкового двора. Но если учитывать функциональную целесообразность и размеры проема, то становится ясно, что это мог быть и запасной ход.

При раскопках на замковом дворе найдено много керамики XIV--XVII вв., терракотовая и поливная кафля, фрагменты стеклянных изделий, черепица, оружие, остатки хозяйственных построек.

Кревский замок был свидетелем и местом многих исторических событий. Уже вскоре после постройки он подвергся нападению. Остатки сожженной боевой галереи и каменные ядра, найденные в ходе раскопок под западной стеной, не оставляют в этом никакого сомнения. В 1382 г. в подземелье центральной башни по приказу Ягайлы задушили его «дядьку» -- князя Кейстута, основного претендента на великокняжеский престол. В 1385 г. в Кревском замке разрабатывались условия объединения Великого княжества Литовского и Польши под властью Ягайлы (Кревская уния). В 1433 г. Кревом овладел мятежный князь Свидригайло, претендовавший на великокняжеский стол. «И при-де ко Креву,-- сообщает летопись,-- и стояша 2 дни, взяша Крево мурованны и сожже, а людей много посекоша и в полон поведоша». В 1503--1506 гг. замок не раз осаждали и значительно его повредили перекопские татары. Почти в это время проезжавший здесь путешественник и дипломат Сигизмунд Герберштейн отметил в своих дорожных записях: «Крево--местечко с покинутой крепостью».

Вероятно, вскоре все же замок был восстановлен, поскольку в 1519 г. в ходе глубокого рейда в глубь Белоруссии войска московских воевод «воеваша и плениша... Крев».

Во второй половине XVI в. здесь жил беглый русский князь Андрей Курбский.

Замок постепенно терял свое оборонное значение, однако в XVIII в. еще находился в сносном состоянии. Позднее началось его разрушение, довершенное в годы первой мировой войны, когда через Крево проходила линия фронта. Более трех лет здесь велись позиционные сражения. Замок оказался на немецкой стороне обороны. В нем были сооружены бетонные убежища (в Малой башне и у южной стены), наблюдательные пункты. Во время их обстрелов древний замок очень сильно пострадал, особенно Княжеская башня. Кирпичная облицовка во многих местах отслоилась и даже обвалилась. Северная стена укрепления наклонилась на 10 град. В 1929 г. польские реставраторы укрепили ее контрфорсом 2-метровой ширины и законсервировали. Облицовку главной башни связали железными затяжками, а щели залили известковым раствором. Тогда же подмуровали остатки северо-восточной стены, укрепленные эскарпом.

В наши дни в замке проведены основательные исследования. Памятник включен в туристический маршрут.

Возведение замков типа «кастель» было важным шагом на пути развития местного военного зодчества. Здесь получил начало и развился принцип фланкирующего огня из

башен, вынесенных за периметр стен. Плановая композиция четырехугольного оборонительного сооружения в дальнейшем станет характерной особенностью белорусского зодчества XV и XVI вв. Эти замки сыграли важную роль в защите Понеманья от крестоносного нашествия и внесли немалый вклад в дело окончательного разгрома Тевтонского ордена.

БРЕСТСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Брест известен летописцам с 1019 г., но лишь в 1099 г. он был впервые назван «градом». Укрепления этого «града», а затем и сменившего его средневекового замка, удобно размещались на высоком мысу у впадения реки Мухавец в Западный Буг. Площадка замчища еще в конце XVIII -- начале XIX в. сохраняла вид мысового городища формы треугольника со сторонами около 234Х187Х234 м, отделявшегося с юга дугообразным рвом от прилегающей территории. Площадь памятника равнялась чуть более 2 га.

В XII и XIII вв. Брест был в гуще политических и военных событий Киевской Руси. Ипатьевская летопись зафиксировала строительство в 1259 г. укреплений «града» при князе Владимире Васильевиче, который «зруби Берестий». Здесь же была возведена каменная оборонительная башня, простоявшая в линии укреплений вплоть до начала XIX в.

После 1282 г., когда берестейский воевода Тит успешно отбил очередное нападение мазовшан, город попал в долгую полосу военных столкновений между литовскими князьями и польскими королями. Берестье начинает ощущать проникающие удары и рыцарей Тевтонского ордена, а в 1334 г. даже ненадолго оказывается в их руках. Через три года сюда вошел князь Кейстут Гедиминович, но после 1348 г. город, как и всю Берестейскую землю, занимают поляки. В 1366 г. Берестье снова принадлежало Кейстуту. Его жители то участвуют вместе с ополченцами Витебска, Полоцка, Смоленска и других городов в сражениях с крестоносцами (битва на Стреве в 1348 г.), то сами отражают осады рыцарей. Так, их отряд во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, в августе 1379 г. ограбил и сжег город, но замка взять не смог.

В период борьбы между польским королем Ягайлом и князем Витовтом Берестейский замок зимой 1390 г. осадило королевское войско. После 10 дней обороны он сдался.

В том же году первым из городов Белоруссии Брест получил магдебургское право. К середине XV века он превратился в один из крупнейших центров, который польский историк Ян Длугош называл «пристанью и воротами в литовские и русские земли». Военное значение Бреста нашло отражение в гербе, полученном в 1554 г. На нем на красном поле изображался замок, стоявший у слияния двух рек.

Брест в конце XV -- начале XVI в. ощущал на себе удары крымских татар. В 1500 г. около 15 тыс. их конницы подошло к городу, сожгло посад («место»), но замка взять не смогло. Тем не менее, татары ушли только после получения «окупа». Для городов Белорусского

Понеманья Брест превратился в центр, где постоянно находилась высылаемая ими «сторожа от татар». В частности, мещанам Волковыска в 1507 г. великий князь приказывал: «А к Берестье в заставу мають ходити водле давнего звычая».

В замке имелось огнестрельное оружие, в том числе и пушки. В 1516 и 1523 гг. упоминается «пушкарь Берестейский Марко». Однако все оружие и припасы погибли в 1525 г., когда в результате катастрофического пожара «замок... Берестейский и паркан, и место, и брамы -- все на корень выгорело». Мещане били челом королю передать в их руки право «у месте Берестейском мыто брати с купцов», обещая за это «ку обороне паркану гаковницы и порохи и иные потребы бронные справовати и к тому мосты мостики на Муховцы, на Угринце, на Струзе, у бронах и по улицам своим, где перед тым мощивали». Такое разрешение было дано сроком на 10 лет, но при этом мещанам напомнили, что обязательно также необходимо построить «паркан», который сооружали «как наши мещане, так и князские, и паньские, и духовные тыи вси мають делницы свои заробити потому, как и перед тым всим местом робили».

При составлении описания староства Берестейского в 1566 г. были зафиксированы новоотстроенные замок, «место в паркане» и «место за парканом», новый район Замуховечье, расстроившийся на юг от замка. Сам замок отделялся от Замуховечья водяным рвом, соединявшимся с Мухавцом и Западным Бугом. На замковом валу стояло 5 башен, в том числе брама.

Никаких детальных описаний этих сооружений нет, лишь отмечено, что в башне, стоявшей со стороны Замуховечья, имелось круговое «бланкованье», а в старой браме «с ганком наверху» висел ратный колокол -- «звон великий». В цейхгаузе имелось доспехов металлических на 100 человек, 12 пущек, одна мортира, 96 гаковниц и 7 железных «киев», копья и протазаны, «болты» для арбалетов, 360 пушечных ядер, форма для их отливки и другое. За оружием и оборонительными сооружениями присматривали специальные слуги и замковые ремесленники: пушкарь, плотник, платнер, кузнец, слесарь, каменщик и столяр.

Замковый инвентарь того времени зафиксировал специальный насос для скрытой подачи в замок воды по трубам («рурам»). Водяные «помпы медяные або спижные за штемпелями железными» приводились в действие большим колесом водяного «млына». С его помощью могла работать и механическая «ступа на толчение пороху», а при необходимости и сукновальня -- «фолюш». Водонасосное устройство обслуживалось специальным мастером -- «рурмистром».

Из описания замка видно, что конструктивную основу его обороны составляли городни («коморы посполитые»), внутри которых местные жители и крестьяне волости имели «схованье», запиравшееся на «защепки и ланцуги», на «скоблях». Таких «комор» насчитывалось 129. Кроме того, в линии стен находились и разные жилые помещения, вероятно, имевшие какие-то устройства для обороны. На городни вели специальные лестницы -- «сходы». Были предусмотрены «потребные коморки» -- туалеты.

В мирное время замковая волость выделяла на замок ежедневно по 12 сторожей и по 12 кликунов.

Основная часть городских кварталов выгодно размещалась на островах, обнятых двумя рукавами Мухавца, и находилась против замка. По сведениям 1566 г., город был обнесен земляным валом с «парканом», стоявшим на нем. Перед валом с восточной стороны имелся водяной ров. Одним концом он упирался в Мухавец, а вторым -- в его рукав. В первой

половине XIX в., в связи с ростом города, ров был засыпан, а площадь поселения увеличилась до пределов, ограждаемых двумя рукавами Мухавца.

В 1566--1580 гг. в линии городских укреплений имелось как минимум четверо ворот. В восточной части размещалась брама «от улицы ЗауГринки», выводившая на Виленский гостинец, на дорогу в Кобрин и далее в южные и восточные районы Белоруссии. Она называлась в разных документах то «брама Виде некая», то «брама Завгрынецкая». Вторая брама «Песочная» запирала «улицу Песок» и открывала дорогу к «гостинцу Краковскому» в Забужье. Третья брама открывала дорогу с городского рынка в замок, а четвертая -- в Замуховечье, далее на Ковель и Волынь.

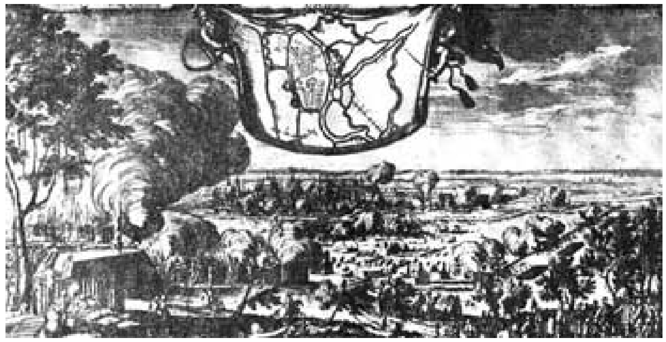
Перед каждой брамой имелся мост.

Городской вал проходил по краю островной территории, занимаемой «местом», и кругом защищался водой рек. По-видимому, вода была и во рву с восточной стороны.

В районе «брамы Завгрынецкой» вал ранее «так был широкий за городнями, яко через 2 сажени вшыр на ров ку воде для хоженья и обороны вшелякое, а з другое стороны от места межи домы местскими, а межи тыми ж городнями вколо тот же вал так был широкий, яко 2 возы великих скарбных оменутисе могли».

Защита города и замка лежала на плечах мещан и жителей волости. В военное время здесь размещался дополнительный контингент войск. Так, во время Ливонской войны в июле 1566 г. здесь находилась рота в составе 600 конников. Жители, входящие в цеховые военные объединения (мечники, слесари, кузнецы, резчики, столяры, шинкари, сапожники, пекари и др.), согласно уставов своих цехов обязаны были иметь «супольную армату, ...бубен и хоругву... для обороны места». Каждый цех со своим оружием участвовал в военных смотрах («полисах») и во всех «потребах меских».

В 1648 г., во время освободительной войны против польско-шляхетского гнета в Белоруссии и на Украине, казаки Б. Хмельницкого, в числе которых было немало белорусских крестьян, полностью разрушили Брест, сравняв его с «полем равно». Уцелевшее докончили в декабре 1648 г. королевские наемные солдаты, которые вновь заняли город. В результате этих событий Брест и его укрепления, которые считались «воротами Великого княжества Литовского в Корону» и на которых зиждилась «сила всей Речи Посполитой», пришли в такое состояние, что Варшавский сейм принял в 1654 г. специальную декларацию о срочном восстановлении укреплений. Жители были освобождены от общественных налогов. Деньги шли с Брестской королевской экономии. Отсюда же набирали людей для военно-фортификационных работ из расчета одна неделя работы владельца земли с одной волоки. Все жители, без исключения, включая и духовных, привлекались к этому строительству. Руководил фортификационными работами специально присланный королем инженер. За счет доходов от Брестской экономии закупалась для замка и вся амуниция.

В условиях разгоревшейся русско-польской войны, в которой участвовала и Швеция, строительство укреплений в Бресте шло медленно. В конце октября -- начале ноября 1655 г. с «ратными людьми ишовши к Бресте» под городом были русские воеводы С. А. Урусов и Ю. Борятинский. Однако до взятия города дело не дошло. Для этого не хватило сил.

Летом 1657 г. объединенное войско шведского короля Августа и Семиградского князя Ракоши, осадив Брест, добилось успеха. Причиной тому была измена наемной немецкой пехоты. В условиях осады немцы «своровали... Бресть сдали и сами... остались у короля шведского, а осталось де их 1700 человек». По другим сведениям, противник овладел городом «через трактат», т. е. заставив гарнизон сдаться на определенных условиях. В честь этой сомнительной победы была вырезана специальная гравюра, на которой изображена сцена осады Бреста, снабженная соответствующим комментарием.

Нам представляется, что на гравюре изображена не реальная плановая ситуация Бреста и его укреплений, а, вероятно, попавший в руки шведов проект строительства нового, но так и не законченного комплекса фортификационных сооружений города. Их частичное возведение продолжалось в 1658 г. после того, как Брест удалось снова вернуть. Это произошло благодаря операции, разработанной гетманом Павлом Сапегой. 12 июля 1657 г. он приказал М. Радзивиллу, подчашему Великого княжества Литовского, набрать и возглавить отряд добровольцев для неожиданного нападения и захвата Брестской фортеции. Там, судя по достоверным сведениям, находился гарнизон численностью не более 600 человек из войска Семиградского князя Ракоши. Гарнизон возглавлял престарелый комендант Гонди. Операцию по захвату замка готовили в обстановке секретности. П. Сапега приказал все тщательно разведать и, выбрав нужное время, «учинить эксперимент: спешив людей, подобраться как можно тише, ...чтобы никто и пера не уронил», а затем атаковать укрепления, захватив противника врасплох. Пушки было приказано не зарывать, а ставить для стрельбы прямой наводкой.

Операция удалась. 20 августа о ней говорилось уже как о свершившейся. Гетман личным письмом поблагодарил М. Радзивилла и его отряд, состоявший из «обывателей Брестского воеводства», как от своей «персоны, так и от всей Речи Посполитой за совершенный труд... при отобрании Бреста, за что все Отечество должно отплатить... благодарностью».

Судя по документам, гарнизон сдался отряду на условиях каких-то «пунктов». 15 сентября 1657 г. П. Сапега обратил внимание М. Радзивилла на слишком поспешный прием Брестской фортеции и выпуск из города гарнизона во главе с комендантом Гонди. В результате в замке не досчитались 11 пушек. П. Сапега приказал задержать семиградцев для выяснения вопроса и забрать у них часть пушек.

В освобожденном Бресте, опустошенном и разграбленном, началось медленное восстановление укреплений. Для завершения строительства Брестской фортеции в 1658 г.

выделялось сеймом Речи Посполитой 10 тыс. злотых и планировалось поставить нужное количество пороха, ядер и оружия. Гетман Великого княжества Литовского получил наказ содержать здесь столько пехоты, сколько будет требовать ситуация. Однако реальные обстоятельства русско-польской войны делали подобные декларации лишь благим пожеланием. Не случайно поэтому в следующем, 1659 г. Варшавский сейм лишь продублировал ранее принятое постановление о Брестских укреплениях. Трудно сказать, что все же было сделано по укреплению города. 8 января 1660 г. войска царского воеводы И. А. Хованского, подойдя по льду к городским укреплениям, захватили их. После этого до 13 января шла осада замка, который также взяли штурмом. И. А. Хованский стоял в Бресте до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши. В занятом городе воеводе пришлось строить укрепления для защиты своих войск. В донесении царю, датированном 9 марта 1660 г., он сообщал, что «Брест верхний город укрепил я накрепко, сверх старых крепостей по земляному городу нарубил тарасы в 2 стены рублены, а вышиною 2 сажени, а в иных местах и в 2 Чг, а хлебных запасов в Бресте года на два будет тем людям, которые оставлены, а соли и пушечных всяких запасов гораздо много, сидеть в Верхнем городе бесстрашно от неприятеля, а большого города занять некем, надобеть посадить тысячи 4, а на меньшую статью 3000, и то будет неприятелю страшно». Однако ход русско-польской войны и Оливский мир между Швецией и Речью Посполитой, высвободивший значительные воинские силы последней, вынудили Хованского оставить Брест в том же месяце и двинуться к Ляховичам. Укрепления города, похоже, при отходе царскими войсками сожжены не были, поскольку о них говорилось 20 июня 1660 г. как о существующих, «а про город сказывали: летом приступом взять не мочно, потому что сказывают, обошли реки». В 1661 г. Брест снова оказался в руках русских войск, поскольку тогда же плохо вооруженная шляхта безуспешно пыталась добыть Брестскую фортецию. Лишь позже, в том же году, она снова оказалась в руках Речи Посполитой.

В разгар Северной войны в 1706 г. укрепления города не выдержали осады войск шведского генерала Мейерфельда. Тем не менее тактически выгодное размещение средневековых укреплений было использовано и позднее. В 1828 г. на месте замка было возведено 5-бастионное укрепление, за которым в 1833--1911 гг. последовало долгое строительство Брестской крепости.

УКРЕПЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕНСКА

Система обороны средневекового Менска, включенного в состав Литовского государства в XIII в., базировалась на замке, занимавшем древний детинец, и укреплениях окольного, или Верхнего, города. Замок размещался на правом берегу реки Свислочи в месте впадения в нее речки Немиги. Овальная в плане площадка замка, занимавшая 3 га, была обнесена по периметру мощным земляным валом. Его песчано-гравийная насыпь в начале имела ширину около 20 м. Внутри вал был армирован специальным деревянным каркасом из сосновых бревен, положенных в 9 накатов строго поперек и вдоль трассы вала. Позднее производили еще раз подсыпку вала, усилив его внутренний склон специальными

крюковыми конструкциями. Ширина насыпи достигала 30--32 м, а высота, судя по сведениям XVII в.,-- почти 15 м над уровнем воды в Свислочи.

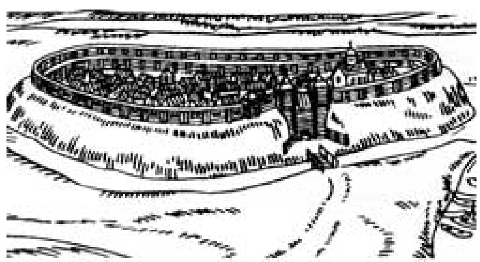
Первоначальный вал датируется концом XI в., а его перестройка -- XII в.

Вал такой громадной высоты -- явление исключительное, и на всей территории Белоруссии аналогов себе не имеет. Причину этого, видимо, следует искать в том, что в Менске он должен был закрывать собой от обстрела с соседней Соборной горы (Верхнего города) всю застройку замкового двора. К высоте вала нужно добавить высоту навальных срубных конструкций -- городней с «бланкованьем», достигшим не менее 5--6м.

Сильно укрепленный замок был защищен еще и водяным оборонительным рвом. По нему протекала, огибая укрепления, речка Немига. Подпруженная плотинами мельниц, она впадала под стенами замка в Свислочь.

Оборонительные сооружения окольного, или Верхнего, города вряд ли появились в XII--XIII вв., когда город стал занимать возвышенность к востоку от замка. Эта линия обороны сформировалась, думается, в XIV--XVI вв., опираясь, главным образом, на естественные высокие склоны, у подножия которых с севера и востока протекала Свислочь.

В период с XIV по XVIII в. укрепления средневекового Менска не раз испытали удары разных противников. Не только вражеские нашествия, но и внутренние междоусобные войны часто докатывались до его стен. Так, в 1434 г. мятежный князь Свидригайло «прышодшы к Менску и город Менск зажег..., а людей много в полон поведоша, мужи и жены». Ольшевская летопись уточняет, что «Менск за один день взяли и место выжгли».

Средневековый Менск. Реконструкция Е. Кулика

Однако удалось ли войску Свидригайлы взять замок -- неизвестно. В 1506 г. перекопский хан Махмет Гирей двинул свои загоны на земли Великого княжества Литовского. Вскоре сам «Махмет Гирей солтан подышох под замок Менский, где он стал кошем 15 августа». Вся округа и само «место» были разграблены и сожжены, но замок «оборонился». Кроме разорения и плена, татары принесли в Белоруссию и моровое поветрие, причинившее новые беды.

Затем под стенами Менского замка в 1508 г. появился мятежный князь Глинский, приведший сюда полки русского воеводы князя Шемячича. Две недели длилась осада города, но подошедшее войско короля Жигимонта «Глинского от Менска отстрашывшы, бо был вже Менск Глинский добывати почал». Повторно город осаждался в 1519 г. войсками русских князей В. Шуйского, М. Горбатого и С. Курбского и в том же году, вероятно, князем М. Кислицею, который ходил «под Молодечно и другие городки с новгородцами и псковичами». В 1534 г., в октябре-ноябре через Менск из Борисова «с огнем и мечом дошли до Молодечны» войска русских воевод М. Горбатого и Н. Оболенского, правда, «не занимаясь осадой крепости».

В документах господарской канцелярии за 1552 г. сохранилась запись, что в том году «з божьего допущенья тот замок наш Менский недавних часов сгорел». В 1568 г., во время Ливонской войны, послы от Мен-ского воеводства просили короля, чтобы он «замок тамошний Менский яко будованьем, так и з ласки своее господарское стрелбою водле потребы опатрити рачил». Так же они высказали просьбу «абы там в Менску городничий от Его Королевской Милости дан был, яко ся то и перед тым заховывало, жебы всякого порядку и опатренья замкового подле надежности того враду доглядел». Король обещал разрешить эти вопросы «водле стародавнего звычаю» и «опатрити... водле потребы».

Вероятно, вскоре замок был восстановлен, так как А. Гваньини, знавший Менск по состоянию на 70-- 80-е годы XVI в., писал о нем, что это «большой деревянный город и замок, построенный из дерева, место довольно хорошо приспособленное к обороне природой и трудом, окруженное глубоким рвом-перекопом, по которому течет река, густо уставленная мельницами». Следовательно, система плотин подымала уровень воды не только в Свислочи, но и в Немиге, наполняятем самым водой оборонительный ров и превращая замок в островное укрепление.

Важную роль в поддержании укреплений Менска в надлежащем состоянии сыграло магдебургское право, полученное городом в 1499 г. и дополненное позже рядом привилеев.

В конце XV -- начале XVI в. в замке имелось значительное количество пушек и пушкарей. Правда, здесь, как и почти повсюду тогда в Великом княжестве Литовском, пушкарями были в основном наемники-иностранцы. Нанимались они на определенный срок и часто менялись: в 1507 г. в связи с заменой пушкарей в Менском замке королю Жигимонту сделали запись «на память колко пушкаров отпустил з Менска».

Однако к середине XVI в. иностранцы утратили доминирующее положение, их сменили местные люди. Менские пушкари не только обслуживали свой замок, но и нередко находились на службе вдали от родного города. Так, в 1552 г. на Украине в Черкасском замке служил «пушкарь на имя Ворона, родом из Менску, жонатый, коваль и стрелец з дел добрый, порохи робит, дела оправует и знову ручницы ковати умеет».

В Менске, который был значительным торгово-ремесленным центром Великого княжества Литовского, к XVII в. насчитывалось более 80 ремесел. Еще в середине XVI в. здесь стали возникать корпорации ремесленников -- цехи. Основная тяжесть по защите города и досмотру его фортификации лежала на плечах горожан.

Магистрат внимательно следил за тем, чтобы все ремесленные цехи отбывали свои военно-строительные повинности (это неизменно предусматривалось в их уставах).

До получения магдебургского привилея мещане Менска кроме городовой работы ходили в «сторожу» и давали подводы великому князю в военное и мирное время. После 1499 г. они давали подводы и ходили в «сторожу» только на потребу земскую по личному письму великого князя и под его личной печатью.

В 1591--1592 гг. магистратом города и королем были даны и утверждены уставы цехов -- кравецкого, кушнерского и шапочников, объединенного цеха восьми ремесел, куда входили злотники, ковали, котляры, медники, слесари, часовщики, мечники и ножевники. Среди многочисленных артыкулов статутов встречаются почти идентичные об обязанностях членов цехов и разрешении им иметь «прикладом места нашего Виленского... хоругву, бубен и всякую армату, до обороны меской належачой». Каждый цех и член цеха имел в

линии городской обороны свое конкретное место. Цехи должны были в случае «потребы речи посполитой меской» по распоряжению магистрата «на час и мейсце певное являться, чтобы со зброей становилися до вахты меской и водлуг потребы не мешкая прибывать и всякое послушенство вряду зверхному мескому належачее во всем чынить будуть повинны». Приходить с ору жием на цеховые сходки категорически запрещалось под угрозой штрафа-- «кары воском чверть каменю».

Интересным был четвертый артыкул статута цеха лекарей-цирюльников 1635 г., касающийся их воинских обязанностей. Он требовал, чтобы в случае «гвалту неприятеля якого на город» все лекари по приказу городских бурмистров были готовы с оружием явиться на то место, которое им назначат. Исключением из правил мог быть лишь случай, если лекарь находился возле «пациента тяжелобольного, от которого майстру тяжко отойти». Однако лекарь должен был отправить вместо себя вооруженного слугу или помощника.

Военными делами в цехах ведали цехмистры. Во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. наиболее многочисленные цехи имели для этих целей особых «хорунжих».

Никаких инвентарей Менского замка XV--XVII вв. и городских укреплений не сохранилось.

В 1648 г. во время полыхавшей в Белоруссии и на Украине войны в «Менску жолнеры и мещане в осаде от черкас и гультяйства» сидели. Спустя некоторое время мещане сидели в осаде уже от королевских «жолнеров», которые вымогали от них «стацию», т. е. провиантский налог. Очевидно, эта осада велась по всем правилам военного искусства, так как после нее городские укрепления имели вид весьма печальный.

В 1654 г., в преддверии очередной русско-польской войны, мещане всего города добровольно согласились дать деньги «на направу валов Менских зруйнованых и брам». Однако сведений о строительстве в это время укреплений или их ремонте нет. С 1654 г. и до середины 1655 г. Менск был своеобразным базовым городом, где концентрировались войска.

Вероятно, отсутствие должной фортификации заставило войско Речи Посполитой дать бой подходившим царским войскам окольничьего Б. М. Хитрова, воеводы Я. К. Черкасского и казакам И. Золотаренко не на стенах города, а за 5 верст от него. Сражение было проиграно, «литовские люди» были вынуждены отступать до Менска. Однако в городе закрепиться было негде, поэтому «...те люди тот город Менск покинули, побежав из города, разметав мосты, на другую сторону, на поле». Царские войска и казаки, войдя в город, навели мосты и, переправившись через Свислочь, подошли к замку. Не начиная его осады, окольничий Б. М. Хитров у ворот поставил пехоту, а с остальными, перейдя реку, «взшел на поле и литовские люди учинили большой бой с ними». Исход боя неизвестен. Что касается Менского замка, то мещане какое-то сопротивление оказали, так как Менск стоял в списке городов польских и литовских, которые «взяты». Случилось это 3 июля 1655 г.

К моменту прихода царских войск в Менск этот ранее важный административно-хозяйственный и воеводский центр был пуст. Жители покинули его, уйдя в глубь государства, в Вильно и далее. Здесь остались лишь «войт Ивашко Жыдович с товарищы полтараста человек».

3 декабря 1655 г. царь «указал» стоявшему в Борисове стольнику и воеводе А. И. Еропкину послать в Менск две роты солдат с начальными людьми и велел им «в Менску для всякого береженья сделать крепость, какую пристойно, и велел салдатам быть в Менску до нашего указу». Помогать должна была «менско-го повета шляхта и всякие служебные люди и мещане и пахотные люди».

В связи с «малолюдством» среди горожан, нежеланием шляхты давать своих крестьян на «острожную работу», ибо царь особой грамотой освободил шляхту от нее, укрепления в Менском замке возводили, главным образом, русские солдаты. Строительство начиналось в декабре 1655 г. еще при воеводе Иване Колобове. Затем его сменил новый воевода -- Богдан Аладьев.

В руки Аладьева перешли городовые ключи, веданье «нарядом», пушечным зельем и житницами. Воевода осмотрел замок, выяснил, каков он «мерою и каковы проезжие ворота», а также состояние иных «крепостей», рва и колодца. Налицо имелись 4 полковые пушки, небольшой запас свинца и пороха, но не было ни одного пушкаря.

В феврале 1656 г. царю сообщали о работах, проведенных в Менском замке: «на старой осыпи поставили башню, а на осыпи поставили туры большие и насыпали. А осыпь от реки Свислочи вверх 14 сажен, а по обе стороны -- по 10 сажен, а поперек того, да поставили острог полутретьи сажени вверх, а посеред острогу поставили башню 3-х сажень». Всего было отремонтировано 309 саженей укреплений, но оставалось недоделанными еще 120 саженей. «А вкруг около осыпи все обошла вода. А поставили город только тремя ротами, уезд весь пуст».

В других документах упоминаются и укрепления вокруг «места». «И в Менску... старая осыпь круг всего посаду велика. А на которой осыпи... поставили турки небольшие и те... турки накладены кирпичьем, да меж той осыпи поставлено тыну в ветчаном лесу для по-спешенья». Однако все это было сделано «непрочно и некрепко». Характерно, что во всех русских документах того времени замковые и городские укрепления называются «осыпи» и нет ни слова о деревянных на-вальных конструкциях. Это дает основание считать, что в Менске тогда везде была бастионная фортификация. Русские воеводы старались поставить на таких укреплениях деревянные стены и башни. Без них бастионные укрепления воеводами «не воспринимались».

К июню 1656 г. все сделанное зимой развалилось, воевода Ф. Арсеньев писал царю, что «в Менску острогу нет ни худова, ни доброва». Это вызывало беспокойство не только русских ратных людей, но и оставшихся в городе мещан, которые боялись грабежей шведских солдат, приходивших из-под Слуцка. Шведы в полон население не брали, но, являясь в села и города по 5--6 рот, грабили жителей, забирая «лошадей и животину всякую, их хлеб и платье». Царь требовал «в Менске острог покрепить служилыми и уездными людьми». Воевода не мог этого сделать, так как имел всего 20 рейтар и 270 пеших солдат, которые стояли «по осыпи» в карауле. Не было в повете и шляхтичей, так как они «от казацкого разоренья разбежались многие неведомо где». Осложнились дела и тем, что царскими солдатами были «все татары да мордва, русского ничего не знают».

Учитывая ситуацию, царь грамотой от 26 июля 1656 г. указал над шведами «промышлять сопча» с борисовским воеводою И. Ржевским «сколько милосердный Бог помощи подаст». В связи с тем, что возить лес и ремонтировать старый острог в Менске было некому, предлагалось сделать новый, но небольшой, в «котором месте пригоже». Таким местом воеводы выбрали Верхний город, где в его центральной части размещалась группа

монументальных сооружений. Среди них имелась городская ратуша с тюрьмой, королевский двор, торговые ряды, а также инкастеллирован-ные храмы -- Свято-Духовский монастырь («Духов монастырь») и костел францисканок. Эти храмы называются в отписках и грамотах того времени. Но кроме них здесь же размещались комплексы кляшторов бер-нардинок и бернардинцев, доминиканский костел и кляштор, которые своими каменными массивами делали этот район труднодоступным. Оставалось лишь объединить все эти здания одной линией укреплений, заделав промежутки между ними деревянными стенами, что и было выполнено царскими солдатами и мещанами Койданова.

Как отмечали русские начальные люди и воевода В. Яковлев, заменивший умершего Ф. Арсеньева, около Свято-Духовского монастыря имелась «ограда каменная и бои верхние и нижние, и начом стену сделать можно и заделка у той стены будет небольшая». Длина монастырской ограды достигала 100 саженей. К ней было еще прибавлено 53 саженя деревянной ограды. Характеризуя костел, воевода писал, что он «добре велик, каменной, и в нем полковой и подошвенный и мушкетный бой, к Духову монастырю блиско будет». Костел стоял от монастыря в 25 саженях. На территории нового и своеобразного острога, обведенного рвом, имелся колодец, что было немаловажным фактором.

Возведение новых укреплений закончилось в 1658 г.

Был ли использован в русско-польской войне новый острог, устроенный в Верхнем городе, неизвестно, однако факт использования инкастеллированных храмов в качестве ядра городских укреплений знаменателен.

В документах XVII--XVIII вв. Менский замок продолжает фигурировать, но уже больше в качестве места проведения шляхетских сеймиков. Однако еще в сере дине XVIII в., в 1750 г., в нем размещался замковый гарнизон, где были хорунжий, подхорунжий и рядовые солдаты. Вал замка находился в исправном состоянии.

В это же время еще существовала городская линия фортификации в виде вала с девятью бастионами, земляными куртинами длиной около 2 км и оборонительным рвом перед ними. Ворот в линии укреплений было двое. Одни выводили в сторону Койданова и далее на Брест, другие -- на Раков и Вильно.

После русско-польской войны экономическая жизнь Менска возрождалась с трудом. В 1664 г. в городе снова был объединенный цех злотников, кузнецов, котляров и других металлистов. Позднее обособился слесарный цех, который имел своего «хорунжего», ведавшего военными делами. Имелся хорунжий в 1704 г. в ры-марском и седлярском цехах. Грамотой от 26 июля 1662 г. король Ян Казимир напомнил, что все проживающие на городских землях мещане «...во всяких... обстоятельствах будут находиться в подчинении городским законам и обычаям, под управлением и в пределах подсудности Менского городского магистрата, будут обязаны уплачивать городские подати и сборы на текущие потребности и на солдат, а также выполнять повинности, представлять подводы и участвовать в защите укреплений города Менска».

Грянувшая вскоре Северная война вновь привела город в упадок: он несколько раз был осажден то русскими, то шведами и всякий раз уплачивал громадные налоги. Еще в 1744 г. чувствовались последствия этой войны. В королевской грамоте Менску о правах и привилегиях отмечалось его «разорение, опустошение и разрушение... вследствие вражеских нашествий, грабежей, поджогов, мора и голода, прохода войск, солдатских постоев, взимания гиберны, а позже в результате неоднократных, по допущению

господнему, губительных пожаров, других кар божьих и людских притеснений уже полностью разрушенного и угнетенного». Жители Менска скитались «по другим городам и углам».

Однако и в таком состоянии магистрат поддерживал в городе традицию городского ополчения, которое, правда, иногда причиняло ему немало хлопот. Так было, например, в 1750 г., когда «около 1000 людей... с барабанами, копьями, ружьями, пиками и другими приспособлениями, ударив ночью в набат, напали на представителя замковой администрации и солдат гарнизона».

После включения центральной Белоруссии в состав Российской империи в 1793 г. было составлено «Топографическое описание Менской губернии», где дана характеристика остатков городской фортификации. В нем сказано, что «Менск положение имеет скатистое, по обе стороны реки Свислочи, из коих главная часть оного состоит на правой стороне. Окружен был в древние времена земляным, весьма посредственной высоты, валом и рвом, похожим на ретраншемент с расположенными по местам небольшими насыпными бастионами, внутри коего по правую сторону реки Свислочи находится еще небольшое овальное старинное укрепление, называемое замок, но за давностью времен все оное приходит в упадок».

ГОМЕЛЬСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В XII--XVII вв. Гомель справедливо считался мощным центром обороны Нижнего Посожья. Укрепления с земляным валом и простейшим частоколом появились здесь еще в XI в. Позднее вал многократно подсыпался. Видимо, не случайно в период междоусобиц искал спасения за гомельскими укреплениями великий киевский князь Изяслав Давыдович (1159 г.). В 1164 г. здесь был основан княжеский стол, которым владел одно время князь Игорь Святославович -- герой «Слова о полку Игореве».

Тактически выгодно разместившись на высоком правом берегу реки Сож у впадения в нее ручья Гомю (Гомеюка), замок отделялся оборонительным рвом шириной 30--35 м от городских кварталов, обнимавши? его с запада и юга. Площадка имела сегментовиднук форму с периметром укреплений около 460 м. Круты» и высокие склоны в сторону Сожа и Гомия умело сочетались с искусственными укреплениями.

С конца первой трети XIV в. Гомель находился в составе Великого княжества Литовского. С этого времени он жил судьбой порубежного укрепленного города нг юго-восточной окраине государства, занимал свое место в оборонительном поясе замков Посожья. Вместе со Стародубом он входил в удел князя Патрикия Нари мунтовича, племянника Ольгерда. С 1406 до 1419 гг. городом управлял великокняжеский наместник, затеи им владели различные князья: Свидригайло (до 1435 г.), беглый русский князь Василий Ярославови1 Боровский (1436--1452 гг.), возвратившийся позже до мой. С 1452 г. город снова в руках престарелого и много перевидавшего в своей жизни Свидригайлы. После его смерти Гомель отдали беглым можайским князьям отказ которых (в 1499 г.) от принятия католичества привел в результате к длительной борьбе за обладание городом. В эту борьбу в 1500 г.

вмешался московски» великий князь, у которого можайские беглецы нашли поддержку. В итоге до 1535 г. Гомель постоянно и почти ежегодно подвергался нападениям войск Великого княжества Литовского, но каждый раз выдерживал осады. Это является прямым доказательством мощи его башен и стен, за которыми московские князья постоянно держали значительный гарнизон.

В июне 1535 г., однако, был тщательно организован поход сильного войска Сигизмунда I, которое возглавляли гетман Великого княжества Литовского Юрий Радзивилл, гетман коронный Ян Тарновский и киевский воевода Андрей Немира. Они осадили Гомель по всем правилам тогдашней военной науки. Кроме артиллерии в войске имелись специалисты по подкопам. Сигизмунд поставил задачу: «замок... моцный и обороною способенный Гомей взять... или хоть огнем его спалить». Рассчитывая все-таки на взятие, король распорядился загодя разослать «листы» державцам и наместникам городов Поднепровья и Посожья с требованием выделить от каждой волости конкретное количество людей «добрих с топоры, которы бы мели тот замок Гомей зарубити».

Гетман Ю. Радзивилл, начав осаду, основную ставку сделал на артиллерийский обстрел Гомельского замка: «А так в середу весь день... на замок стрелба била, а потом с середы на четверг всю ночь и в четверг мало не весь день с наших дел стрелбу чинили». Как свидетельствует Патриаршая летопись, находившийся в Гомеле наместник русский князь Димитрий Щепин-Оболенский оказался «не храбр и страшлив, видев люди многие и убоявся, из града побежал, и дети боярские с ним же и пищалники». В замке остались только «тутошние люди немногие Гомьяне», которые, видя «воеводское нехрабрство и страхование... здаша град». Замок, поправленный присланными плотниками, был пополнен боеприпасами. Великокняжеский подскарбий Иван Горностай направил сюда «вси потребы -- салетру и порох и кули и свинец».

Решением короля в 1537 г. мещане Гомеля и вся волость были освобождены от «роблення замку Гомейского на 1 год... под тым обычаем иж они не мели до году одного замку рубити и ничего в нем оправовати, хиба естли бы которые кгонты в замку опали, або дощчка ся где оторвала, то мели за ся прибити и направити». Однако местный державца князь И. Толочинский отобрал королевский привилей у мещан и волощан, начал «их примушати» для выполнения разных работ в замке, а непослушных сажал в башню, отбирая в залог жен и детей. Присланного для разбирательства специального королевского дворянина державца «зсоромотил и бити его хотел». Это вызвало гнев короля, но главная причина его недовольства и тревоги за ситуацию в Гомеле сформулирована была предельно ясно в следующих словах присланной державцу грамоты: «знать и помнить необходимо, ...иж тот замок за великим накладом к рукам нашим пришол, ...иж тот замок на украйне есть, а к людем украинным треба ся ласкаве захвати и не годиться им ни в чем обтяженья чинити».

Подобно другим белорусским замкам. Гомельский замок имел мощный оборонительный вал, деревянные многоярусные башни, стены-городни с боевой галереей -- «бланкованьем», а также въездную браму с подъемным мостом -- «узводом», перекинутым через ров. Стены укреплений на значительную высоту были обмазаны глиной, которая предотвращала их гниение и выполняла противопожарную роль. Из замка был прорыт тайный подземный ход к Сожу, откуда во время осады брали воду.

С 1561 г., наряду с укреплениями Гомельского замка, упоминаются и укрепления «места», т. е. линии собственно городской фортификации. Гомель был окружен земляным валом, наверху которого стояли деревянные башни и стены -- городни. Въезд и выезд осуществлялся через брамы Чечерскую, Могилевскую, Речицкую и Водную, выводившую

на городскую торговую пристань. Перед валом шел глубокий оборонный ров с перекинутыми через него подъемными мостами, подведенными к брамам города.

Значение замка особенно возросло в связи с ожесточенной борьбой против постоянных разорительных набегов крымских татар.

Как известно, татары только за тридцать лет (с 1500 по 1530 гг.) 14 раз нападали на земли южной, юго-восточной и центральной Белоруссии (в 1503 и 1508 гг.-- дважды в год). А всего за 95 лет с 1474 по 1569 гг. они совершили 75 походов на земли Великого княжества Литовского. Один раз их наголову разбили под Чечерском. Однако в походах татар 1532 и 1551 гг. приняли участие и турки, умевшие осаждать и брать города штурмом. Вопрос о защите от татар стал на повестку дня со всей остротой.

Учитывая важность и значение Гомельского замка для защиты государства и исходя из того, что «...иж кождому оборона и осторожность есть потреба», сюда из ближайших городов направлялись хлебные запасы и специально выделенные группы конной «сторожи», а из Виленского арсенала в 1552, 1562 и 1563 гг. доставлялись вооружение и амуниция.

Так, Чечерская волость обязывалась верховной властью содержать в Гомеле за свой счет круглый год отряд «сторожи». Не исключено, что ее присылали и другие ближайшие города -- Пропойск, Рогачев. Сюда же из Рогачева перевезли значительное количество ржи и овса «ку наспижованью замку». В 1557 г. гарнизон Гомельского замка был увеличен до 200 человек «драбов». Для ремонта укреплений привлекалось население Чечерска, Пропойска и других волостей Поднепровья и Посожья. В середине XVI в. Гомельский замок превратился в региональный центр обороны юго-восточных земель Великого княжества Литовского от грабительских набегов перекопских татар.

Во время Ливонской войны Гомель был ненадолго занят войсками Ивана Грозного, однако в июле 1576 г. отряд под началом гетмана Юрия Радзивилла сумел вновь захватить его. Через 5 лет, в 1581 г., 5 мая, Гомель опять подвергался нападению царских войск, которые «...до замку неведоме ночью пришедши, на место ударили и место огнем выпалили». Замок однако взять не удалось.

Позднее, во время русско-польской войны 1614 -- 1615 гг. в Гомельском замке постоянно находился небольшой гарнизон, состоявший из 40 казаков и 40 солдат. Их поддерживало городское ополчение.

В 1633 г. Гомель противостоял казацким сотням Богдана Булгакова и Ивана Ермолина, которые захватить замок не смогли. Во время осады города Б. Булгаков был ранен.

В октябре 1648 г. украинские казаки во главе с полковником Гловацким и белорусские крестьяне заняли город, ограбив шляхту и состоятельных людей. Мещане, в конечном счете, почти все «показачились».

Однако отряд Гловацкого недолго был в Гомеле, так как вскоре Б. Хмельницкий отозвал его обратно на Украину.

После Корсуньской битвы, в 1649 г., с помощью части мещан Гомель был занят казаками полковника Небабы. Но Зборовский мир позволил Литовскому гетману Я. Радзивиллу сосредоточить достаточное количество войск для подавления восстания на Гомельщине и взять Гомель, Чечерск и другие города.

В 1651 г. Б. Хмельницкий начал новое наступление на южные города Белоруссии. В июне черниговский полковник Небаба направил войско полковников Забеллы и Окшы к Гомелю. Вначале здесь было 7 тыс. казаков, а затем подошло еще 10 тыс.

Город защищали большой наемный гарнизон и местное ополчение.

13 июня казаки начали рыть шанцы, подводя их под самый паркан. Около полуночи они подползли к самому паркану и пытались заткнуть нижние бойницы. Если где показывался ствол мушкета, по нему били обухом. Затем последовал штурм с разных сторон, но он был отбит.

После первой неудачи Забелло послал людей в Чернигов к Небабе за подмогой. Тем временем казаки попытались выманить гарнизон из города, разыграв сцену боя якобы с подошедшими на выручку Гомелю войсками. Однако осажденные разобрались в обстановке и ни один солдат из брамы не вышел. После этого казаки 2 дня готовились к штурму, соорудив 14 гуляй-городов, которые замаскировали зелеными ветками. С наступлением ночи 4 гуляй-города подкатили к Чечерской браме, а 3 -- к самому мосту через оборонительный ров. Но из-за огня пушек и мушкетов с замковых укреплений вынуждены были отступить.

В ту же ночь казаки полковников Литвинко и Поповича безуспешно «раз по 15 ходили на штурм» замка.

Позднее Небаба срочным письмом на некоторое время отозвал казаков от Гомеля. Однако в конце июня 1651 г. они снова осадили город. Но гарнизону было прислано подкрепление и он устоял.

Общий подъем борьбы населения Белоруссии в середине XVII в., а также угроза вступления войск русского государства заставили королевскую власть уже в 1653 г. разместить в порубежных замках Посожья дополнительные гарнизоны. В Гомельском замке в марте 1654 г. было 700 человек пехоты, присланной гетманом Радзивиллом. По некоторым сведениям, к лету 1654 г. гомельский гарнизон насчитывал 2 тыс. человек, главным образом немецкой и венгерской пехоты, в том числе была рота татар.

В июне 1654 г., в самом начале войны между Русским государством и Речью Посполитой, на Гомель из Новгород-Северского двинулось войско наказного атамана И. Золотаренко. Оно насчитывало 20 тыс. конных и пеших ратников. По свидетельству Летописи Самовидца, И. Золотаренко «... армат узял из собою немало, а так же запас пушечный», позволявший ему приступить к осаде этого крупнейшего на Нижнем Посожьи замка. Сам атаман, сообщая царю Алексею Михайловичу о своем выступлении, писал, что «Гомель... есть всем местам граничным литовским головою. Место велми оборонное, людей служилых немало, снарядов и пороху много...»

Войско И. Золотаренко без особых трудов преодолело городские укрепления и подошло к замку. Расставив вокруг него и по соседним холмам пушки, казаки начали осаду, «промышляявсеми промыслы ратными». За все время от начала осады до 11 июля казаки четыре раза ходили на штурм, но их приступы были отбиты. Осажденные также предпринимали ответные вылазки. Во время одной из них был убит черниговский полковник Степан Подобайло, однажды уже бывший в Гомеле в 1649 г. Осада затянулась, и казаки решили принудить замок сдаться «голодом и безводьем».

За ходом осады Гомеля следила вся Восточная Белоруссия, обе воюющие стороны. Понимая, что гомельчане своим упорством «всей Литве и войскам ее сердца и смелости додают», И. Золотаренко обратился к осажденным от имени царя и Богдана Хмельницкого с предложением сдаться, но те «гордо и сурово» отказались. Тогда казаки втащили несколько небольших пушек на Спасскую церковь, стоявшую за Гомеюком недалеко от замка. Стреляяраскаленными ядрами, они вызвали в замке пожар. Вылазка с целью ликвидации этой артиллерийской позиции окончилась для осажденных неудачей. Вскоре казаки обнаружили и взорвали потайной ход к воде, что в конечном итоге решило участь замка. Как писалось в донесении царю 13 августа 1654 г., после более чем полуторамесячной осады «гомляне, полковники, ротмистры и со всеми своими людьми покорилися».

Война 1654--1667 гг. сильно отразилась на состоянии Гомеля. Однако замок, судя по сообщениям 1666 г., все еще сохранял свою мощь. Известно, что владелец Гомельского староства князь Михаил Чарторыйский в 1737 г. построил здесь новый крепкий дубовый замок с башнями и стенами, в которых имелись многочисленные бойницы, углубил рвы и поправил подъемный мост.

Один из немногочисленных архивных документов по Гомелю 1765 г. рисует перед нами жизнь небольшого городка, в котором насчитывалось тогда всего 206 домов. Мы не находим здесь описаний укреплений, но в топографии города улавливается их присутствие. Это чувствуется, когда читаешь о жителях, живших за «брамою Водной», на улице Речицкой «под валом», или на улице «у рове».

Когда в 1772 г. Гомель, как и вся Восточная Белоруссия, был включен в состав Российской империи, его пожаловали «для увеселения» графу Румянцеву. Граф застал довольно крепкий замок, обнесенный палисадом, существовавшим еще в 1780 г. Затем башни и стены деревянного замка были разобраны, валы срыты. В 1785 г. по плану Б. Растрелли здесь было начато строительство существующего и ныне каменного дворца.

МОГИЛЕВСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В бытовавшую не так давно версию о происхождении и становлении восточно-белорусского города Могилева современная наука внесла ряд существенных уточнений и дополнений. Теперь совершенно ясно, что сведения о якобы его основании в 1267 г. князем Львом Даниловичем Галицким -- не что иное как миф. Не причастен к этому и киевский князь Лев Данилович Могий, хотя бы потому, что такого князя в 1386 г. вообще не существовало. Лишь народная легенда о разбойнике Могиле, будто бы захороненном в

кургане над Днепром, действительно несет в себе отзвук правдоподобия. Легенда стыкуется с информацией известной белорусской Баркулабовской летописи, а также Могилевской хроники Сурты и Трубницкого. В летописи говорится: «Лета 1526 болший замок зароблен и принято много горы Могилы, на которой теперя замок Могилев стоит». Необычайно важна для истории города следующая летописная строка: «...по горце Могиле назван Могилев», т. е. фактически раскрывается этимология названия города. Эти сведения теперь углублены и дополнены археологическими раскопками, проведенными на месте средневекового могилевского замка. Оказывается, ему предшествовало не древнее городище, как считалось ранее, а древний грунтовый могильник XII--XIII вв. Это кладбище, судя по всему, в 1526 г. уже не функционировало, было заброшено, а место на высоком берегу Днепра, где оно располагалось, носило название «горы Могилы». Учитывая, что летопись говорит о «болшим замку», можно предположить, что существовал еще один, какой-то меньший замок, который, по свидетельству Могилевской хроники», «перед тем несколько сот лет был». Однако следы его либо стерлись под средневековой и сегодняшней застройкой Могилева и сейчас не обнаруживаются, либо он вообще отсутствовал. В таком случае «место Могилев», принадлежавшее в 90-х годах XIV в. королеве Ядвиге и в 30-х годах XV в. Свидригайле, могло не иметь укрепленного замка. Тем более, что на городище «Змеевка» отсутствует славянская керамика и материалы позднее VIII в.

В целом археологические материалы свидетельствуют о малоинтенсивной жизни на берегах Днепра и Дубровенки вплоть до XIV--XV вв. Лишь в первой четверти XVI в. начался быстрый экономический и территориальный рост Могилева и численности его населения, которое рекрутировалось, главным образом, из числа «прихожих людей селян» и выходцев из Кричева, Мстиславля, Смоленска и других мест.

При строительстве «болшего замка» в 1526 г. площадка древнего кладбища на мысу у слияния Дубровенки с Днепром была выровнена почти метровым нивелировочным слоем глины. Затем по ее краю соорудили мощный вал, достигавший ширины в основании более 16 м и высотой не менее 5 м. Насыпь возвели из плотной ярко-красной глины и крупнозернистого песка. Глиняную поверхность вала для прочности обожгли до кирпичеобразного состояния и разместили на гребне деревянные стены и башни. В сочетании с рвом, отделявшим замок от города, и с 20--25-метровыми крутыми склонами горы весь комплекс Могилевских укреплений являл собой мощный узел обороны местного поселения от военной опасности. Обязанность по защите, ремонту и строительству замковых укреплений была возложена великокняжеской властью на мещан Могилева и крестьян волости. В замке у них были «убежища», где они «в час пригоды схованья свои мевали». «Убежищами» назывались городни, оборудованные под «схованье» семей и имущества защитников замка.

До получения Могилевом (20 февраля 1561 г.) Уставной грамоты короля Сигизмунда Августа на малое магдебургское право город собственных укреплений, судя по всему, не имел. Именно в этой грамоте впервые упоминается «паркан местский». Грамота четко сформулировала все обязанности жителей города и волости относительно военного строительства и воинской повинности. Мещан обязывали замок и «паркан местский оправовати и перекоп около замку и около паркану местского копати, выправуючи з домов своих к той работе каждый против себе чергою». Причем, как и «перед тым завжды», город выполнял четверть всех фортификационных работ, остальное -- волость. Руководство ими возлагалось на новосозданный орган городского самоуправления -- «врад» в лице войта и 4 сотников. Мещане поочередно, начиная «от дня Благовещенья святое Пречистое», выполняли городовую повинность. За счет торговых поборов город обязывался содержать «завжды сторожу в паркане и на вежах паркановых». Из 16 сторожей для замка («на

кликанье и на иншые потребы») 4 нанимал за свои деньги городской уряд, собирая плату с мещан.

В уставной грамоте 1561 г. предельно лаконично и четко записана личная воинская обязанность каждого горожанина: «теж мещане места тамошнего повинны вси и каждый з особна, для обороны, в час небеспечности земское от неприятеля нашего, стрелбу всякую, то есть гаковницы, ручницы и сагайдаки и иншую оборону, то есть рогатины и што иного к той обороне належит, в домах своих мети, а хто не может больше ино хотя одну ручницу и рогатину нехай мает, а без обороны таковое в дому своем нехай не мешкает».

Военно-инженерные работы развернулись в Могилеве уже в 1561 г. Причем возводились не только городские вал, стены, башни, но накануне Ливонской войны перестраивался и замок.

Постепенно в городе росли предместья. Они упоминаются в магдербургском привилее, данном Могилеву 22 января 1577 г. Стефаном Баторием. Король надеялся, что, использовав магдебургское право, Могилев как пограничный город будет лучше укреплен. Часть доходов город мог направлять на свои оборонные нужды. Жители получили от короля «печать местскую, то есть вежу мурованную, высоко выведенную...», ставшую первым городским гербом. В том же 1577 г. С. Баторий дал могилевчанам разрешение пользоваться королевской пущей на 4 мили во все стороны от города, брать свободно дрова «и дерева на потребу домовую, также на работу замку нашего Могилевского и паркану местского».

В 1580 г., в конце Ливонской войны, по сведениям Баркулабовской летописи, «Москва, то есть Серебрян-ный, с немалым войском место славное Могилев выжег». Однако задержаться здесь царским войскам не удалось. Понеся огромные потери от подошедшего войска Чарторыйского, оно отошло от города. Хроника Сурты и Трубницкого сообщает об еще одном нападении русских войск в 1581 г., причем отмечает, что «на тот час еще фортеции не было, кроме замкового острога».

Как и другие города, Могилев имел собственную артиллерию. Со времени короля Жигимонта I, т. е. с первой половины XVI в., деньги на артиллерию и пушкарей шли с городских весов-- «важчего». За эти же деньги нанимались и сторожа в замок. Магдебургский привилей 1577 г. оставил «водле давнего звычаю важчее за мещанами», обязав их содержать также 11 пушкарей в замке.

К 1585 г. число пушкарей уменьшилось до пяти. За это время мещане смогли построить около города «немалым коштом своим» новые стены. Однако они обратились к королю с просьбой вообще освободить их от содержания 5 замковых пушкарей и «тую повинность з них знести». Король выполнил просьбу, отметив в своей грамоте от 3 марта 1585 г., что мещане должны будут «на паркане местском пушка ров ховати и стрелбою водлуг потребы тот паркан около места опатровати так, якобы часу небеспечности от неприятеля, с того паркану место добре варовано было».

13 декабря 1595 г. город вместе с острогом был сожжен украинскими казаками С. Наливайко, который «Могилева моцю добыл, место и замку сплендровал и попалил». Город был зажжен казаками при отступлении, а позднее вдобавок разграблен и окончательно разорен войском гетмана Великого княжества Литовского Миколая Буйвида.

После разорения Могилев оправился нескоро. Даже в 1601 г. королевские ревизоры Я. Чиж и Я. Вильчак констатировали отсутствие паркана возле города и срочную необходимость его постройки.

Вскоре королевским инженером-фортификатором был составлен план сооружения в Могилеве двух новых линий укреплений из валов, бастионов, ворот и рвов, призванных защитить Старый город и его предместья -- Новый город. Это грандиозное строительство потребовало не только массы средств, рабочих рук, но и сноса части жилой застройки, чему отчаянно сопротивлялось духовенство, шляхта, бояре, пушкари и другие жители. Борьба магистрата с ними затянулась и потребовала 5 именных королевских грамот, прежде чем работы были осуществлены. Старый город окружили укреплениями только к 1618 г. Но полностью работы не завершили.

В 1626 г. в городе произошел страшный пожар, от которого «весь острог выгорел с большим ущербом мещанам и торговцам места Могилева». Лишь в 1633 г., да и то в виду явной внешней угрозы -- назревавшей войны с Русским государством, Полевой вал вокруг Нового города приобрел завершенный вид.

В 1633 г. Могилев был уравнен в правах со столицею государства Вильно и освобожден от постоя войск.

С 18 июня 1637 г. грамота короля Владислава IV разрешала магистрату собирать особый торговый налог -- «провент», который магистрат должен был использовать ни на что иное, «а только на амуницию и направу валов меских, также на направу бруку».

К 30-м годам XVII ст. в Могилеве сформировались мощные линии обороны, просуществовавшие вплоть до конца XVIII в. Первую линию составлял замок -- «Верхний город» (в русских источниках XVII в.), имевший протяженность укреплений порядка 288 саженей. Вторая линия укреплений, протяженностью 690 саженей окружала «Старый город» и имела четверо ворот. Третья линия обороны, т. е. Полевой (Дальний, Круговой) вал, в разное время имел разные размеры и разное количество брам. В конце XVII в. уже имелось 13 брам Полевого вала.

Есть все основания утверждать о существовании еще одной линии укреплений -- Заднепровской.

Самый ранний известный нам инвентарь Могилевского замка относится к 1604 г. Его составили королевские ревизоры Я. Корсак и Я. Гиз. Тогда замок отделялся от города оборонительным рвом, шедшим от Дубровенки к Днепру. Через «перекоп» был переброшен мост на сваях, подводивший к въездным замковым воротам, которые назывались «Горная брама». Последнее его звено -- «узвод» было подъемным. Большие, на два полотнища, ворота имели сложную систему запоров и небольшую калитку («фортку») для пешеходов.

Архитектурно-строительные элементы и конструкции башнеобразной брамы-ворот, как впрочем и всех оборонительных сооружений замка, наглядно свидетельствуют о таланте, практической сметке и высоком мастерстве местных добродеревцев-- «дойлидов», прекрасно понимающих место и значение брамы в системе обороны как замка, так и города. Мощное сооружение было в плане прямоугольным, но с уровня первого яруса переходило, вероятно, в шести- или восьмигранник. Это дало основание ревизорам назвать башню «округлой». Судя по документу, она имела 4 помоста, т. е. была пятиярусной. Более того, под башней размещался «земной», т. е. подошвенный бой. Стены брамы с приступной

стороны до уровня третьего помоста были срублены в три бревна, а стены же со стороны замка -- в одно бревно. Затем до самой крыши, кругом, весь этаж срубили в 2 бревна. Четырехскатная кровля была накрыта «драницами». В браме размещалась тюрьма.

По периметру оборонительного вала стояли еще 6 башен в 3--5 ярусов, соединявшихся стенами-городнями. Все башни были срублены комбинированно: стены, обращенные в сторону «поля»,-- в 2--3 бревна, выходившие внутрь замкового двора,-- в одно бревно. От Днепра стояла 5-ярусная воротная башня («брама Дольная»), а рядом находился тайник -- подземный ход из замка к реке. Потайная дверь хода запиралась на ключ. На одной из башен висел бронзовый колокол, в который «на трывогу званивали».

Оборонительные стены Могилевского замка имели вид традиционных, но очень высоких городней. Почти все они были трехъярусными. Верхний бой имел галерею -- «бланкованье» с парапетом толщиной в 2 бревна. Сверху все перекрывалось двускатной гонтовой «стрешкой». На городнях для отражения атак противника лежали заранее заготовленные бревна, камни и колья. Под некоторыми городнями были «ямы для стрельбы земной», т. е. имелся подошвенный бой. Снизу на «бланкованье» вели лестницы-- «усходы». Входные проемы на галерею закрывались деревянной решеткой («кратой»), запиравшейся на ключ.

Весь замок снаружи «з долу под бланкованье» был хорошо обмазан глиной. Ремонтные работы велись жителями замковой волости, подданными крестьянами Печерского монастыря, а также жителями Княжич и Буйнич.

В момент составления инвентаря на приступной стене замка находилось 4 пушки -- «шротовницы», 3 серпантины, 2 небольших полевых орудия. Все они были хорошо ухожены и исправны. Кроме того, в арсенале хранилось 65 гаковниц, 21 ручница, пороховницы, формы для отливки ядер, олово, порох, шлемы -- шишаки, панцыри и другая амуниция. Все это обслуживали 8 замковых пушкарей.

В 1633 г. весь Могилевский замок сгорел и его пришлось возводить заново. В 1635 г. здесь еще не было ни одной башни, стояли лишь частокол и двое восстановленных ворот.

Русско-польская война середины XVII в. застала Могилевский замок в плохом состоянии. Затем он сильно пострадал во время 3-месячной осады войск гетманов Радзивилла и Гонсевского, тянувшейся с февраля по май 1655 г.

К 1660 г. замок приобрел вид бастионного сооружения, а подошва замковой горы со стороны Днепра была дополнительно защищена больверками. В замке числилось 20 пушек, две мортиры, другое оружие. Специальная мельница («пороховня») давала в год по 300 фунтов пороху.

Спустя 4 года Могилевский замок пережил еще один пожар, уничтоживший все деревянные постройки. Восстановленный, он вновь горел 8 сентября 1708 г. при отступлении войск Петра I. Однако после Северной войны замок снова привели в порядок, и он существовал до конца XVIII в. Затем его валы снивелировали.

Второй оборонительный пояс Могилева -- это фортификация вокруг «Старого города» -- давнего торгово-ремесленного посада. В плане он напоминал треугольник, две длинные стороны которого со стороны Днепра и Дубровенки имели вид высоких, крутых и обрывистых скатов, неудобных для подъезда и подхода. Естественная неприступность дополнялась высокими валами и бастионами. Третья сторона, защищавшая город с запада,

имела глубокий оборонительный ров и мощную бастионную фортификацию. Так называемый «Ближний вал» прерывался в четырех местах, где стояли традиционные для Белоруссии «брамы».

В XVI в. торгово-ремесленный посад средневекового Могилева (Нагорский, Нагорный посад. Старый город) имел линию дерево-земляных защитных сооружений, в которой вначале стояла только одна въездная брама -- «Ветряная». Она размещалась в северной части линии укреплений, открывая прибывающим в город дорогу на центральную Великую Княжескую улицу. Недалеко от брамы находилась первая деревянная ратуша города. В документе за 1577 г. отмечалось, что «у браме местской» дежурили круглосуточно сторожа, а сама она размещалась «...у бакшты паркановой, которая стоит от Кощавого колодезя, куды дорога лежит до села Бородчицкого». Эта брама, вероятно, была вначале единственным каменным сооружением в линии укреплений. Думается, не случайно на первом гербе города и на первой городской печати изобразили «вежу мурованую, высоко выведенную». Первоначальное название этой брамы неизвестно, но, вероятнее всего, она носила имя улицы, на которую попадал каждый, кто приходил или приезжал в Могилев. «Княжеская» или «Великокняжеская брама» позднее, в XVII в., изменила свое название на «Ветряную браму». Предполагается, что такое название она получила от стоявшего недалеко ветряка. Утверждения о том, что Ветряная брама была перестроена в XVII в. и возведена из дерева -- не совсем точны. В 1698 г. она все еще была каменной, о чем свидетельствует «Реестр справованя муров» брамы, называющий стройматериалы: «вапну, цеглу» и т. п. Наверху крыши стояли флюгеры («ветреники»). В 1679 г. брама еще была покрыта жестью («бляхой»), но уже сильно обветшала. Во время начавшегося ремонта «Аврамка-коваль ободрал старое покрытие», использовал новые кровельные материалы -- «дор» и «кгонту». В 1682 г. браму украсил новый «ветреник». Его «золочене и рисовано» выполнил местный мастер Афанас Пигаревич.

Перед брамой имелся оборонительный ров и мост.

Ветряная брама просуществовала все XVII столетие, пережив пожар 1708 г. Она упоминается в документах 1711 г., когда здесь проводили ремонт моста, а в 1745 г. она еще исполняла роль парадной Триумфальной брамы во время встречи нового епископа Белорусского.

Второй по времени каменной брамой в Могилеве была брама Алейная, получившая свое название по примыкавшему участку городского рынка, где продавался «алей» -- льняное и конопляное масло. Ее начали возводить в начале 40-х годов XVII в. и закончили в 1646 г. Брама стояла в валу у въезда на рыночную площадь со стороны Днепра. Это было четырехугольное в плане массивное здание с удлиненной проезжей частью, подпертое по углам контрфорсами. В толще стен размещались лестницы. Первый этаж прорезали высокие проездные арки. Второй ярус занимала часовенка, окна которой в основном имели вид узких бойниц. Третий ярус был чисто боевым и оснащен бойницами. Здесь стояли пушки. Фасад Алейной брамы снаружи членился нишами с гирьками. Такой декор аналогичен декору башен Мирского замка. Проезд в браме был мощен камнем. Над въездом и выездом размещались две фрески -- «образа пресвятыя Богородицы». Здесь же горели свечи. Алейную браму запирали двое ворот с «фортками» для пешеходов. На ночь они замыкались привесистыми замками и «колодками». Брама круглосуточно охранялась двумя вооруженными сторожами («пляцовыми»). В нижнем ярусе Алейной брамы, сбоку, имелось помещение тайного арсенала. Во время Северной войны, в 1707 г., здесь спрятали городской порох, ядра, пули, олово и несколько сот кусков свинца. Вход в тайник так умело замуровали, что его невозможно было заметить. Однако беглый русский пушкарь С.

Понарский, служивший в Могилеве, выдал тайну русскому генералу Репнину. Припасы были забраны, ядра утоплены в Днепре. Позднее, в 1708 г., от неосторожного пользования огнем в Алейной браме произошел взрыв, повредивший своды и угол здания со стороны Днепра. Это взорвался порох, рассыпанный при разграблении тайника-арсенала. Брама сильно пострадала во время пожара города в 1708 г.

Алейная брама располагалась на спуске с городского рынка к берегу Днепра, поэтому дождевые и снеговые воды, стекавшие с громадной рыночной площади, постоянно подмывали и разрушали стены и вал. Документы с 1679 по 1692 гг. зафиксировали неоднократные ремонты брамы и смежных с ней участков земляного оборонительного вала. Так, «бруковали под Алейною брамою» в 1679, 1683, 1686 и 1692 гг. «Для заплетения уезду» неоднократно магистрат покупал колья, хворост. В июле 1686 г. «под Алейную браму у ров, который от воды гвалтовных дождев вырыло, купили хворосту» 18 возов. Его настилали и засыпали землей 6 грабарей. В 1690 г., когда подле Алейной брамы отвалилось звено вала, наняли 2 поденных рабочих «закидать бервеннем новым, и нарвины три новые робили день целый». В 1692 г. «под брамою Алейною направовали спод брамы, который одпал был от дожджов, робили муляров 3-х, поденщиков 5». Документы сообщают, что брама имела крышу из гонта и традиционного «ветреника».

Алейная брама просуществовала вплоть до XIX в., а затем ее разобрали.

В северной части Старого города в первой половине XVII в., кроме каменной Ветряной брамы, стояла еще одна -- Триумфальная. Вначале она была деревянной и некоторое время считалась главными воротами города. В 1656 г. вместо нее начали возводить новую «мурованую браму», которую «докончили и накрыли» в 1660 году. Оштукатуренная и побеленная известью, она величественно и мощно возвышалась над высоким берегом Дубровенки, сверкая жестяным куполом -- «баней». Над красивой крышей легко парил сложный трехъярусный флюгер («ветреник») в виде жестяной позолоченной летящей «погони» -- герба государства, самого флажка и позолоченной звезды, венчавшей пик башни. Над проемами ворот висел обязательный «образ Пресвятой Богородицы, старосветских часов малеванной», горевший золоченым окладом.

Доступ в браму осуществлялся по подъемному мосту, дополнительно закрывавшему 2-створчатый воротный проем с пешеходными калитками («фортками»). Межэтажные перекрытия брамы, за исключением первого сводчатого, были сделаны по балкам. Над проездом на втором этаже в мирное время находились тачки и инструменты, необходимые для ремонтно-строительных работ. Выше располагались еще 2 этажа. Рядом с Триумфальной брамой находился «потайник», выводивший за пределы Старого города вниз к речке Дубровенке. Здесь же стояла мурованая «кордыгарда». В браме круглосуточно дежурили 2 сторожа, вооруженных мушкетами.

Прилегающий к браме вал внизу был «забран» каменной стенкой, сдерживавшей сползание насыпи.

Эти въездные ворота несколько раз меняли свое название. Вначале они назывались Шкловскими, затем, после перестройки в 1656--1660 гг., Триумфальными, после 1661 г.-- попеременно Шкловскими и Королевскими. После постройки в Полевом (Дальнем) валу еще одной Шкловской деревянной брамы для их различия название «Королевская брама» стали применять для каменной брамы Старого города, а «Шкловская полевая», или «Шкловская дальняя»,-- для деревянной на посаде.

Башня регулярно ремонтировалась снаружи и внутри вплоть до 1808 г., а затем ее при расширении города разобрали.

Дубровенская (Малая) брама (Брамка Дубровна, брамка Мурованая) размещалась в западной части линии обороны Старого города, возвышаясь над долиной Дубровенки. Это была двухъярусная каменная, пешеходная брама, к которой от речки поднимались по деревянной лестнице. Расположение ее было не очень удачно с точки зрения топографии. Подъем был крут и труден, кроме того, возле брамы часто «по дожджу гвалтовном» образовывались большие промоины, которые приходилось заделывать хворостом, еловыми лапками, паклей со смолой, досками, землей. От разрушений не спасал и специальный водосток («рына», «рынШток»), который неоднократно от «дожджов великих псовался». Нижний ярус брамы занимали дверные проемы и проход. На втором этаже, имевшем скорее всего деревянное перекрытие, еще в 1689 г. стояла «гармата... великая».

Внизу, прямо перед брамой, в 1692 г. выкопали «студню» с деревянным срубом. Воды здесь было необычайно много. Когда понадобилось вычистить колодец «до кгрунту», пришлось нанять 9 поденщиков, которые выливали воду трое суток «в день и в ночи».

Малая брама соединялась с замком каменной стеной с амбразурами. Вероятно, через оборонительный ров шла кирпичная арка, на которой эта стена стояла.

Дубровенская брама была разобрана в начале XIX века.

Город, по свидетельству современников, в последней четверти XVII в. был очень сильно укреплен.

Во второй половине XVII в. в линии укреплений Старого города имелось 15 бастионов -- ронделей, 4 мурованные брамы, вал с деревянным бруствером под крышей. Общая длина укреплений достигала где-то 1449 м.

В связи с ростом торгово-ремесленных посадов Могилева в начале XVII в. часть предместий так называемого «Нового города» -- Шкловское, Виленское, Задубровенское и Папинское начали обноситься цепью бастионных укреплений и рвов, объединявшихся одним названием -- Полевой вал. В восьми местах здесь стояли 8 брам -- Курденевская (она же Гвоздовка), Ледвеевская, Шкловская дальняя, Виленская, Уструшненская, Трисненская, Быховская, Папинская. Все они были деревянными, вероятнее всего, двухъярусными. Описание их довольно отрывочное и не позволяет выяснить конструктивные и другие особенности этих, впрочем, традиционных для Белоруссии сооружений. Почти вся линия укреплений Полевого вала была возведена в 1609--1633 гг. Однако некоторые брамы появились в Полевом валу во второй половине XVII в. Так, Шкловская брама была

сооружена в 1682 г. Ее верх украшал ветреник, вырезанный и посеребренный известным художником Афанасом Пигаревичем. Проезд в браме имел деревянный настил на штандарах. Здесь же размещалась «издебка для сторожей». Как и положено, над входом размещалась икона, для ухода за которой купили «лествицу... свечи запалять». Ворота закрывались на завал. Сторожа были вооружены цепами.

Вероятно, идентичными были и другие брамы. Покрывались они, скорее всего, дором. Именно о таком покрытии говорится в магистратском документе за 1695 г.: «кгды на Трысненской браме бура поломала кровлю, купили воз дору, гвоздя, теслем за покрытие брамы заплатили».

Вычленить хронологию возведения остальных брам Полевого вала не предоставляется возможным. Об оружии, находившемся в этих брамах, также скупые сведения. В конце XVII в. это были в основном тяжелые мушкеты («кобылы»).

Конструктивно Полевой вал почти не отличался отвала Старого города, разве что здесь отсутствовала каменная подпорная стена. Современники отмечали, что внешне это была «громадная, наваленная наподобие стены насыпь», делавшая город сильной крепостью.

Анализ письменных источников показывает, что кроме названных 8 проезжих ворот Полевого вала в линии его укреплений было еще одно интересное оборонительное сооружение, которое известно в документах как водяной «млын». Он располагался между Шкловской и Виленской брамами на плотине подпруженной речки Дубровенки. Здесь, на границе Шкловского и Виленского предместий, возник громадный пруд. К плотине мельницы с двух сторон подходили куртины оборонительного вала. Как и в брамах Полевого вала, здесь находились 2 сторожа, регулировавших движение через плотину и охранявших башнеобразный «млын». Имелись укрепления также вокруг Покровского (он же Никольский) и Луполовского посадов. К 1682 г. Покровский посад обнесли земляным валом. Он прошел по правому низкому берегу Днепра над естественным рвом, упиравшимся одним концом в речку Дебру недалеко от ее впадания в Днепр, а другим -- в Днепр вблизи бернардинского монастыря. Далее вал шел по правому берегу Дебры вверх, смыкаясь с укреплениями Полевого вала. В западной части он соединялся с укреплениями Старого города. Именно в 1682 г. впервые встречается в документах упоминание «валу Долнего» (от белорусского «дол» -- низ -- М. Т.), когда здесь развернулись строительные работы и магистрат стал закупать бревна, брусья, гвозди, железо, жесть и дор «для брам валу Долнего». Брам этих было три: Мошковая, выводившая из Старого города в еврейские кварталы правого берега Днепра (так называемый «городок Мошковый»), Выгонская, открывавшая путь к мосту через Днепр на его Луполовское левобережье, и брама Дебра, размещавшаяся «против улицы Миколской». Она открывала дорогу на левый берег речки Дебры, где также появились новые кварталы города. Брама Мошковая была деревянной, имела скорее всего 3 или 4 яруса. Она завершалась красивым большим флюгером, «за вырисованне и за позолочено» которого художнику А. Пигаревичу было заплачено необычайно много -- 7 золотых и 15 осьмаков. Соединялась она с Алейной брамой отрезком вала. Выгонская брама, вероятно, была средних размеров. Скромнее выглядело и ее завершение, так как «за робене ветреника и посеребрено заплатили Пигаревичу 2,5 золотых». Как и во всех других брамах, здесь имелась «издебка» для сторожей и традиционные ворота с системой сложных запорных устройств. На подступах к браме устанавливались дополнительные преграды -- «кобылины» из брусьев или бревен. Выгонская брама размещалась в валу, который после ее постройки ремонтировали. Гораздо меньше сведений о браме Дебре, но она, судя по всему, была схожа с Выгонской.

В районе устья Дубровенки соорудили Ильинскую браму, получившую свое название от стоявшей здесь Ильинской церкви. Указание документа о ее возведении «у валу Долним» позволяет судить, что к тому моменту Полевой вал достиг Днепра и был насыпан по его берегу к устью Дубровенки. Необходимость возвести здесь ворота диктовалась не только задачами оезопасности, но и наличием брода с левого берега Днепра, где располагался Троецкий посад. Строительство Ильинской брамы начали 6 «дойлидов» 27 октября и закончили 4 декабря 1686 г.

Это была небольшая, квадратная в плане с основанием 5,84Х5,84 м брама. Описание ее строительства дает интересные уточнения по конструкции «ветреников», стоявших в то время на Могилевских брамах. На железный штырь, весом 26 фунтов, прикреплялись вырезанные из двух «аркушей» жести государственный герб -- «погоня» и жестяной флажок ветреника. Герб серебрили, а флажок «позлацали». А. Пигаревич «за вырезание погони на ветреник и за посеребрено и злоцене» получил 5 золотых. Еще 8 золотых «за малеванне 2 образов» заплатили «Савце маляру». Брамные ворота были окованы железом, крыша покрыта гонтом. Документы зафиксировали еще один этап военно-фортификационных работ в Могилеве, начавшихся в 1703 г. Решением магистрата был сделан вал с внутренним деревянным каркасом, который шел от горы Гвоздовки по берегу Дебры до самого Днепра, а далее были вбиты дубовые сваи до середины реки. Подобное же сооружение появилось и в районе Папинской брамы. Наверху вала ставились традиционные «избицы», насыпаемые землей.

Названные укрепления простояли до 1708 г., когда войска Петра I, шедшие на Украину, «вал деревянный и башты все поразбирали на мосты».

Начиная с 1682 г. в могилевских документах почти перестает упоминаться термин «Полевой вал». Его заменило название «Круговой вал». Это в целом правильно отражало ситуацию. Внешний пояс укреплений действительно к этому времени представлял собой замкнутое кольцо.

Общая картина городской фортификации Могилева будет неполной, если не учесть линию укреплений Луполовского предместья, располагавшегося на левом берегу Днепра. Этот район, традиционно заселенный кожевниками, получил собственную линию обороны в начале 90-х годов XVII в.

В 1692 г. произведена запись в магистратской книге о том, что «ездили панове магистратовые на Луполов для обаченя валов, где бы мели становить брамы». В 1699 г. эти брамы уже стояли. Точное их количество неизвестно, но судя по всему, их было столько, сколько въездов в Луполово, т. е. не менее 5. Известны брамы Чауская, Пропойская, Черниговская. Были, возможно, Мстиславская и Оршанская. Описания Луполовских брам не сохранилось, но, вероятно, они были аналогичны другим брамам Кругового вала. С течением времени Луполовская линия укреплений оказалась тесной для растущего района города. Под их защитой рядом выросло новое поселение -- «слободка Луполовская». В 1745 г. она имела собственное воинское формирование -- сотню.

В XVIII в. здесь имелись бастионные укрепления и оборонительный ров.

Ремонты городских валов в Могилеве производились периодически, по мере надобности. Это были чрезвычайно трудоемкие работы. Магистрат мобилизовывал прежде всего «слуг меских», сотников, десятников и «посполитых». «Посполитые» -- обычно 12 человек горожан ратушной юрисдикции средней зажиточности, избирались в магистрат всеми мещанами и выполняли при магистрате функции контрольно-совещательного органа. При «направо» валов города они распоряжались деньгами, выделенными магистратом, «заведовцами были коло реставрованя валу». В их компетенции находились вопросы заготовки стройматериалов (бревна, доски, дор, гонта, колье, хворост, дерн, кирпич, известь, песок, гравий, скобы), подготовка инструментов («рыдли, заступы, тачки, коши»), организация рабочей силы и специалистов военно-строительного дела («копачи, дойлиды, валмейстеры» с помощниками, резчики дерна и его отвозчики («фурманы»), грабари, поденщики). Для выполнения высоко-художественных заказов (написать «образ» на браму, «отрисовать и позолотить» или посеребрить «ветреник») приглашались лучшие художники города. Основная тяжесть фортификационных работ ложилась на сотни города, получавшие предварительно «картку» -- извещение о сроках, характере и объеме работ. «Картки» выписывались каждому десятнику, что конкретизировало и упорядочивало работы, позволяло избегать простоев и суеты, регламентировало и дисциплинировало весь процесс. За ходом работ присматривали сотники, десятники, вахмистры, магистратские «слуги, которые пильновали сотен». Магистрат, как правило, набирал дополнительно за определенную плату поденщиков, выполнявших самую разнообразную работу. Они резали, относили и укладывали дерн, острили колья «для прибияня дерну» и др. Руководили ими собственные десятники. Работы по ремонту укреплений, как правило, сопровождались своеобразным музыкальным аккомпанементом: на каждом большом участке ходил с барабаном «добыш» (барабанщик) и «бубнил», создавая определенную атмосферу и ритм работы. Фурманы, отвозившие дерн с луга («приймы») или с участков, отведенных за брамами города, также имели собственных десятников и отдельные бригады. Дерн нарезали специальные резчики. Видимо, каждая дернина была определенного размера, поскольку на каждый воз «фурманы» грузили по 20 штук. Всеми работами плотников -- «дойлидов», каменщиков («муралей»), копачей руководил валмейстер. В Могилеве во второй половине XVII в. им был Иван Лобан, которому помогал его сын и «подмайстер Швара». Иногда у валмейстера было 2--3 помощника.

В городе имелись хорошие плотничьи кадры. Местные «дойлиды» («добродеревцы») были известны даже на Украине. Цех «дойлидов» считался одним из самых многочисленных и старых (основан ранее 1590 г.), имел свой устав с очень развитой регламентацией работ.

Судя по описаниям ремонтных работ вала города, внутри его находились деревянные субструкции. Каковы они были -- судить трудно, но при ремонтах насыпи внутрь ее помещали доски, колья, бревна, хворост, паклю со смолой. На участке от Малой

(Дубровенской) брамы до замка внутри земляного вала имелся подземный ход -- «руля». Известно, что «направовали рулю у валу мурованую от Дубровенки» под руководством валмейстера И. Лобана с 9 по 23 июня 1691 г. Тогда здесь работало 5 «муляров» -- мастеров и 15 помощников. Затем 4 поденщика резали дерн. «Рулю» накрывало дерном 22 числа 16 человек, а 23 июня -- 20 поденщиков. Таким образом, подземный ход снаружи не был заметен.

Земляной вал Старого города обслуживался специальными людьми, которые заботились о его состоянии и внешнем виде. Гребень вала засевался овсом. Склоны, внешний и внутренний, регулярно обкашивались и очищались от бурьяна. Сено шло на нужды магистратских лошадей. С самой ранней весны и до поздней осени на зеленые кольца оборонительных валов постоянно покушался скот горожан. Магистрат поручал городским глашатаям («кликунам») призывать к порядку мещан, напоминая, «абы свиней не пушчали, штобы валу не рыли». «Кликуны» обязывались ежедневно «закликать на брамах, жебы быдла не пущали на вал, абы не псовали валу». Однако это, как правило, давало слабые результаты и тогда магистрат нанимал «пляцовых сторожей», которые «з валу статок сгоняли». Сторожа получали для этих целей цеп или ружье «пташину» с запасом пороха и «олова на шрот». Иногда выдавались ручница или мушкет. В мирное время мещанам запрещалось бесцельно ходить на валу. Там, где все же жители прокладывали тропинки, магистрат приказывал ставить временные плетни.

На валу имели право ходить только барабанщики («добыши», «бубенистые») и магистратские слуги, смотревшие за состоянием укреплений и их ремонтом. Барабанный бой с вала возвещал начало и конец дня.

Таким образом, все вышеизложенное со всей наглядностью свидетельствует о том, что фортификация средневекового Могилева не знала себе равных в Белоруссии по протяженности и мощи.

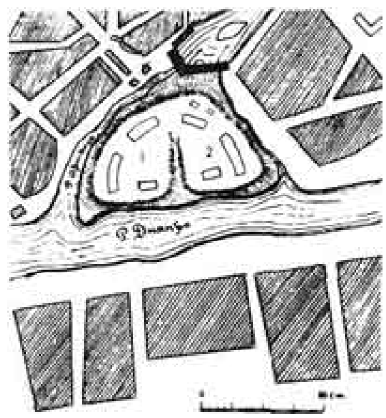
ОРШАНСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Город Орша (Рша), упоминаемый в письменных источниках с 1067 г., был построен еще во времена Брячислава Полоцкого в качестве восточного пограничного форпоста Полоцкой земли. Заложенный у впадения речки Рши (Оршицы) в Днепр, он контролировал важный участок торговых, а позднее -- перекресток стратегических сухопутных путей. В XI--XIV вв. это часто приводило к столкновению между Полоцком и Смоленском. Историки называли Оршу ключом к Смоленску, замыкавшим его главный путь в сношениях с югом и Киевской землей. Значение города сохранилось и в последующие столетия.

Детинец средневековой Орши имел треугольную форму с несколько округленными углами площадью 0,57 га. По краю его был сооружен оборонительный вал. Он достигал высоты 4--5 м. Низ вала подпирался бревенчатой стенкой, закрепленной вкопанными столбами. Вдоль

внутренней подошвы шла каменная вымостка. С напольной стороны детинец защищался оборонительным рвом шириной 14 м и глубиной около 6 м.

Уже в 1067 г. Орша, очевидно, представляла собой сильно укрепленный пункт, раз его не рискнуло осадить объединенное войско трех киевских князей. Сказать что-либо определенное о навальных деревянных конструкциях не представляется возможным. Вероятно, это были традиционные городни либо же мощный острокол, следы которых уничтожены в первой половине XIV в., когда при расширении площадки городища срыли вал. По краю увеличенной площадки насыпали новый земляной вал и возвели деревянные стены. Произошло это, вероятно, в 20-е годы XIV в., когда Орша вошла в состав Великого княжества Литовского. Город был хорошо укреплен и в 1397 г. выдержал осаду Смоленского князя Святослава. В 1401 г. Оршанский замок осаждал князь Свидригайло, «оршане же затворилися в городе и боронилися два дни и потом подали город».

С учетом стратегического размещения Орши здесь было начато дорогостоящее строительство каменного замка -- крайне редкого для Восточной Белоруссии архитектурного сооружения. Его возводили не на первоначальном детинце, а на территории предградья за рвом. Детинец, таким образом, получил мощное прикрытие с восточной стороны.

Каменный замок в Орше возводился во время правления великого князя Витовта. Об этом свидетельствует один из документов, датируемый 1407 г. Речь идет о письме князя Витовта, которое он отправил из Орши в Кенигсберг (Кролевец) орденскому маршалу с просьбой ускорить присылку мастера каменных работ, так как «тот выпросился в Кенигсберг по разным делам и для взятия принадлежностей, которые необходимы для его работы, и нам обещал снова возвратиться до Троицы» (15 мая -- М. Т.). «Ныне наши люди сообщали, что он еще не возвратился -- пишет князь,-- и наши работы приостановлены из-за его отсутствия, так как он настаивал, чтобы строительство без него не продолжалось. Поэтому мы просим Вас, милый господин маршалка, чтобы прислали нам того мастера каменных дел, ибо нам это довольно срочно надо или пришлите другого, чтобы наши работы не задерживались».

Фундаменты замка делались из валунов средних размеров на известковом растворе. Стены же сложили в технике «полосатой кладки», где ряды подогнанных валунов выравнены кирпичом.

Оршанский замок в начале XV в. был «помурован» из камня только до половины, т. е. практически не завершен.

В 1500 г. Оршу заняли войска Русского государства, но через 3 года она была снова возвращена в состав Великого княжества Литовского. Город устоял во время осады 1507 г., а в 1514 г. под его стенами произошла известная битва, в которой русские войка потерпели поражение.

Древнерусская летопись красочно и эмоционально говорит об общей атмосфере и накале этого исторического сражения: «...и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы Московския, и слышати было стуку и грому великому межи Москвич и Литвою. И udариша Москвичи на Литву, ...на сильную рать Литовскую, и треснули копья Московские, и гремят мечи булатные на поли Оршинском. И бысть непособие Божие Москвичам».

Победа противнику досталась благодаря полководческому таланту гетмана Константина Острожского. Слава о нем тогда гремела по всей Европе. Даже московские великие князья старались привлечь на свою службу этого православного князя, о котором тогда была сложена военная походная песня.

В 1519 г. состоялся новый поход московских воевод «от Смоленска к Рше... к Могилеву и к Менску». Город опять устоял.

Оршанский замок ремонтировался не только местным населением, но и жителями отдаленных селений Белоруссии и Литвы. Так, в документе за 1529 г. говорится, что «к Оршы на работу мають люди посланы быти: з Василишок 30 топоров, 20 топоров, 15 топоров, из Дубич (Дубичай -- М. Т.) 15 топоров, с Острыны 15 топоров». Кроме того, тогда же король на ремонт Оршанского замка «немалую суму пензей дати рачил и люди казал з волости Любошанское (на Могилевском Поднепровьи -- М. Т.) ку работе того замку послати...».

Как пограничный город Орша в 1551 г. была на 10 лет освобождена от налогов. Согласно сведениям инвентаря Оршанского каменного замка за 1560 г., подход к нему шел с запада по мосту через Оршицу. Последний пролет моста поднимался.

Воротная башня представляла собой деревянное 2-ярусное сооружение с системой запорных устройств. Внизу имелась большая бронзовая пушка, годная к стрельбе. Вторая небольшая железная пушка размещалась на верхнем этаже.

Вторая башня, расположенная слева от брамы, была также 2-ярусной, наполовину «муром обмурована». В момент составления инвентаря она находилась в хорошем состоянии. Из вооружения имелась пушка, требовавшая «окованья». Третья башня была каменной до уровня второго яруса, а выше сооружена из дерева. Внизу размещался цейхгауз. В нем хранилось 33 гаковницы, 20 аркебузов, 3 небольшие железные пушки, старосветский железный «кийку стрелбе», запас пушечных ядер и пуль, свинец, порох, фитиль, селитра, сера и прочая амуниция.

Следующий участок стены проходил по берегу Днепра, где возвышалась четвертая двухэтажная башня. Рядом с ней размещался «тайник деревянный фундованный для воды у Днепр». Далее шла стена, подводившая к пятой башне. Верх стены имел вид традиционных деревянных «абланков» -- крытой драницей боевой галереи с бойницами, устроенной на консольных балках.

Вероятно, помост галереи был очень прочным, так как на прясле стены между пятой башней и брамой, «на обланках у вокнах» размещались две железные пушки. У въездной башни (брамы), на крыльце «при обланках» висел «звон великий» с железным языком -- клепалом.

Внутри замка, вплотную к каменным стенам, примыкала 101 городня. Это были «клети на схованье» семей и скарба горожан, шляхты и окрестных селян замковой волости на случай осады.

Согласно инвентарю 1560 г., оршанцы обязаны были «в замку одну стену оправовати и перед замком мост будовати, стацею послам и гонцам давати, а подводные пенязи... давати и сторожу замковую полнити». Кроме того, горожане «в замку Оршанском, от речки Ршицы... водлуг стародавнего звычаю... городни будують». Имелись пушкари, ведавшие ремонтом и изготовлением огнестрельного ручного оружия и пороха.

Окрестные жители -- «куничники», платившие денежные налоги, также обязаны были ремонтировать стены замка, пруд и мост.

Проезжая в январе 1593 г. через Оршу, московский дьяк Трифон Коробейников отметил, что «городок Орша каменный, стоит на реке Непре на берегу с Литовской стороны, а верхней бой на стене и на башнях деревянной». Австро-венгерский посол Николай Варкоч в августе того же 1593 г. записал в своем дневнике: «...рано приехали в Оршу: это очень обширный город, лежит на двух реках Оршице и Днепре, там есть королевский, впрочем -- деревянный замок, который должно быть значительная пограничная крепость, и считается сильною, так как отчасти обнесена стеной и с одной стороны омывается рекой Днепром, а с другой -- Оршицей».

В конце XVI в. каменный замок все еще не был достроен, хотя на него и на другие «потребы города» шла часть доходов от местной воскобойни и гостиного двора. Это подтверждает и «Устава повинностей», данная в 1594 г. оршанским мещанам от короля Жигимонта III, которая обязывала их «бланки на стене замковой от Иршицы оправлять... и знову заробити, кгды опадуть».

«Устава» четко определила другие военно-строительные повинности оршанцев: держать в надлежащем состоянии тайник к воде, ремонтировать мост и копать яму под подъемным мостом, давать двух ночных сторожей и «воротного меркуля подлуг старого звычаю». «Теж мещане места здешнего повинны вси и кождый засобна, для обороны в час небеспечности замковой от неприятеля господарского, стрельбу вшелякую, то есть гаковницы, ручницы и сагайдаки и иную оборону, то есть рогатину и што иного ку той обороне наложить у домех своих мети, а без обороны таковое в дому своим не мешкать». «Устава» четко регламентировала и другие обязанности горожан.

Вводилось военно-податное разделение горожан на четыре сотни во главе с сотниками, которые королевской властью были обязаны всех горожан «у справе дойзренью своем мети, и потребы их враду доносити, а завжды за росказаньем врадовым в час небеспечности от неприятеля господарского и ку каждой потребе, так и ку работе вышей описанной с тыми людьми поготову быти».

Оршанский замок в начале XVII в. продолжал играть важную роль стратегического центра обороны восточных рубежей Великого княжества Литовского.

В декабре 1620 г. король Сигизмунд подписал привилей на магдебургское право Орше, где еще раз были зафиксированы и подтверждены права и обязанности мещан по защите города.

В городе появилась ратуша, на ней размещались часы и сюда же разрешалось перенести из замка «звон водлуг тамошнего способу названный ратны, под час великой небеспечности потребный».

Каждый горожанин -- старожил или новопоселенец «для лепшего варунку, певности, беспечности и перестероги и для поваги того места Оршанского прикладом места Киевского... сперва на ратушу прысягу приносил», т. е. присягал на верность городу и его законам, обязываясь безотказно выполнять все повинности, в том числе и военные.

В разраставшемся городе развивались ремесло и торговля, образовывались цехи. Как свидетельствуют Статуты цехов кравецкого, пострыгацкого, кушнерского от 1612 и 1632 гг., все они имели военную амуницию, хоругви и гербы. Цехи могли забирать товары у ремесленников, не вписанных в то или иное «объединение», а деньги от их продажи пускать на приобретение оружия и амуниции.

В XVI -- первой половине XVII в. в Орше имелись три линии обороны: городские деревоземляные укрепления с въездными брамами -- Днепровской, Витебской и Могилевской; каменный пятибашенный замок, отделявшийся от города водяным рвом; деревянный замок на мысу, который занимал территорию древнего детинца. В городе была артиллерия, обслуживаемая пушкарями на условии владения земельными наделами.

Видимо, около 1620 г. Оршанский каменный замок был полностью достроен.

Дальнейшее развитие города обусловило активное строительство каменных храмов, монастырей и кляшторов. Их, как правило, размещали на перекрестках главных улиц, обнося прочными каменными стенами. Все они являлись как бы внутренним каркасом обороны города и дополнительным мощным заслоном замков.

В длительной русско-польской войне 1654--1667 гг. Орша не раз переходила из рук в руки. В 1654 г. город был взят сравнительно легко, так как незадолго до этого, в 1653 и 1654 гг., он дважды горел. Сохранились описания Оршанских укреплений 50-х годов XVII в., составленные царским воеводой М. Полуэктовым, который «ведал» городом: «Каменного городу стен по мере 130 сажней с полусаженью... А вышыня стен городу 3 сажени. А инде и полчетверти, кроме зубцов. А зубцовые все обломались. А ширина в стене сажень. В стене камень дичь до зубцов. А розволялось каменной городовой стены 68 сажен с полусаженью. А ворот у каменного города и башен ни одной нет. А острогу поставлено стоячего по мере 96 сажен, а над землею вышына острогу полтары сажени. А башень не поставлено. Абламов нет... и подмостов и боев не делано ж. А недоделано острогу по мере 27 сажен».

Воевода предполагал сделать в остроге 4 башни. Что касается укреплений деревянного замка, то в описи отмечен земляной вал, окружавший его и достигавший высоты половины стоячего острога. Причем со стороны Днепра и Оршицы, отмечал воевода, «осыпь высока и тверда».

Судя по сведениям того времени, высота стен каменного замка составляла от 5,3 до 8 м. Толщина стен была около 2 м. Периметр укреплений равнялся 354м.

Осенью 1654 г. царские воеводы пробовали Оршу укрепить. Удалось восстановить только деревянный острог. Но он оказался ненадежным. В конце года войска Радзивилла декабрьской ночью штурмом овладели Оршей. Лишь 11 мая 1655 г. ее снова заняло царское войско стольника 3. Ф. Леонтьева и было здесь до конца войны.

Зарубежные и польские послы, проезжавшие через Оршу в 60--70-х годах XVII в., не фиксировали здесь более каменных строений замка, отмечая лишь, что город «до опустошения его... был хорош и велик».

Северная война довершила разорение Орши, которая была дочиста сожжена. От этого удара город уже не смог оправиться. Если в середине XVII в. здесь числилось около 5 тыс. жителей, то в 1772 г. только 793 человека.

ПОЛОЦКИЕ ЗАМКИ

Укрепленный центр первоначального Полоцка был перенесен в XI в. с небольшого городища на Полоте к ее устью, на мысовую площадку правого берега Западной Двины. В середине XI в. здесь возвели величественный Софийский собор, у стен которого свершалась вся последующая история стольного и великого города.

Могучая Двина надежно оберегала его с юга. Не меньшей преградой была быстрая Полота с ее очень крутым и высоким левым берегом. С востока у подножия горы имелся глубокий ров с протекавшим по нему ручьем.

История Полоцка XII--XIII вв. тесно связана с Витебском. Известно, что в грамоте полоцкого князя Изяслава Ливонскому гермейстеру и рижанам (1265 г.) сказано: «Полотеск, Видьбеск одно есть». Находясь на важном древнем и торговом пути, Полоцк держал под контролем прибыльную водную артерию, у которой были, по свидетельству современников, «берега серебряные, а дно золотое». Однако такое расположение требовало надежных и мощных городских укреплений, а также хорошо вооруженного ополчения. Тем более, что в низовьях Двины обосновался Ливонский рыцарский орден. Как показывают источники, все это в Полоцке имелось. Не случайно полочане участвовали вместе с войском литовских князей в битве с рыцарями у озера Дурбе (1260 г.), а в 1262 г., возглавляемые князем Товтивилом Полоцким, помогли новгородцам и псковичам разбить немцев и взять приступом Юрьев.

Литовский князь Товтивил, женатый на дочери витебского князя Брячислава, правил в Полоцке до 1263 г. Затем здесь были князья Константин и Изяслав. Позднее Полоцк каким-то путем, но скорее всего невоенным, оказался включенным в орбиту интересов рижского архиепископа. В городе стало распространяться католичество, насаждавшееся насилием и бесчинствами немцев. Это вызвало сильное недовольство населения, и в 1307 г. полочане с помощью князя Витеня изгнали немцев. После этого Полоцк вошел в состав Великого княжества Литовского с сохранением «старины» на основе соглашения («ряда») литовских князей с полоцким боярством. Фактически Полоцк и Полоцкая земля пользовались автономией вплоть до XVII в.

XIV в.-- время частых вторжений войск Ливонского ордена на земли Белорусского Подвинья, в том числе и на Полоцк. Они имели место в 1324 (дважды), 1333, 1334, 1366, 1382 и 1386 гг. Однако город ни разу не был захвачен. Вооруженные отряды полочан в свою очередь принимали участие в походах против рыцарей, в том числе и в знаменитой битве на реке Стреве в 1348 г.

Археологическое изучение вала Верхнего замка показало, что с напольной восточной стороны его основу составляла песчано-глинистая насыпь с внутренней деревянной перекладкой конструкций в виде толстых бревен, уложенных рядами крест-накрест. Со стороны Западной Двины ее не было.

У подножия Верхнего замка, с востока, уже в эпоху Киевской Руси возник торгово-ремесленный посад, а затем -- окольный город, обнесенный земляным валом. Однако в XIV--XV вв. этот вал стал мешать росту поселения, которое постепенно занимало соседнюю территорию между Полотою и Западной Двиной. Тогда же активно росли Заполотский, Островский, Кривцов, Слободской (Бельчицы) и Якиманский посады. К 60-м годам XV в. Полоцк достиг наибольших территориальных размеров за всю свою историю. Причем и Заполотский, и Большой посады имели собственную линию укреплений. С гордостью писали полочане о своем родном городе: «Место Полоцкое ест славутное, как и которое, и не ест низшее во чести ни Кгданьска, ни Кролевца, ни Маримброка». С полным основанием восхвалял «славное место Полоцкое» и Франциск Скорина. Мощь и величие города отмечали многие современники.

Небезынтересно, что еще в то время сохранялась память о месте первоначального поселения, которое называлось «старый город», «старое городище».

Никаких описаний укреплений Полоцка XIV-- XV вв. нет. Сколько было башен на Верхнем замке -- неизвестно. Лишь одна из них -- «Волковая» названа в документе XIV в., сообщающем о ее сносе.

Строительство укреплений издавно было общей повинностью жителей города и волости. Со времен Витовта «город рубливали все княжеские люди и жители места Полоцкого». При короле Казимире некоторое время постройкой укреплений ведал особый чиновник -- городничий. Однако полочане воспротивились «новине» и просили короля сохранить «старину», оставив руководство городовым делом в руках наместника.

Начиная с 90-х годов XV в. Полоцк оказывается в полосе частых порубежных войн Великого княжества Литовского с Русским государством. Его стратегическое размещение давало основание современникам назвать город «ключом Ливонии и самой Литвы». Его укреплению уделялось много внимания.

В 1498 г. в жизни города произошло этапное событие -- он получил от великого князя Александра магдебургское право. Грамота адресована мещанам -- ремесленникам, купцам, людям владычным -- игуменьиным, чернецким, поповским, боярским, посельским, путным слугам -- всем, кто «завсегды с мешаны на выправу военную звыкли ходити и вси поплатки наши посполу с ними нам давати». Привилей особо подчеркивал, что все, кто будет пользоваться магдебургским правом, обязаны Полоцкому магистрату и королевскому наместнику «во всих речах быти послушни». Прежде всего, это касалось военной повинности.

Тогда же, судя по всему, произошла перестройка Софийского собора на Верхнем замке -- из семикупольного он превратился в пятибашенный инкастеллированный храм.

В 1499 г. сильный пожар уничтожил Полоцкий замок, однако его быстро и энергично восстановили.

В целях создания более широкой базы для рекрутирования населения на военно-оборонительное строительство в 1500 г. Полоцку была дана «Устава о сельских путниках», приписанных к замку. В ней говорилось: «А што ся тычеть серебщины нашое, и военное службы, и городовое работы, ино они з мещаны мають поспол платити и заступовати, подавному». Для усиления обороны замка в Полоцке был организован небольшой отряд конных мещан. Вместе со шляхтой они выставляли коней при «посполитом рушеньи», но не образовывали особой по своим правам группы населения.

До определенного времени громадный Верхний замок с его укреплениями и посад, обнесенный валом, вполне обеспечивали защиту населения в случае войны. Но территориальный рост Полоцка, увеличение числа его жителей поставило вопрос о создании дополнительных городских укреплений.

В 1501 г. мещане провели значительные работы по укреплению Полоцкого замка и возвели фортификацию вокруг Великого и Заполотского посадов, укрепив их рвами и валами. По мнению исследователей, в то время Полоцк был как никогда сильно укреплен. Причем он был настолько велик, что значительная часть дворищ находилась за оборонительным рвом -- «перекопом» обоих посадов.

Кроме военно-фортификационных работ полочане несли и «сторожевую» повинность. Они должны были «стеречи поспол с путники селскими», город и острог, держать на границе и по дорогам «сторожу от неприятелей в... часы валечные... вси посполите».

Находясь на беспокойном порубежье, Полоцк в первой половине XVI в. неоднократно подвергался осадам и разрушению. В 1506 г. все окрестные села, вплоть до Витебска, были сожжены. Спустя 2 года острог города сожгли татары. После этого, в промежутке до 1512 г., Полоцк восстанавливался еще раз, когда он «з допущенья Божого... погорел». Его отстраивали крестьяне волостей Полоцкой, Нищенской и Себежской. В 1512 г. «князь Михаиле Кислица с Новгородскою силою и со всеми Псковскими детми боярскими были под Полотском и от Полотска поидоша Литовскою землею под Смоленск». Судя по всему, взять город не удалось. На следующий год дружина Новгородского наместника князя В. Шуйского разрушила предместья и городские укрепления. Их скоро восстановили, но паркан около «места» сделали на несколько «стрелений» ближе к замку. Это свидетельствует о начавшемся упадке и запустении города.

В мае 1518 и в августе 1519 гг. он опять был в осаде. Отряд воеводы Засекина вместе с татарской конницей приступал к Полоцку.

В 1520 г. Новгородский наместник князь В. Шуйский повторил поход «с Новгородскою силою и с нарядом большим». Ему на помощь пришел брат -- И. Шуйский «с Псковскою силою и со всем нарядом Псковским, с пищалники и с посохою». Под городом начали ставить туры и «начата Новгородскими и Псковскими пушками бити город, а полочане из посада, из заострожья много... бишася». Осада затянулась, а затем ее сняли.

Осмотр города в 1533 г. полоцким воеводой Яном Глебовичем вместе с боярами и мещанами выявил наглядное доказательство его упадка за последние 20 лет: на территории Великого и Заполотского посадов находилось несколько сот пустых дворищ, владельцы которых разошлись прочь. Эти кварталы были заняты огородами, пашнями и гумнами. Многие замковые волости оказались по другую сторону границы.

Зимой 1534 г. войска царских воевод снова были у стен Полоцка, и хотя из-за глубоких снегов и жестоких морозов город не взяли, но окрестности его разорили.

В конце ноября 1535 г. войска 10 воевод, пришедшие из Новгорода и Пскова, снова «почаша воевати Полотцкие места». Затем наступила передышка до 1563 г., позволившая городу привести свои укрепления в порядок.

Следует отметить, что в первой половине XVI в. великокняжеская власть уделяла укреплениям порубежного Полоцкого замка пристальное внимание. Сюда отправлялись пушкари, порох, сера, свинец, пушки и гаковницы. Великокняжеский скарб поставлял для гарнизона Полоцкого замка значительное количество хлеба из Усполья, Утены, Пинска, Оникшт и Браславля.

Для частых ремонтно-восстановительных работ в Полоцком замке привлекались не только крестьяне волостей Полоцкой, Нищенской, Себежской, но также «люди господарские Ситненские», «люди волости Го-ломышской», «мещане Друйские» и «дойлиды» из других значительно удаленных мест. В 1529 г., после завершения сельскохозяйственных работ, сюда были посланы «с Утены 50 топоров, с Усполь и Пенян 100 топоров». Кроме них в документах упоминаются люди «Язенские, Угольницкие, Ореховинские, Мнютские, люди

господарские Борысовляне, а люди Войнины, Черневичи и Боркулабовы Ореховляне». Строительные работы были строго разграничены и размерены на участки («дельницы»).

Сохранился интересный инвентарь Полоцкого замка -- так называемая «Полоцкая ревизия 1552 г.», составленный маршалком Яном Кмитою и Мартином Подцевским, конюшим Троцким. Согласно этому документу, в Верхнем замке имелось 9 башен и 204 городни, построенные только из дерева и поставленные по краю высокой «самородной горы». Все городни были срублены из сосновых бревен толщиной в 5 стен, имея в длину около 3 саженей, т. е. около 5,84 м.

Воротная «вежа Устейская», стоявшая на углу замка над устьем Полоты, открывала путь через мост в Заполотский посад. Она была прямоугольная в плане, «с фундамента в тры стены рублена, добра и покрыта». Ранее башня имела подъемный мост («узвод»), но в момент составления инвентаря он был неисправен. Имелись только «ланцуги два взводных». Башню с подъемными и запорными устройствами ремонтировали и строили мещане, используя также доходы от городских весов -- «з ваги меское».

Вторая башня также была срублена в три бревна и находилась в хорошем состоянии. В третьей башне «на исподе» имелась «земная стрельница» для пушек. Характеристики ее в инвентаре нет. Ее, как и пятую «Михайловскую вежу», сделали наемные и браславские «дойлиды». В пятой башне размещалась «форта к реце Полоте». Шестая «Богородицкая вежа» возводилась жителями Великих Лук, Дубровлян, Себежа, Заволочья и Невеля. Поскольку в 1552 г. часть этой территории отошла к Русскому государству, то башню «заробили себежане и заволочане и вси волости Путницкой».

Седьмую башню, поначалу возводившуюся полоцкими мещанами и Великолуцкой волостью, достроили в 1552 г. полочане, поскольку Великие Луки отошли «у сторону неприятельскую», а король Жигимонт выделил мещанам на строительство «помочи... 10 коп грошей ».

Восьмая, воротная, башня, открывавшая дорогу из замка в Великий посад, находилась в плохом состоянии и требовала ремонта. Гора возле нее была «на узвозе з места вельми утоптана». Не работал подъемный мост и под ним не было ямы. В плохом состоянии находился и второй «узвоз» со стороны реки Двины. Для ремонта ворот полочане заготовили 25 коп бревен и брусьев. Эту браму и 15 городен вместе с Устенской брамой досматривали мещане.

Последняя «вежа Софийская», срубленная в 3 бревна, стояла на углу замка. Это был предмет забот полоцкого владыки и всего духовенства, кроме игуменьи.

Всего мещане досматривали в замке 4 башни и 40 городней. На них лежала обязанность строить и ремонтировать два моста и укрепления острога вокруг посадов Великого и Заполотского. На выезде из острогов стояли «остроговые брамы».

Ревизия 1552 г. раскрыла организационную основу обороны города, назвав десятки и десятников, сотни и сотников, а также «старосту дойлидского», который, судя по всему, ведал военно-строительным делом в городе, т. е. был фактически «валмистром».

Ворота замка охраняли драбы, содержавшиеся на доходы от «мыта Полоцкого». Брамы «острожные» по очереди сторожили сами мещане. Порядок несения охраны городских ворот и укреплений был определен королем Жигимонтом еще в 1529 г., издавшим особую

«Уставу Полоцку». Согласно ей, «кликуны» дежурили ночью, «кликая» и трубя в особые трубы. Главная их задача сводилась к несению противопожарной службы.

Другая группа из 12 сторожей, согласно «Уставе» 1529 г., стояла у городских «ворот, коли купцы едуть». Здесь дежурили поочередно все люди -- «господарские и князьские, и панские, и боярские, и всих духовных, и мещанские, и путные, которые и в месте Полоцком местца свои мають, вси посполу тую сторожу в замку в ночы у ворот мають стеречи чергами». К тому времени при замке сложилась и постоянная группа сторожей, получавших стабильную плату: «Тые сторожы за то на реце Двине на себе перевоз заведають и плату з людей господарских путных и тяглых и з людей шляхетских, духовных на себе мають».

Ревизия Полоцкого замка 1552 г. интересна тем, что содержит подробный перечень огнестрельного оружия, пороха, ядер, разной амуниции, которая хранилась в особом помещении -- «королевской клети». Документ называет 10 бронзовых пушек «не вельми великих... на колах добрых окованных», «дело спижаное великое», два «дела спижаных» длиной две с половиной пяди и две пяди, «к дереву прикованное»; две железные пушки такого же калибра и устройства. Упоминаются пушка бронзовая «немалая», «мордеры спижаные Витолтовы тры, а один мордер четвертый железный, с которого можно стреляти». Имелось 5 «сарпан-тынов», 27 гаковниц старых, 50 новоприсланных от короля и две, полученных «от пушкара замкового з службы его пушкарское на замок даных». В цейхгаузе все еще хранилось 11 «киев старосвецких железных добрых» -- ручного огнестрельного оружия XV в., железные, медные и каменные «хормы» для отливки ядер и пуль, запас пороху, серы, селитры, ядер и пуль каменных и оловянных, «шрот» и многое другое.

Среди восьми перечисленных полоцких замковых пушкарей только один был иностранцем. Старшим пушкарем был В. Миклашевич, получавший 10 коп грошей, 2 сукна -- люнское и полтрышовое, державший за городом две «вольные корчмы -- пивную и медовую», а под Великими Луками имел имение. За это В. Миклашевич ежегодно поставлял на замок Полоцкий «сто куль каменных».

Пушкарь Яков Занкович имел в городе дом, получал 12 коп грошей, 2 сукна, а за это ежегодно обязан был «на замок давати две гаковницы». Остальные пушкари -- Антип Кондратович, Войтех Сулоцкий, Матвей Волк, Шимон Янович, Ян Смолыст получали от 6 до 10 коп грошей, обязательные два сукна и должны были «робить порох».

Суровые испытания выпали на долю Полоцка в годы Ливонской войны. В конце января 1563 г. громадное войско, ведомое самим Иваном Грозным, со 150-- 200 пушками осадило город. Спасаясь от войны, под защиту его стен сошлась вся Полоцкая земля -- крестьяне, шляхта, мещане. Осада с беспрестанным артиллерийским обстрелом, штурмами и пожарами, от которых только в Нижнем замке сгорело 3 тыс. дворов, создали в стане осажденных сложную обстановку. Ситуация усугублялась скоплением громадного количества гражданского населения. Разразившийся голод заставил крестьян Полоцкого повета, которые вместе с семьями и скарбом «сидели в остроге», сгоревшем дочиста, выйти и сдаться. Только в царский полк вышло более 11 тыс. человек. В другие воеводские полки и в татарские станы «вышло так много людей, что тем же не бе числа» -- сообщает летопись. Защитники Верхнего замка и Заполотского посада предложение о сдаче отклонили.

Постоянные артиллерийские обстрелы превратились с 9 по 14 февраля в круглосуточные. От канонады земля дрожала даже в царской ставке, потому что ядра в стенобитных пушках

весили по 20 и более пудов. Осажденные, у которых имелось 38 пушек, 300 тяжелых гаковниц и 600 долгих навальных рушниц, вели интенсивный огонь, сосредоточив его по царской ставке. По сообщению летописи, ядра защитников «падоша, яко дождь», что в конце концов заставило царя оставить «братскую пеколну» Борисоглебского монастыря в Бельчицах и перебраться в отдаленную церковь Георгия Великого.

В ночь на 15 февраля царь приказал подобраться к замковым стенам и зажечь их во многих местах. В результате этих действий выгорело 40 звеньев замковой стены, длиной в 300 саженей. Однако в бреши засело местное и польское ^рыцарство, храбро защищавшееся» -- сообщает русская летопись. Их склонили к сдаче только после упорного боя, обещая жизнь, свободу и сохранение имущества.

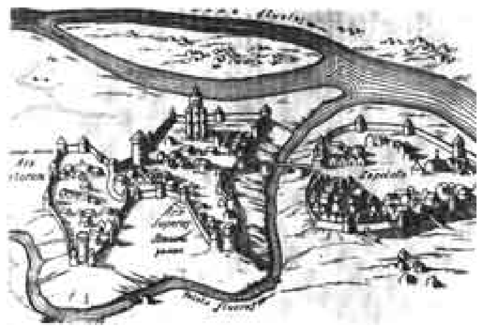
После взятия Полоцка царскими войсками его укрепления привели в исправное состояние, и город снова стал играть роль крупнейшего замка на Западной Двине и торгового центра, соперничавшего в своей экономической мощи с самой столицей Вильно.

В августе 1579 г. войскам короля Стефана Батория удалось путем различных приемов осады -- прямых штурмов, обстрелов раскаленными ядрами, попыток напрямую поджечь стены -- через 18 дней завладеть Полоцком. В это время здесь было три замка -- Высокий, Средний и Стрелецкий, а также укрепленный За-полотский посад, где после 1563 г. сконцентрировалась экономическая жизнь города. Известны две гравюры Полоцка 1579 г.-- оригинальный рисунок королевского секретаря Ст. Пахоловицкого, изображающего войска Стефана Батория при осаде Полоцка, и копия работы римского гравера Яна Баптисты.

Рисунок с документальной точностью показывает только Верхний замок со всеми укреплениями, где в то время было практически 2 замка, разгороженных стеной. Один из

них, видимо, и есть тот самый Средний замок, о котором говорят документы XVI в. и современники и который располагался между Стрелецким и Верхним замками. На рисунке изображена Полоцкая София со всеми деталями ее боевых башен, а также показаны две высокие башни, стоявшие отдельно в центре замка и позволявшие вести круговой обстрел.

Что касается гравюры Я. Баптисты, то на ней показаны укрепления Стрелецкого замка и Заполотья, отсутствующих у С. Пахоловицкого. Укрепления Верхнего и Среднего замков даны не полностью и во многом условны, но вместе с рисунком позволяют составить четкое представление о тогдашнем Полоцке.

Определенную информацию несут и надписи на углах гравюры, сообщающие, что Полоцк тогда считался «крепчайшей твердыней так хорошо защищенный местоположением, бастионами, запасом бомб и гарнизоном, что по справедливости почитался самым укрепленным замком не только в Московии, но и на всем севере...».

После событий 1579 г. Полоцк вновь начал отстраиваться, причем не только в Заполотье, но и на старом Великом посаде. Опять были восстановлены замковые и городские оборонительные сооружения. В организации обороны и «сторожи» города произошли некоторые изменения. Особой королевской грамотой от 1593 г. мещан освободили от «сторожи» в замке. Доходы, которые ранее получали от двух перевозов на Двине и пускали на оплату сторожей, теперь шли в пользу иезуитского коллегиума и воеводы.

Вероятно, в начале XVII в. в Полоцке случился пожар, уничтоживший какую-то часть города. В 1607 г. Сигизмунд III потребовал срочного восстановления замка. На Варшавском сейме тогда же была одобрена просьба послов Полоцкого воеводства о восстановлении «руин старой церкви Св. Софии», где планировалось хранить архивы воевод.

Город, едва начавший отстраиваться, в 1615 г. вновь опустошился сильным пожаром. Вероятно, восстановление города и его фортификации затянулось. В этой связи Варшавский сейм в 1626 г. принял специальное решение о приведении в надлежащее состояние Полоцкого замка, «от которого, как от окраинного, многое для Речи Посполитой зависит». Для этого сюда собирались направить «служебных -- пехоту и конницу, порох, ядра». Однако эти добрые пожелания правительства Речи Посполитой в отношении Полоцка остались скорее всего на бумаге. В разразившейся очередной русско-польской войне город был в ночь с 12 на 13 июня 1633 г. «за час до рассвета» атакован войсками воевод А. П. Репнина и Н. А. Плещеева. Но подошедшее вскоре королевское войско заставило снять осаду.

С большим трудом Полоцк оправлялся после разорения. Лишь 21 июня 1638 г. в ратуше была принята «Уфала, сталая отпоепольства, яким способом паркан коло места будовать».

Этот документ приняли на совместном заседании полного состава магистрата с многими представителями горожан. «Уфала» обязывала вначале провести подсчет заселенных в Полоцке «пляцов», затем шнуром обмерить длину городских укреплений и разделить участки нововозводимой фортификации пропорционально, «владеемому пляцу». За порядком и правильным исполнением «Уфалы» должны были «пилновати сотники, поручники и десятники, абы яко нарыхлей паркан со всим на всим выстави».

Однако уже через два года «Уфала» была нарушена полоцкой шляхтой, запрещавшей мещанам, живущим на шляхецких юридиках, исполнять городские повинности и строить «паркан для обороны от неприятелю».

Владислав IV, рассмотрев тяжбу магистрата со шляхтичами, в своей грамоте еще раз подтвердил сохранение действия повинности «городовой работы и сторожи» для каждого жителя Полоцкого воеводства.

Летом 1643 г. в городе вспыхнул жесточайший пожар, от которого «все место Полоцкое, замок Вышний и Нижний, коллегиум, костелы, церкви, ратуши, вежи и паркан и все оздобы места Полоцкого сгорели и в пепел обратились». Уцелела, кажется, только одна «брама Лезная» на Нижнем замке.

На этот раз восстановление города и его укреплений безнадежно затянулось до 1653 г., начавшегося под знаком явной подготовки Русского государства к войне с Речью Посполитой. Было спешно организовано укрепление пограничных с Россией замков, в том числе и Полоцкого.

Однако это были запоздалые меры, хотя кое-что в Полоцке сделать удалось. И касалось это не столько укреплений и подготовки города к обороне, сколько спасения населения от надвигавшейся войны.

Летом 1654 г. войска воеводы В. П. Шереметьева, по одним сведениям, численностью до 15, по другим -- до 50 тыс. человек, направились в Белорусское Подвинье. Движение этой группировки ратных людей к Полоцку было далеко не случайным, если учесть его стратегическое значение для всего Великого княжества Литовского. Но имелись и другие причины: воевода получил «ведомости, что доподлинно Полоцк пуст, которого жители и оборонители его оставили», уйдя в Ливонию и Курляндскую землю. Захват города стал заманчив вдвойне.

17 июня В. П. Шереметьев с ратными людьми пришел под Полоцк и «у литовских людей перевоз и слободы и дороги к Витепску и к Вильне заставил и в Полоцке польских и литовских людей осадил и к городу всеми ратными людьми и конными и пешими приступали и над городом государевым делом промышляли и городские же литовские люди с государевыми ратными людьми бились и из наряду стреляли». По сведениям самого воеводы, его войска «с литовскими людьми бились день целый». Осада, перемежавшаяся с переговорами, продолжалась до конца месяца.

Лишь 30 июня полочане на веревке спустили с башни «пункты» (условия сдачи города -- М. Т.), которые воевода И. Т. Веригин повез к В. П. Шереметьеву. Условия полочан были приняты, после чего делегация мещан, возглавляемая «начальными людьми» Дегилем и Комаровским была «перед бояриным в полках», где они «добили челом и Полоцкий город совсем здали».

В занятом городе на Верхнем замке соорудили 4 новые башни и поставили пушки. Кроме того, восстановили «полые места и проломы». На Нижнем замке поставили стены общей длиной 992 косых саженей.

На 1 августа 1654 г. в Верхнем замке имелись 6-гранные большие проезжие ворота, Варваринские водяные ворота и 5 небольших башен («быков»), стоявших в линии деревянных стен различной конструкции. Общая длина линии фортификации Верхнего замка достигала 784 саженей.

В Нижнем замке восстановили укрепления по валу бывшего Стрелецкого города XVI в. и по пустым местам между ним и Верхним замком. От вала Стрелецкого города вдоль Полоты шло длинное прясло с одними воротами, через которые ходили по воду к реке, и три башни. От угловой башни укрепления поворачивали на юг и тянулись до самого берега Двины, упираясь в следующую угловую башню. В этом восточном прясле укреплений находились проезжие Невельские и Пятницкие ворота и 3 башни. От угловой башни в Двину опускалось 20 саженей «стоячего острогу».

Оборонительные стены вдоль Двины требовали ремонта. На время осмотра, который проводился 20 июля 1654 г., в Верхнем замке имелось 9 пушек и 93 пищали затинных с небольшим запасом ядер, свинца и пороха. В Нижнем замке по башням и воротам было расставлено 3 пищали (пушки) и 13 пищалей затинных. На одной из башен висел «вестовой колокол».

Описание полоцких укреплений показывает, что после пожара 1643 г. город к 1654 г. так и не смог привести в порядок свою фортификацию.

Согласно ревизии от 25 августа 1654 г., в Верхнем замке числились башни: Мошна, Красная (бывшая Королевская), башня-брама, Гуська, «Фортка», Устенская. Длина укреплений достигала 729 с половиной саженей. В документе упоминаются земляные бастионы -- «рукава».

В линию укреплений постепенно включался Стрелецкий город.

В Нижнем замке стояли «башня над Полотою», башня Наугольная, Карлицкая, Ильинская, Мироновская, проезжие ворота, Невельские ворота, двое малых ворот и большие проезжие Варваринские ворота. Протяженность всей линии обороны равнялась 1231 с половиной сажени.

После долгого перерыва опять встречается свидетельство об укреплениях Заполотья. Правда, это только «стоячий острог с вороты и с рукавами» -- бастионами.

В башнях Верхнего замка находилось 8 пушек полуторных и 19 затинных пищалей. На Нижнем замке соответственно 12 и 57. Один вестовой колокол висел на Верхнем замке в Красной башне, на Нижнем их было два -- на Ильинской и Невельской башнях.

В цейхгаузе города имелись пики, протазаны, затинные пищали и стволы к ним, свинец и порох.

В сентябре и октябре 1654 г. в городе велись интенсивные военно-строительные работы. К ним были привлечены полочане -- плотники Иван Гаврилов, Матвей Марков, Иван Андреев с «товарыши», срубившие 4 башни на Верхнем замке. Среди них угловые -- «Устенская.

Мошна и Рождественская». Называются также артели Агафона Павлова, Ивана Долева и «плотник Иван с товарыши».

В апреле 1655 г. работы в городе продолжались, а в ноябре того же года было проведено третье инвентарное описание полоцкой фортификации. Всего в Верхнем замке стояло 5 больших башен и 5 меньших («быков»). Большинство башен и прясел деревянных стен были срублены в два яруса.

Нижний замок к осени 1655 г. также значительно укрепился. От проезжей Варваринской воротной башни вдоль Двины до угловой Мироновской башни была выстроена новая линия укреплений длиной 382 сажени. Она состояла из новых стен-тарасов, имевших 2 яруса боя и обламы, двух форток (калиток) и трех проезжих ворот.

Здесь были обновлены все башни и стены общей длиной 1117 саженей.

Претерпела некоторое изменение фортификация Заполотского посада, где с напольной западной стороны от Двины и Полоты выкопали ров, укрепив его стоячими, под наклоном, бревнами. Перед рвом «для крепости от приходу воинских людей» сделали крепкие двойные надолбы. Длина этих укреплений равнялась 340 саженям.

В 1657 г. проводился ремонт полоцких укреплений. На стены подняли громадные бревна («катки»), камни, колья на случай отражения атаки противника. Расширили, углубили и укрепили оборонительные рвы. Со стороны поля перед рвами стояли «частики».

По росписи, проведенной 20 июля 1661 г., в Полоцке имелось 18 пушек полуторных, 43 пушки полковые, 146 затинных пищалей, 530 мушкетов в цейхгаузе, кроме находившихся на руках, различные ядра, «огненные стрелы», доспехи, шишаки.

Оружейные запасы в городе, вероятно, уменьшились к поздней осени, когда пришлось вооружать остатки войск Хованского, потерпевшего под Кушликами в октябре 1661 г. поражение от войск Чарнецкого. Последнему достался весь обоз и артиллерия с запасом пороху, свинцу...

26 июня 1662 г. в четвертом часу ночи в Полоцке произошел пожар. В результате сгорел Нижний замок с ратушей, торговыми рядами, монастырем. Уцелели только «от Двины реки башни, Десенские ворота, да от Полоты реки 2 башни глухих, да ворота проезжие на Полоту реку». Было уничтожено городовой стены 170 саженей, а пушечный наряд, который стоял по воротам, башням и стенам,-- полуобгорел.

С 1 апреля 1667 г., согласно Андрусовскому перемирию, Полоцк был возвращен Речи Посполитой.

После русско-польской войны основой обороны Полоцка оставались деревянные укрепления. Они хорошо видны на чертеже 1703 г. стольника Петра I М. Цызырева. Позднее, в период Северной войны, в Полоцке соорудили бастионную фортификацию. Она была наиболее совершенной на Верхнем замке, однако имелась также и в Заполотье, Нижнем замке и даже в Островском посаде. Зимой подступы к городу со стороны Двины защищали специально сделанные проруби, «которые непрерывно прочищались».

Последний раз полоцкие укрепления использовались в 1812 г. и после этого утратили свое значение. Сейчас территория полоцких замков включена в историко-археологический заповедник.

ЗАМКИ ВИТЕБСКА

Витебск (Видбеск) возник на тактически выгодном высоком левом берегу Западной Двины при слиянии с ней реки Витьбы, от которой получил свое название. В XIV--XVIII вв. в городе имелся мощный комплекс укреплений, состоявший из Верхнего, Нижнего и Узгорского замков.

В «Списке русских городов дальних и ближних» об этом поселении сказано крайне мало: «Видбеск, 3 стены камены. А река Видба и Двина».

Ядром обороны средневекового Витебска были два древних городища в устье Витьбы: одно -- мысовое, ограниченное с юга и востока глубокими каньонообразными рвами-промоинами, другое -- вытянутое, значительно приподнятое и расположенное далее на восток, за рвом. В XII--XIII вв. ров почти полностью засыпали. Это позволило окружить всю данную территорию мощным песчано-глинистым валом, северный участок которого внутри армировали решетчатым деревянным каркасом. Со стороны Западной Двины поверхность вала закрывал как панцирь метровый слой плотной глины. Со стороны Витьбы вал имел ширину не менее 36 м и почти 8-метровую высоту.

Дерево-земляные укрепления Верхнего замка XII-- XIV вв. в сочетании с крутыми 20-метровыми склонами и водами рек, делали его почти неприступным с севера и востока. С двух других сторон также имелись укрепления, но они были менее внушительны, поскольку прикрывались посадом. Здесь песчано-глинистый вал имел высоту 5--6 м и ширину до 16--20 м в основании. Основание насыпи с внешней стороны было укреплено деревянными сваями толщиной 0,3--0,8 м и длиной до 2,5 м, предотвращавшими оползание вала.

В XII в. возникли дерево-земляные укрепления вокруг торгово-ремесленного посада (позднее -- Нижнего замка).

В 1284 г. Витебск вошел в состав Великого княжества Литовского и стал важным стратегическим форпостом на восточном порубежье государства. В первой половине XIV в. при князе Ольгерде, владевшем Витебским княжеством после женитьбы на местной княжне Марии, произошло событие, которое зафиксировал «Список русских городов...»,-- в Витебске появились «3 стены камены». Эти три стены были ничем иным, как стенами каменного Верхнего замка и стеной примкнутого к нему каменного Нижнего замка, существование которого установлено археологическими раскопками недавно. В связи с особенностями рельефа города эти укрепления стояли так, что человек того времени, подъезжавший к Витебску с запада или востока, действительно видел три ряда стен. Поздняяхроника «Литовская и Жмойтская» датирует окончание строительства 1351 г. и

приписывает эту акцию жене Ольгерда, которая город «муром округ обвела з баштами вынеслыми и вежами». Это подтверждается инвентарем XVII в. Таким образом, в первой половине XIV в. в Витебске существовал мощнейший комплекс из двух каменных замков. Общая длина каменных укреплений превышала 1750 м.

В 1393 г. мятежный князь Свидригайло отражал здесь штурмы коалиции трех князей -- Витовта, Скиргайлы и смоленского Юрия Святославовича. Лишь после 4-недельной осады с большим трудом был взят Нижний замок. Затем Витовт, «заточив дела в церкви мурованой в Нижнем замку, розбивал мур замку Вышнего беспрестанно». Сделав проломы в стенах и башнях, осаждавшие готовили общий штурм, но витебляне, не имевшие достаточно продовольствия, сдали замок.

В 1396 г. Свидригайло с согласия горожан снова овладел Витебском, и войску Витовта пришлось опять штурмовать город. Нижний замок удалось занять только после 30-дневной осады и всеобщего штурма. В Верхнем замке, защищавшемся не менее упорно, сосредоточилось так много людей, что была сделана попытка вывести оттуда женщин и детей. В сутолоке ворота замка открыли не вовремя и осаждавшие ворвались в него.

В 1435 г. Витебск снова открыл ворота Свидригайло, и опять город 6 недель находился в осаде, но взять его войску Жигимонта не удалось. Лишь в 1437 г. после упорной защиты «полочане и витебляне, не маючи собе ниотколь помочи», признали власть великого князя Жигимонта.

Вторая половина XV в. прошла для Витебска более или менее спокойно. Король Казимир дважды, в 1451 и 1469 гг., был здесь, инспектировал укрепления порубежного города и дал его жителям «Уставную грамоту», регламентировавшую их жизнь и деятельность. Грамота зафиксировала фактическую автономию Витебской земли, права и обязанности горожан, местных феодалов и боярства.

Одной из основных повинностей местных жителей было участие в военных походах: «А на войну быти им с нами посполу готовыми».

В Витебске существовала особая группа населения, так называемые «конные мещане», которые, живя в городе, одновременно владели имениями, служа за это государству «конем». Главной их обязанностью было несение службы «збройно» в конном земском ополчении во время «посполитого рушенья» вместе со шляхтой. Во второй половине XVI в. конные мещане выставляли 100 лошадей. Вдобавок они «оправляли» Замковую гору, строили острог, несли сторожевую службу.

Документы XV--XVI вв. называют ряд обязанностей горожан, связанных с охраной и ремонтом укреплений.

Как и в других городах Белоруссии, местные жители сторожили в воротах и «на обламах в ночи кликали», должны были «строить городни и башни и их глиною мазати». «Сторожа городовая» касалась всех, включая церковников, а также людей боярских, имевших жилье в Витебске и по селам Витебского повета. В 1530 г. король Сигизмунд обязал последних «ворот городовых стерегивать» и «сторожу к воротам городовым приставляти и чинити».

К ремонту и военно-строительным работам в Витебске постоянно привлекались «водлуг стародавнего звычая» Усвятская и Озерищенская волости: «по 4 недели у год, 2 недели в лесе, а 2 недели в замку робити».

При необходимости «городовую работу» выполняли в Витебске жители и других городов и волостей. Так, в 1514 и 1529 гг. из Лиды, Белицы, Василишек, Маркова, Перелома, Радуни и Посожья было послано более 100 человек, а из Браслава и Оникшт -- 70 и 50 «топоров». В 1529 г. сюда же в замковые «шпихлеры» из разных мест доставлялся хлеб.

С начала XVI в. Витебск попал в полосу частых военных походов, совершавшихся царскими воеводами на протяжении полутора веков. В 1502 г. были сожжены предместья города, а в 1516 г. сам Витебск долго выдерживал осаду. Замок, однако, выстоял. Опустошение повторилось в 1519 г., когда Нижний замок был взят и при осаде погибло много жителей. Уцелевшие «отсиделись» в Верхнем замке. В 1534 г. князь Борис Горбатый вместе с Новгородско-Псковской ратью опустошил все окрестности, но город взять не сумел. В июле 1535 г. стало известно, что русские воеводы Кислица и Ляцкий пришли в Великие Луки. Как сообщили маршалку Ю. Радзивиллу, у них было «сорок тысяч людей, а дел сорок, а мають Витебска доставать». Сведений о том, состоялся этот летний поход на Витебск или нет, не имеется. Однако в том же 1535 г., в конце ноября, новгородско-псковские рати, ведомые 10 князьями, во главе с князем Б. И. Горбатым «воевали Витепские места». Летом 1536 г. войска князей Горенского и Барабашева сожгли Витебский посад, захватили в плен многих горожан и окрестных волощан.

Во время Ливонской войны Витебск трижды осаждали царские войска. В 1562 г., в конце мая, от Великих Лук к нему ходило большое войско во главе с князем А. М. Курбским. Нападение повторилось в 1563 г. Затем в 1568 г. (по другим сведениям в 1569 г.-- М. Т.) здесь побывало шеститысячное войско воевод Шереметьева, Бутурлина и Сабурова.

О состоянии городских укреплений Витебска в середине XVI в. можно судить по «Хронике Литовской и Жмойтской», которая отметила, что от каменных укреплений осталась лишь одна разрушенная стена, да сильно поврежденная «мурованая вежа», стоявшая над Двиной.

17 марта 1597 г. король Жигимонт III дал Витебску магдебургский привилей. Город получил герб («в блекитном полю образ святого Спаса Збавителя нашего, и при том зараз трохи нижей меч голый червоный, што ся мает розуметь кровавый»), хоругвь, под которую мещане становились «под час посполитого рушенья и потребы военное». Каждый ремесленный цех также получал свое знамя. Привилей напоминал о военной повинности горожан, которая за ними по-прежнему сохранялась.

В 1614 г. в Витебске сгорели оба замка -- Верхний и Нижний, восстановление которых затянулось на долгие годы. В 1626 г. случился новый пожар, уничтоживший Верхний замок и район Задвинья.

По свидетельству одного велижского жителя, побывавшего в Витебске в 1632 г. с явно разведывательными целями, город выглядел следующим образом: «От Сурожи 40 верст город Витебск почат город делать земляной да не доделан, а стоит на горе, а не строен, взять его мочно 500 человек, дворов мещанских с 2000, стоят не стройно, врозни, а живут люди не боевые, войны не знают». Последние слова истины, безусловно, не отражали, но косвенно говорили об отсутствии в то время в Витебске гарнизона регулярных войск, т. е. людей «знающих войну». Поскольку тогда Верхний и Нижний замки были каменными, есть все основания полагать, что «земляной город» -- это укрепления Узгорского замка, который начали сооружать.

Облик Витебска второй четверти XVII в. хорошо отразили три инвентаря города -- за 1638, 1639 и 1641 гг. Из них видно, что замок «Вышний» был сильно разрушен. Называются его

«великая Вышняябашта», стоявшая справа от входной брамы Великой, «башта Кругликовая», на которой находилось 4 большие и 5 меньших пушек, «форта», выводившая к речке Витьбе и мельнице, каменная стена, шедшая к «браме Великой». На территории замка стояло 52 дома, 34 из них принадлежали панам воеводства, остальные -- состоятельным мещанам, пушкарям, палачу, старцу Сорицкой волости и др. В цейхгаузах Верхнего замка в конце 30-х годов XVII в. хранилась военная амуниция. Из огнестрельного оружия называются «5 дел», не совсем исправных, 8 шмыговниц, 80 гаковниц, 5 гаков-ниц, «отданных ремесленикам для описи», 1 железный штурмак, 10 железных киев, 1 форма для отливки пушечных ядер и 8 форм гаковничных. Имелись также 50 каменных ядер, видимо, вышедших из употребления.

Нижний замок был «весь опавший». Инвентарь, составленный 7 сентября 1638 г. скарбовым королевским слугой Я. Быковским, отметил на речке Витьбе и ручье, омывавших кругом оба замка, два «опустевшие ставища и прорвы в греблях, которые при хорошем порядке были бы водой наполнены и залиты». В Нижний замок вели три въездные брамы -- Заручайская, Завитебная («Рынковая»), Задунайская. Со стороны Западной Двины имелась небольшая «форта Жидовская», которую направляла и строила еврейская община города. Все это после недавних пожаров отстраивалось и надстраивалось из дерева. Брама Заручайская, покрытая дранкою, имела перед собой новый подъемный мост.

Вторая брама -- Завитебная («Рынковая») также была «низко построенная», деревянная, с ненакрытой крышей. Она открывала дорогу к мосту через Витьбу и далее в Узгорский замок. Пряслом каменной стены башня соединялась с укреплениями Верхнего замка. В направлении Задунайской брамы шел участок каменных укреплений с каменной башней, на верху которой начали возводить деревянный ярус. Участок обороны между этой башней и Задунайской брамой представлял собой комбинацию двойного штакета и старой каменной стены. Такое же прясло отходило от брамы и шло по высокому склону Нижнего замка над «замковым ставом», упираясь еще в одну старую каменную башню. На ней также начали делать деревянную надстройку. От башни на протяжении 26 шагов шла каменная стена, затем прясло из деревянных избиц, накрытых драницами. Далее стояла каменная башня Нарожная. В момент составления инвентаря ее надстраивали из дерева и она стояла пока без помоста. Отсюда к Заручайской браме шла каменная стена, местами стояли деревянные «избицы», упиравшиеся в браму. От нее отходила каменная стена в 160 шагов, соединявшаяся с «фортой Жидовской», на которой также был деревянный надстроенный ярус. От «форты» подымался к Верхнему замку последний отрезок каменной стены более 40 шагов длины.

Таким образом, витебский Нижний замок представлял собой 7-башенный комплекс каменных оборонительных сооружений.

Незначительную информацию сообщают инвентари об Узгорском замке. В 1639 г. называются 8 домов, в которых жили пушкари: Федор Букара, Есип Антип, Богдан Любка, Бучал, Федор Хазрук, Иван Бык. Еще один пушкарь -- «Юрка» проживал в Слободском посаде в 1641 г.

Сейм Речи Посполитой в 1654 г., накануне русско-польской войны, принял особое решение относительно обороны Витебска, игравшего большую роль в обеспечении безопасности восточной границы Великого княжества Литовского. Согласно этому решению, все мещане, духовные и светские жители города, посольские мещане» и все жители воеводства в случае опасности должны были становиться на защиту города под угрозой потери всех владений и привилегий.

В середине августа 1654 г. войска воеводы В. Шереметьева подошли к Витебску. Вскоре сюда же прибыл отряд украинских казаков во главе с В. Золотаренко. В городе к тому времени заканчивались запоздалые приготовления к осадному положению. Поскольку нового леса привезти не успели, разбирались «хоромные строения» и спешно возводились башни и острог. В дело пошел «хоромный лес» от кальвинистского сбора, дома пастора, училища кальвинистов и богадельни, домов многих горожан.

Началась 14-недельная осада Витебска, в котором было «всяких чинов людей... тысячей з 10». В их числе мещане всех восьми сотен -- Вышнего города, Подвинской, Узгорской, Епископской («Владычной»); Задунайской, Зарецкой («Заречанской»), смешанной («Зарецкая и Верхнего города») и «Зарецкой Руси». Среди горожан было 42 пушкаря.

Осажденные отказались от пассивного сидения и делали «вылазки из города частые». Шереметьев доносил царю, что на его ратников «выходят пешие люди с рогатины и с топорки и бердыши». Атаки пехоты поддерживались мещанско-шляхетской кавалерией. Активно действовала городская артиллерия.

27 августа Шереметьеву было приказано «под Витебском промышлять подкопом и зажогом и зговором и разными военными промыслы, а приступать не велено, для того, чтоб в служилых людях истери не учинить». Осада перемежалась с попытками начать переговоры с витебчанами.

Осажденные в надежде на помощь затягивали время. Они выдвинули «пункты», на основании которых можно было вести речь о сдаче укреплений. Эти «пункты» Шереметьев отправил царю. Спустя некоторое время воевода доносил: «Витепские, государь, сидельцы про здачю города нам, холопам твоим, отказали, а приступать без твоего государева указу не смеем, а подкопщиков немецких и русских людей никого нету, а де зажегу у нас, холопей твоих, приготовлено щиты и возы с соломою из смоляными дровами, и бочки смоляные, и зажегу некоторыми меры не уметь, потому что в день и в ночь беспрестанные дожди». Из-за частых вылазок витеблян пешие стрельцы, драгуны и солдаты стояли «в шанцах... беспеременно в день и в ночь». Их подстраховывали казацкие сотни.

Было решено активизировать осаду. Сюда срочно направили «великую пищаль верховую -- Скворец» с 10 огненными, 10 нарядными ядрами и 16 гранатами, а также еще одну стенобитную пушку. Над городом приказали «промышлять всякими промыслы накрепко, из верхового норяду снарядами стрелять и город зажигать, а где обыскав худые места и на те места велено приступать».

В сентябре войско Шереметьева пыталось штурмом взять город, но витебчане «отсиделись и устояли».

В конце октября 1654 г. под Витебск были переброшены новые царские полки «иноземного строю». Общее число войск достигло 20 тыс.

В осажденном Витебске наступил голод, от которого «немало людей посполитых и черни умерло». Много народа «из замков, с парканов и города перешло в Московское войско и присягнуло». Осажденные испытывали острую нехватку пороха.

22 ноября ожесточенным штурмом город был взят.

После приведения побежденных к присяге провели перепись оставшегося населения. На 30 января 1655 г. в Витебске числилось в 8 сотнях 1336 мужчин-мещан и 144 шляхтича под командой ротмистра Ф. Сивицкого. Тогда же составили инвентарь Верхнего замка. Протяженность его укреплений достигала 353 саженей. Они включали в себя деревянные и каменные стены и 6 башен. Описание позволяет реконструировать первоначальный облик каменного Верхнего замка XIV в. Получается, что тогда он имел 8 башен, в том числе большие проезжие ворота со стороны Нижнего замка, «фортку» к Витьбе, ворота к Двине, 5 башен по периметру. О размерах некоторых из них сказано следующее: «башня четырех сажень» и «башня каменная 5 сажень». Поскольку эти укрепления в XIV в. обычно строились квадратными, следовательно, их размеры были около 7Х7 и 8,8Х8,8 м. Толщина стен замка у основания достигала 3 м. Поверхность внешнего склона вала была вымощена булыжником.

Опись 1655 г. уже не называет никаких остатков старого каменного Нижнего замка. Здесь стояло только 14 деревянных башен (Гуркова, Задунайская, Засельная, Гуркова малая, Княжная, Сапежонкова, Пресиль-ная, «бык», башня с подлазом. Взводная, Подлазная, ворота -- Витебские, Заручайские, «Жидовские»). Между ними находился «стоячий тынишко». Общая протяженность линии укреплений Нижнего замка достигала около 922 м.

При раскопках в 1983 г. открыта угловая каменная башня Нижнего замка на юго-восточной окраине города. Ее размеры--8,15Х7 м. Толщина стен -- до 1,7 м.

Протяженность укреплений Узгорского замка равнялась почти 1794 м, но все они были сделаны «на время», «из хором».

В период русско-польской войны в Узгорском замке сделали новый острог, уменьшив его периметр до 550 саженей и выкопав с севера ров. Всего в замке тогда имелось 9 башен, из них 3 были воротными.

Укрепления вдоль Витьбы до Западной Двины доделаны лишь в начале 1656 г. Тогда здесь поставили новый острог и 5 башен. Все они были «трех саженей... в 4 угла с обламы, а в башнях по 2 бои, верхней и нижней». Острог, рубленный в 2 бревна, достигал длины 254 сажени, высоты 3 с половиной сажени. Изнутри к острогу были прирублены и засыпаны землей террасы высотой в 5 венцов, над ними -- «полати на стрелбу», а по острогу положены «катки».

Один из документов того времени сообщает о наличии в линии укреплений над Витьбой «Малеваных варот», ранее не упоминавшихся нигде. Это сооружение располагалось недалеко от Угольной башни, где Витьба поворачивала почти под прямым углом к Двине. Что это были за ворота, каковы их размеры -- судить трудно. Одно лишь с уверенностью можно сказать, что они открывали путь к ратуше в Узгорский замок и гостиному двору в Нижнем замке. Вероятнее всего, мост через Витьбу упирался прямо в них. Судя по названию, очевидно, это была самая красивая брама города -- с традиционными образами над входом и выходом из нее, по особому украшенная и, может быть, расписанная красками.

Небезынтересно, что часть витебских укреплений тогда возвели из разобранных башен и стен Суражского замка, сплавленных по Двине. Кроме того, сюда же доставили из Озерища две большие пушки. Летом 1655 г. кроме них в Витебске числилось еще 16 медных полуторных и полковых пушек, 77 затинных пищалей, 12 шмаковниц, большой запас артиллерийской «казны».

Система обороны Витебских замков в то время включала в себя и группу прудов -- замковый, устроенный у подножия Нижнего замка на Замковом ручье, а также монастырский и мещанский пруды на Витьбе. Зимой на них в целях безопасности скалывался лед. Один из мостов через Витьбу ограждался рубленой оборонительной стеной длиною в 21 сажень с четвертью, высотой до облам сажень с половиной.

Инвентарь витебских укреплений, составленный в 1665--1666 гг., отразил значительные качественные изменения. Многие башни и прясла стен были сделаны заново. На них разместили большинство пищалей затинных и пушек.

В Верхнем замке были срублены новые проезжие ворота -- «Темные», прямоугольные в плане, размером 11Х8,9 м. Они имели стены, сделанные в одно бревно, 3 пушечных и мушкетных боя. Завершалась брама шатровой тесовой крышей с трапилом -- караульней наверху. Под крышей размещались обламы.

«Шереметьев круглик» был 8-гранной четырехъярусной башней, увенчанной 6-гранным трапилом.

На участке обороны вдоль Витьбы размещалась малая деревянная башенка, поставленная на старом каменном «бычке». Размер того и другого сооружения в основании 4,6Х7,5 м. Тесовая крыша на башенке была шатровой. Имелось трапило и вестовой колокол весом 9 пудов 30 фунтов.

Далее стояли «фортка» к Витьбе шириной около 1,5 м, башни «Танкова» с тремя боями, размером в основании около 6,4Х6,4 м и угловая 8-гранная Подвинская башня («Боборыкин круглик») с тремя мостами и 4 боями. Высота от земли до облам достигала 12,8 м. На шатровой тесовой крыше возвышалось трапило.

От Подвинской башни линия стен поворачивала на запад и шла вдоль Двины. Здесь находилась двухъярусная Храповицкая башня с квадратным основанием 7,5Х7,5 м. Далее стояла старая каменная башня («палата каменная») размером 10,7Х10,7 м.

Башни соединялись каменными стенами, местами с деревянными городнями-тарасами, нарубленными сверху. Имелись участки чисто деревянных укреплений. На галерею верхнего боя попадали через «ганок» с лестницей.

Стены старого каменного замка с напольной стороны достигали высоты 3 с половиной сажени, т. е. около 7,5 м. Со стороны менее опасной, от Двины, высота стены до зубцов равнялась 2 саженям с четвертью, т. е. около 4,5 м.

Общая длина укреплений Верхнего замка измерялась 392 саженями без четверти, т. е. около 665 м. По башням стояли 4 полуторные пушки, 2 шмаковницы, 12 затинных пищалей. Местами на стенах лежали бревна («катки»).

Инвентарь отмечал, что. в осадное время в Верхнем замке «емлют воду в калитку-фортку из Видбы реки».

Совершенно заново к 1656 г. был отстроен Нижний замок. Здесь имелось трое ворот («Жидовские большие ворота», «Заручайские большие проезжие ворота», «Витебские проезжие большие ворота»), одна «Задунайская фортка» и 9 глухих башен. Все они были 4-угольные в плане. Исключение составили башни-круглики -- Мещанский и Духовской,

рубленные в 8 стен. Почти все башни имели по 3 яруса боя. На 5 башнях размещались караульни-трапила, на двух по краю крыши были помосты с перилами для наблюдателей. Под башней Напрудной находился тайник с водой. Лишь однажды инвентарь упоминает остатки стен древней каменной башни, на которых, как на фундаменте, возвели башню Швыйковскую. Городни имели 2 яруса боя. Городни срубили толщиной в 2 бревна. На боевую галерею с двухскатной крышей попадали по деревянным лестницам. К башням примыкали «ганки» для взволакивания пушек. С приступных сторон перед башнями и стенами размещались дополнительные преграды в виде рогаток и частика, косого острога, надолбов, решеток, тына или палисада.

Нижний замок защищался 18 пушками и 51 затинной пищалью. Общая протяженность укреплений Нижнего замка достигала 599,5 сажени.

В систему обороны Узгорского замка входила деревянная мельница, стоявшая на Витьбе и соединенная пряслами стен с Верхним замком и Подвинской воротной башней. Мельница имела 2 «мосты» и 2 яруса боя. На склоне Лысой (Пречистенской) горы находились Подвинские ворота с тремя «мостами» и тремя боями, 4-угольные в плане (7,5X7,5) с шатровым завершением и брусяным трапилом.

Далее стояли Пречистенский «бычок», Пречистенская башня с тремя боями. Роговая башня с четырьмя боями и трапилом, башня средняяи Суражские ворота. В воротах, размером в основании 10,5X10,5 м, было 3 «моста» и 3 яруса боя, брусяное трапило. Затем в направлении Витьбы и вдоль ее размещалось 5 башен и еще одни ворота -- Кстовские. Линия укреплений подходила к монастырской мельнице, которая также была, как и мост через Витьбу, приспособлена к обороне. Таким образом, в Узгорском замке имелось 13 башен.

Документы за 1664--1665 гг. ничего не говорят о «Малеваной браме», а также о башнях и стенах, стоявших вдоль Витьбы в 1654 г. Не исключено, что их разобрали, считая достаточно надежной защитой высокий берег реки, мельничные запруды и стоявший на противоположном берегу Витьбы комплекс фортификаций Верхнего и Нижнего замков.

С востока Узгорский замок имел широкий (до 8,4 м) и глубокий (до 4,0 м) ров с дополнительно поставленными рогатками, тыном и частиком. Длина рва достигала 169 саженей.

С остальных трех сторон замок защищали воды Двины и Витьбы. От Витьбы, как отмечает инвентарь, «...летом приступу в том месте за водою быть нельзя, а зимнею порою ставят на том месте рогатки и лед скалывают». Видимо, это же делалось и на Двине. Защищали Узгорский замок 13 пушек разного калибра и 68 затинных пищалей, расставленных по периметру укреплений протяженностью более 1800 м.

В целом инвентарь 1664--1665 гг. зафиксировал самые разнообразные типы существовавших тогда деревянных оборонительных сооружений, разнообразных башен, имевших суровый и впечатляющий вид. Большинство из 33 башен Витебска заканчивались дозорными трапилами, нередко увенчанными флюгерами -- «ветренниками».

В 1667 г. Витебск был возвращен Речи Посполитой. В составленном по этому поводу инвентаре говорится о 28 башнях, четырех «бычках» и двух калитках-фортках. Видимо, тогда же город был уравнен в правах со столицей Великого княжества Литовского -- Вильно.

Судя по сведениям стольника Петра I М. Цызырева за декабрь 1701 г. и чертежу, сделанному им «тайным обычаем», можно предполагать, что Витебские укрепления были в то время еще в довольно хорошем состоянии.

28 сентября 1708 г. во время Северной войны их сожгли вместе с городской застройкой войска Петра I.

В 1719 г. городские укрепления еще не были восстановлены. На территорию Верхнего замка вступали, проходя «то место, где брама бывала». Далее есть сведения, что 2 августа 1752 г. в городе случился пожар, в результате «выгорел замок от костела ксензов Доминиканов, Благовещение, плебания, иезуиты, много домов». В 1757 г.-- снова бедствия: 12 мая сгорела большая половина замка, 3 церкви и 2 костела, а 6 июня -- остаток замка. Более укрепления Витебска, видимо, не восстанавливались.

МСТИСЛАВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Город Мстиславль основан в 1135 г. смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем на высоком правом берегу реки Вихры (правый приток Сожа). Поселение, удаленное от реки на 1 км, заняло вершину естественного округлого холма размером 140Х130 м. От близлежащего плато город отделяли широкие и глубокие рвы. Превосходная природная защищенность дополнялась искусственными укреплениями -- кольцевыми земляными валами с деревянными навальными конструкциями.

С 1180 г. Мстиславль -- столица удельного княжества, которая в XIII--XIV вв. превратилась в главный город Белорусского Посожья. Под защитой укреплений быстро развивался торгово-ремесленный посад. Западную его часть, прилегавшую к оборонительному рву, заселяли кузнецы («кричники»).

Около 1358 г. город был включен в состав Великого княжества Литовского, оставаясь центром Мстиславского княжества, которым владел сын Ольгерда князь Коригайло. В княжество входили Кричев, Могилев, Княжичи, Тетерин, Дроков и Мглин с поветом. Но Коригайло вскоре погиб, и Мстиславль достался брату Витовта -- Лингвеню (Лугвеню) - Симеону, женатому на дочери Дмитрия Донского. Когда Лугвень уехал в Краков на свадьбу Ягайло, смоленский князь Святослав Иванович сделал попытку захватить Мстиславль. Однако он был сильно укреплен и легко выдержал осаду, которая велась 11 дней. Жители города, стоя на деревянных стенах, поражали противника из луков, арбалетов, камнями и бревнами.

Подоспевший с войском Лугвень разбил смоленского князя на берегах Вихры, преследовал ретировавшиеся отряды и захватил в Дуброве сына Святослава Ивановича -- Юрия.

Порубежный Мстиславль был важным стратегическим пунктом, поэтому великие князья литовские и короли польские, дорожа им, старались вести гибкую политику в отношении местных князей, бояр, населения городов и сел княжества. Не случайно Лугвень и его сын Юрий долгое время были наместниками в Новгороде Великом, получая от этой должности

громадные доходы. Нужен был Лугвень Великому княжеству Литовскому и как опытный военачальник. Именно ему было поручено командование группой войск, куда входили Мстиславский, смоленский и витебский полки, выдержавшие натиск крестоносцев в критическую минуту Грюнвальдского сражения. Стойкость мстиславцев на поле Грюнвальда -- весьма весомый вклад в общую победу над крестоносцами в 1410 г.

Сын Лугвеня Юрий в период междоусобной войны Свидригайло с Сигизмундом поддерживал первого. В 1432 г. Свидригайло искал спасения за укреплениями Мстиславского замка. Сигизмунд, пройдя с войском всю Белоруссию, вернул под свою власть все города, поддержавшие его противника.

Только мстиславцы отсиделись в своем замке и не поддались Сигизмунду. Простояв здесь безуспешно 3 недели, он повернул обратно. Однако позже Юрий Мстиславский еще дважды бунтовал и дважды прощался, а в 1448 г. даже имел «кормление» в Новгороде Великом.

Мощный, хорошо укрепленный Мстиславский замок полной мерой испытал на себе всю тяжесть ожесточенной борьбы, развернувшейся в конце XV-- XVI вв. между Русским государством и Великим княжеством Литовским. В 1500 г. околицы Мстиславля были сожжены отрядом русских воевод. 14 октября 1502 г. князь И. И. Мстиславский бил челом великому князю Александру «штож тот замок его Мстиславль скажен...». Не прошло и месяца, как несколько русских воевод во главе с князем С. И. Можайским пришли «со многими людми Литовския земли воевати. И прийдоша воеводы ко Мстиславлю ко граду». Из замка вышло войско местного державцы князя Михаилы Ижеславского и воеводы Остафия Дашковича «з двором великого князя, заставою и з желныри». Сошедшиеся полки начали жестокую битву, в которой, по словам летописи, только «Литвы иссекоша тысящ с седмь.., а князь Михаиле едва утече во град.» Воеводы не смогли взять замка. Постояв «у града, землю учинили пусту и возвратишася к Москве со многим пленом».

Поход повторился осенью 1508 г. О его результатах летопись не сообщает.

В начале августа 1514 г. князья М. Д. Щенятев, И. М. Воротынский и иные воеводы, князья и бояре смоленские «со многими людьми» вновь осадили Мстиславль. На этот раз Мстиславский князь Михаил присягнул русскому великому князю -- «крест целовал».

Это был тактический ход, предпринятый с целью не допустить очередного разорения города. После известной битвы 1514 г. под Оршей, закончившейся поражением русских войск, Мстиславский князь «крестное целование преступиша, отступиша к королю».

Документы фиксируют усиление обороны Мстиславского замка в первой половине XVI в. огнестрельным оружием, а также размещением здесь солдат -- «драбов».

Для выполнения работ в городе господарь распорядился в 1529 г. привлечь людей из других мест: Могилева, Кричева, Олучиц, Чечерска, Пропойска. Всего они должны были срубить 20 городней. Все остальное предстояло сделать мстиславцам.

Поскольку военные действия в 1534 г. продолжались до осени, в Мстиславле на зиму разместились 600 конников и 300 драбов. Вместе с отрядом вооруженных мещан и селян они представляли внушительную силу. Во всяком случае, когда в ноябре 1535 г. войско 11 царских воевод пришло «с пушками и пищалями... Мстиславля добывати», они столкнулись с упорнейшим сопротивлением. Осада при артиллерийском обстреле продолжалась «через немалый час, з великим штурмом». Однако войска воевод «ничего вчинити ему (замку -- М. Т.) не могли и за тым добыванием жадного звытяжства не одержали, одно вежу над вороты и неколко городен з дел збили».

Разрушенное востановили довольно скоро.

В связи с тем, что в ходе осады был убит пушкарь, ведавший артиллерией, господарь распорядился «обыскати и змовити четырех, а если найдутся, то и более пушкарей и немедля отправить в Мстиславль».

В замке был колодец, содержавшийся в хорошем состоянии. Для его ремонта регулярно присылались специальные мастера из Могилева. И он не раз выручал в тяжелые времена осад.

Из документов той поры почти ничего не сохранилось. В частности, не уцелел архив Мстиславского магистрата. Уцелели лишь два инвентаря за 1604 и 1614 гг. Поэтому сведения довольно скупы. Известно, что из Виленского пушкарского двора, открытого в 1540 г., кроме ручного огнестрельного оружия централизованным порядком на пограничные земли, в том числе и в Мстиславль, отправлялись пушки. Так, в 1555 и 1563 гг. сюда были отправлены два средних фальконета. Эти орудия могли стрелять ядрами до 12 фунтов.

В замке имелись ручницы губчастые и гаковницы. В 1569 г., после образования Мстиславского воеводства, вопросами обороны стали ведать каштелян и воевода.

Во время Ливонской войны Мстиславль осаждался трижды. В конце марта 1563 г. Иван IV «велел Шигалею -- царю отпустити из Смоленска царевича Ибака да царевича Болшого да Ивана Михайловича Воронцова и иных воевод многих со многими людми и с татары и с Мордвою. Они пришли в Литовскую землю на Святой неделе безвестно и воевали Оршу и Дубровну и Мстиславль...».

В январе 1564 г. князья В. С. и П. С. Серебряные-Оболенские «в Литовской земле войну распустили» и до 9 февраля осаждали поочередно 10 городов, в том числе и Мстиславль.

Спустя некоторое время к Мстиславлю, Кричеву, Радомле, Могилеву водил войска князь В. А. Бутурлин «з детми боярскими и с Татары служилыми и с Казанскими с горными, и с Чебоксарскими, и с Остраханскими, и с Нагайскими и с Городецкими, и с Мордвою...»

Все эти осады Мстиславль выдержал и не был взят.

Тридцать с небольшим лет длился для Мстиславля мирный период. За это время его укрепления были приведены в порядок.

В начале XVII в. в замке имелось 10 пушек и 150 единиц ручного огнестрельного оружия. Причем, серпентины стреляли ядрами до 5 фунтов и относились к навальной артиллерии. «Делы великие» стреляли ядрами и картечными зарядами весом до 36 фунтов. Позднее здесь была еще одна пищаль полуторная, стрелявшая картечью. Имелся запас олова, свинца, ядер, серы и пороха.

В начавшейся в 1614 г. русско-польской войне Мстиславль, кажется, впервые не подвергался осаде, хотя играл определенную роль в общей военно-стратегической ситуации.

Но уже следующая война его не обминула. Дважды у города -- в январе и декабре 1633 г.-- появлялись отряды воеводы Богдана Нагого. Документы 1633 г. впервые упоминают внешние укрепления города -- «острог». Описания его, к сожалению, не сохранились.

В ходе войны 1648--1651 гг. укрепления Мстиславля опасности не подвергались. В это время наблюдался дальнейший рост и развитие города, получившего в 1634 г. магдебургский привилей.

Мстиславль был столицей воеводства. В XVI-- XVII вв. он стал торговым центром, имевшим связи как с городами Русского государства и Великого княжества Литовского, так и с городами Центральной и Западной Европы. Совершенствовалась линия его укреплений. Он был обведен на большом расстоянии высоким земляным валом, на котором стояли как рубленые городни, так и регулярно обновлявшийся двойной дубовый «баркан». Из острога через четыре брамы -- Троицкую, Афанасьевскую, Спасскую и Подольную можно было попасть на «шляхи», которые вели к Смоленску, Могигилеву, Дубровне, Орше, Витебску и Кричеву.

О числе башен Мстиславского замка сведения не сохранились. Можно допустить, что кроме въездной воротной существовало еще как минимум 10 башен.

На подступах к замку, на перекрестках главных улиц, стояли каменные здания, в том числе кляшторы и монастыри.

Играли свою роль и естественные громадные рвы, окружавшие город.

Наибольшие испытания за всю средневековую историю выпали на долю Мстиславля во время русско-поль-кой войны середины XVII в. На город, закрывавший собой район Поднепровья с его многочисленными замками, была двинута крупная военная группировка в составе войск князей А. Н. Трубецкого, Г. С. Куракина, Ю. А. Долгорукого, С. Р. Пожарского. Только под командованием Трубецкого находилось 18,2 тыс. человек. 18 июля войско «з великою потугою арматно... облегши около все место и замок, чынечи штурмы», начало их «добывать». Взять город оказалось делом непростым. Сюда, спасаясь от войны,

сбежалось множество жителей Мстиславского воеводства: шляхта с семьями и слугами, крестьяне, мещане мелких городов и местечек. Все они стали на оборону укреплений.

Судя по всему, острог недолго выдерживал осаду войск, имевших достаточно артиллерии, и пал, взятый приступом. Теперь события сконцентрировались вокруг замка, куда успела перебраться значительная часть защитников города. По свидетельству очевидцев, у осажденных было мало боеприпасов, поэтому, даже предпринимая отчаянные вылазки, они лишь отдаляли неизбежную развязку событий. Она наступила после многократных штурмов 22 июля. Город пал. Оставшиеся в живых мещане присягнули царю. После этого Мстиславль еще дважды -- в 1658 и 1660 гг.-- осаждался царскими воеводами. Он совершенно обезлюдел. Лишь через 15 лет город пришел в то состояние, когда руки его жителей смогли взяться за возобновление укреплений. В 1676 г. сейм Речи Посполитой поддержал предложение послов Мстиславского воеводства о восстановлении замка, постановив выделить для этих целей артиллерию, порох и прочее снаряжение.

В годы Северной войны, в августе 1708 г., Петр I, отступая со своим войском в сторону Кричева, приказал взорвать в Мстиславле «укрепления фортеции дабы не оставлять неприятелю».

Тем не менее, пограничный замок позднее был все же вновь восстановлен и существовал до 1772 г. Ныне на Замковой горе ведутся археологические исследования.

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАМКИ И ГОРОДА

Белоруссия с ее развитыми торговыми городами, богатыми пущами и лесами всегда манила к себе различных завоевателей. Она многократно становилась ареной опустошительных военных действий. Все это не могло не сказаться на характере зодчества, которое стало приобретать ярко выраженные оборонительные черты, причем не только в чисто военном, но также в гражданском и культовом строительстве. Безусловно, на интенсификацию военно-оборонительного строительства влияла и атмосфера острой социальной и междоусобной феодальной борьбы, в которой никому -- ни магнатам, ни шляхте, ни подвластному населению -- не гарантировалась личная безопасность.

В то же время возросшее экономическое могущество крупных местных магнатов, которые владели староствами с богатыми городами и местечками, громадными латифундиями с десятками тысяч крепостных крестьян, давало им возможность строить собственные замки и дворцы. Боясь справедливого гнева подневольных, феодалы ставили свои замки (усадьбы) поодаль от населенных пунктов, искали надежной защиты за реками и искусственными прудами, греблями и подъемными мостами. Но феодальные замки той поры постепенно утрачивали аскетические черты чисто оборонительных сооружений.

Начиная со второй половины XV в. в замковом зодчестве определились две характерные тенденции. Первая свидетельствовала о дальнейшем развитии местных строительных традиций (замки в Мире, Гераненах, Любче и др.) с использованием собственной интерпретации достижений европейской фортификации. Вторая же тенденция отражала

стремление к следованию образцам европейского замкового строительства (замки в Заславле, Несвиже, Ляховичах и др.), которые преломлялись через призму давних традиций местного монументального зодчества.

В XVI--XVIII в. в Белоруссии было немало городов, находившихся в частном владении.

В большинстве своем они имели развернутую систему фортификации. Укрепления сооружались зачастую по личной инициативе магнатов, которые в укрепленных центрах видели надежную защиту политической, военной и экономической власти своих родов. Одновременно эти цитадели защищали магнатов и их города от неприятельских войск, от нападений отрядов враждебных соседей и от антифеодальных выступлений народных масс.

Как правило, подобные города имели целый комплекс оборонительных сооружений. Магнаты постоянно модернизировали их применительно к новейшим требованиям военной науки, стратегии и тактики обороны, рассчитанной на длительную осаду и на огонь тогдашней артиллерии. Введение норм магдебургского права придало старой организации городского ополчения стройность, мобильность, детализировав права и обязанности мещан в вопросах обороны. В этом плане интересы магнатов и мещан совпадали.

В таких городах в отличие от большинства королевских уже с середины XVI в. начали практиковать строительство бастионных укреплений, применяявсе известные тогда в Европе системы фортификации. Укрепления были самыми разными, исходя из финансовых возможностей феодалов. Однако, укрепляяи защищая собственные резиденции и города, магнаты ставили мещан в зависимость от своей политики в вопросах обороны, практически держа в своих руках механизмы руководства городским ополчением. Благодаря этому они могли сдерживать и даже подавлять антифеодальные выступления, нейтрализовать те силы, которые могли быть объективным союзником восставших крестьян.

Наибольшей мощью тогда отличались центры латифундий крупнейших белорусских магнатов -- Радзивиллов, Сапегов, Ильиничей, Глебовичей и др. В целом система укрепленных владельческих городов служила основательным и прочным каркасом всей обороны Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, что не раз подтверждалось в ходе войн XVI--XVIII вв.

МИРСКИЙ ЗАМОК

Замок в местечке Мир Гродненской области возведен на правом берегу речушки Мирянки. В плане он напоминает несколько перекошенный четырехугольник. На каждом углу, выступая за периметр стен, возвышается мощная башня. Пятая -- въездная -- брама размещена в центре западной стены, обращенной к городу. В глубине двора стоит трехэтажный дворец, пристроенный к северной и восточной стенам замка.

Мирский замок строился в 1506--1510 гг. на месте ранее стоявшего здесь господарского двора феодально зависимым населением Мирщины, а также других владений брестского старосты, надворного маршалка Великого княжества Литовского, князя Юрия Ильинича. Для возведения замка были построены кирпичные заводы («цагельни») в деревнях Пропаши и Бирбаши. Известь доставлялась из Сверженя, что около Столбцов. В одно место свозили сотни кубометров полевого камня, обтесывали его, сортировали по размеру и цвету все те же крестьянские руки.

Роду Ильиничей Мирский замок принадлежал до 1568 г. От него перешел к Радзивиллам несвижской линии. С конца XVIII в. был у графов и князей Гогенлоэ, Берленбургов, Витгенштейнов, а со второй половины XIX в. и до 1939 г.-- у князей Святополк-Мирских.

Замок сильно пострадал в 1655 г. во время русско-польской войны. Во время Северной войны (1705 г.) его штурмовали и сожгли шведы. В 1794 г. во время подавления восстания Т. Костюшко замок взяли штурмом царские войска. Под его стенами 9--14 июля 1812 г. происходили жестокие сражения между арьергардом 2-й русской армии Багратиона -- кавалерией генерала Платова и французской кавалерией маршала Даву. Во время боев были разрушены и сожжены дворец, одна башня, повреждены внешние бастионные укрепления. Повторно новое сражение под стенами замка произошло 10--11 ноября 1812 г. между армией адмирала Чичагова и французами.

Только в 1870 г. на четырех башнях (кроме взорванной северо-восточной) соорудили шатровые крыши. Позднее был восстановлен дворец. В конце XIX в. на юг от замка выкопали большой пруд, срыв с этой стороны бастионные укрепления.

Комплекс Мирского замка и сегодня удивляет своей архитектурной гармонией, слитностью с природой, рационализмом и продуманностью всех оборонных сооружений, простотой и лаконизмом форм.

Все башни замка сделаны одинаково: 4-гранная основа и 8-гранный сужающийся верх. Архитектурная обработка их фасадов основывается на чередовании различных по форме и размерам декоративных ниш, тяг и орнаментальных поясов. Такой прием был широко распространен как в гражданском, так и в культовом белорусском зодчестве XVI в.

По всему периметру стен на высоте около 8 м от земли проходит орнаментальный пояс шириной около 70 см из шести рядов кирпичной кладки. Верхний и нижний ряды -- кирпичи, положенные на угол в виде традиционного поребрика. Между ними проходит полоса заглубленной кладки. Побеленный известью, этот пояс выразительно читался на красном фоне кирпичной стены, как и другой орнаментальный пояс, который шел по самому ее верху.

Все башни Мирского замка конструктивно и стилистически близки между собой и одновременно каждая из них имеет свое индивидуальное архитектурное обличье. Художественное совершенство фасада замка особенно подчеркивается продуманностью и слитностью орнаментальных поясов башен. Их, в свою очередь, органически продолжают идентичные по рисунку и технике исполнения пояса на пряслах стен и полуциркульные ниши. Благодаря этому все элементы замка связываются в целостную архитектурную композицию, а их нарядность и величественность как бы отодвигают мощь стен на второй план, создавая законченный образ неповторимого сооружения, не имеющего аналогий на близлежащих землях Прибалтики, Польши и России.

Башни поставлены с таким расчетом, чтобы удобно было вести фланговый огонь вдоль прясел стен и поражать цель на подступах к ним. Большинство бойниц предназначалось для стрельбы из пушек. Все башни спланированы как самостоятельные узлы обороны: на случай прорыва противника внутрь двора и штурма извне из них можно было вести круговой обстрел. Каждая башня имела по 5 ярусов боев с большим количеством бойниц и сложную систему внутренних переходов. Завершались башни бойницами -- машикулями, позволявшими защищать непосредственные подступы к стенам.

Через них могли сбрасывать на врага камни, гранаты, лить кипяток либо смолу.

Из всех угловых башен XVI в. почти полностью сохранилась юго-западная, которая позволяет изучить систему планировки и организацию боя со всех этажей. В основании ее лежит несколько перекошенный квадрат размером 10Х10 м. Высота башни 23 м. Мощное сооружение покоится на не менее мощном фундаменте с глубиной заложения 4 м. Сложен он из громадных валунов длиной до 1,5 м, хорошо подогнанных друг к другу, связанных известковым раствором.

Внутри башня делилась на пять ярусов, а в цоколь помещался подвал для хранения военной амуниции. На первом этаже размещалось 7 пушечных бойниц, которые фланкировали огнем замковые ворота, западную и южную стены и вели фронтальный огонь. На второй этаж вела узкая и крутая каменная лестница. Здесь размещалось 6 пушек. В XX в. некоторые бойницы растесали и сделали большие окна.

Перекрытие второго этажа сводчатое, а остальных трех -- по балкам. На верхних этажах имелись бойницы, рассчитанные на огонь как из пушек, так и из ручного огнестрельного оружия.

На уровне четвертого этажа стены башни переходят в «восьмерик». На самом верху башенной стены местами сохранились полузаложенные кирпичом «варовые окна».

Остальные башни отличаются от юго-западной размерами оснований, объемом помещений и некоторыми деталями. Внутренней же планировкой, объемно-пространственным решением, назначением помещений и насыщенностью огневыми средствами все они очень схожи между собой.

Из всех башен Мирского замка главная -- въездная -- по своим формам, мягкости пластики и орнаментации фасадов наиболее интересная, яркая и совершенная. Шестиярусное сооружение властно вознеслось на 25-метровую высоту, покоясь на надежном фундаменте (12Х12 м). Мощная башня-исполин украшена орнаментальными поясами и декоративными нишами разного размера и формы, аккумулирующими в себе традиционные приемы и средства орнаментации местного каменного зодчества. Здесь и древнеславянский поребрик, и аркатурные фризы (подзоры), и рожденные пытливым разумом здешних «дойлидов» круглые, трехчастные с висящими гирьками, полуциркульные, стрельчатые, прямоугольные и другие ниши.

Толщу первого этажа башни прорезает единственный в замке проезд с двумя дубовыми воротами (одни при въезде, а другие при выезде). Полотнища воротных створок запирались толстыми дубовыми брусьями, для которых были сделаны в боковых стенах специальные гнезда (30Х30 см). Кроме того, створ ворот дополнительно защищался специальной решеткой (герсой) из кованых и заостренных снизу железных полос. Она опускалась со второго этажа через специальный проем размером 2,8Х0,4 м. В случае опасности, прежде

чем стража успевала закрыть ворота, герса с молниеносной быстротой падала сверху, отсекая вход в замок.

Внизу воротной башни размещалась тюрьма -- подвал, также охранявшаяся стражей. Слева от ворот, на западной стене, находились бойницы навесного боя (машикули).

Согласно инвентарю замка 1688 г., в воротной башне находились 3 железные пушки. В XVIII и XIX вв. на втором этаже размещалась каплица, а на стене, обращенной в сторону замкового двора, были часы.

Снизу начиналась и шла в толще стены каменная лестница. Она доходила до четвертого этажа, открывая также выход на каждый ярус боя.

Второй и третий этажи со сводчатыми перекрытиями имели соответственно 6 и 7 бойниц для стрельбы из мушкетов и пушек. Остальные этажи своей планировкой схожи между собой: имели перекрытия по балкам и по 8 пушечных бойниц. Завершалась башня поясом «варовых окон», которые существовали до перестройки и ремонта башни во второй половине XIX в.

Придавая важное значение обороне единственного входа в замок и учитывая возрастающую силу артиллерии, владельцы замка через некоторое время решили дополнительно укрепить защиту ворот. Для этого к центральной башне пристроили подковообразную стенку «предбрамья» (барбакана) толщиной в 1,25 м. По центру ее прорезал еще один воротный проем на два полотнища, также запиравшиеся деревянным брусом («завалом»). Верх стены заканчивался зубцами и бойницами. Следовательно, здесь также имелась боевая галерея -- помост для стрелков.

Внутри барбакана выкопали 2-метровой глубины котлован, который закрывался специальным подъемным мостом. Он имел лопатообразную форму длиной около 9,75 м и Шириной 9,5 м. Опускаясь, мост ложился на специальный опорный выступ в фундаменте барбакана, играя роль настила для проезда в замок.

Снизу мост был окован железными полосами и шипами. Будучи поднятым, он целиком закрывал главный воротный въезд.

Размеры моста позволяют предположить, что высота стены «предбрамья» составляла не менее 10 м. Барбакан существовал до конца XIX в.

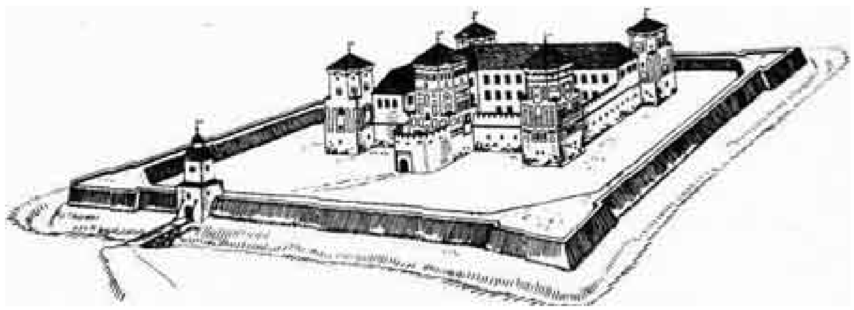
Огневая мощь башен Мирского замка и его стен органически сочетались. Характерно, что стены имели три яруса боя. Нижние зоны всех четырех стен прорезали пушечные бойницы подошвенного боя в виде просторных камер -- печур. Этот ярус огня был очень мощный: в северной стене имелось 9 бойниц, в восточной -- 9, в южной -- 8 и в западной -- 5.

Средний ярус боя шел в середине стен, приблизительно на высоте 8 м от земли. Он имел вид коридора-галереи высотой чуть более 2 м с полуциркульным сводом. В обеих стенках галереи были многочисленные ружейные бойницы, позволявшие вести огонь не только наружу, но и внутрь замкового двора. Верхний ярус -- боевая площадка, размещенная на самом верху стены. Ее прикрывали парапеты с бойницами.

В начале XVII в. важнейшими дополнительными элементами обороны Мирского замка стали бастионные укрепления, насыпанные из глины, крупного песка и земли. Это

сооружение, имевшее вид мощного четырехугольника размером 170Х150 м, стало как бы первой линией обороны.

Строительство замка осуществлялось в несколько этапов. В первом десятилетии XVI в. были сооружены стены и башни, а юго-западный участок двора заняли кирпичным одноэтажным жилым зданием. Второй этап приходился на 20--30-е годы XVI в., когда к южной и восточной стенам пристроили одноэтажный корпус с обширным подвалом. Новое здание заняло значительную территорию замкового двора.

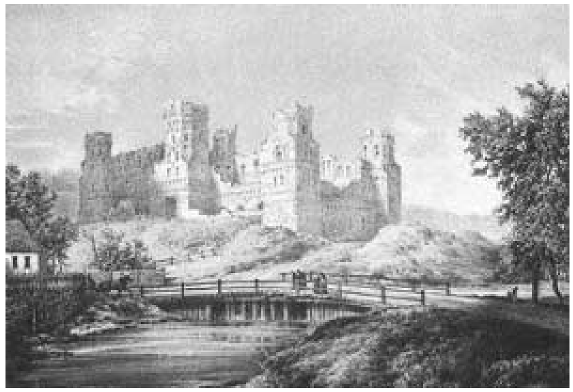
На третьем строительном этапе (вторая половина

XVI в.-- первая половина XVII в.) над одноэтажным корпусом возвели еще два этажа. Внешними стенами дворца стали замковые стены -- северная и восточная. В них замуровали часть бойниц, а на уровне второго и третьего этажей сделали большие оконные проемы. Внутри здание также подверглось реконструкции.

По уточненным данным, в конце XVI -- начале

XVII в., судя по всему, также соорудили подковообразную стену «предбрамья».

Представить себе Мирский замок того времени дают возможность инвентари. Согласно сведениям одного из них за 1688 г., на подзамче, окруженном валом, располагались разнообразные хозяйственные постройки -- «стайня с возовней и обозней, все крытое гонтом», а также «небольшой огородик». Возле ворот стояла сторожка («кордыгарда»), где имелись печь «из белой кафли, выведенная вверх, 3 лавки, 1 стол и 1 стеклянное окно». В замке находились княжеская конюшня с заготовленным впрок сеном и овсом, винокурня, баня, хозяйственные подвалы. Высокое крыльцо «с усходками и перилами малеванными» открывало дорогу в многочисленные покои и залы дворца. Там все сверкало чистотой и богатством, на которое с удивлением смотрело солнце, заглядывавшее сюда через цветные стекла окон, вправленных в оловянные и деревянные рамы удивительной работы: на паркетный пол, высокие печи, сложенные из многоцветной кафли, кованую медь висящих подсвечников, знаменитые карелицкие ковры -- «шпалеры», дорогое оружие на стенах.

Мирский замок XVII--XVIII вв.-- это уже роскошный дворцово-замковый комплекс, где удивительно удачно сочетались черты военно-фортификационного сооружения и мягкость, пышность и величественность дворцовой постройки.

История замка тесно связана с историей самого поселения Мир. По некоторым сведениям, оно впервые упоминается в 1395 г., когда крестоносцы во главе с гроссмейстером Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингемом, не взяв Новогрудка, напали на Лиду и Мир и опустошили их. В 1434 г. великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович подарил Мир боярину Сеньку Гедыгольдовичу, от которого он перешел в 1490 г. к роду князей Ильиничей, уроженцев Могилевщины.

В XVI в. городские укрепления уже радзивилловского Мира имели вид земляного вала с деревянным «парканом» и четырьмя деревянными въездными брамами, позднее замененными каменными. Один из местных каменщиков -- «муляр Мартин Заборовский» в 1594 г. «оправлял муром» укрепления Мира. Городские брамы, открывавшие из города выезд в четыре стороны, имели собственные названия: Виленская, Меновая, Замковая и Слонимская. Последняяиногда в документах XVII в. называется еще «брама Аюцевичская». Перед валом шел сухой оборонительный ров. В каждой воротной башне имелся подъемный мост.

В конце августа -- начале сентября 1655 г. город Мир был взят войском царского воеводы А. Н. Трубецкого и украинского полковника Ивана Золотаренко. Повторно город пострадал в конце 1655 г., когда его осаждали шведы.

В городе имелось ополчение мещан, разделенное на десятки и сотни.

На вооружении у них в 60--80-х годах XVII в. были гаковницы «в простой осаде», мушкеты, фитильные осаженные самопалы, пики, бердыши, булавы, «оббитые железом», и пушки.

Всеми работами по ремонту и досмотру городских укреплений руководил местный городничий. В 80-е годы XVII в., после разрушительной русско-польской войны, в Мире работало две бригады строителей, имена которых известны. Это плотники -- «мастер теслярский Гарута, тесли Миколай, Юрка, Чурский, Лаврын Степура, Дударчик, а также каменщики -- муляры -- старший мастер Мартин, мастера Хабар, Станислав, Петрок и помощники Дудка, Федор, Горбач, Сашка».

Как в замке, городские башни крылись различными кровельными материалами: гонтом, дощатой черепицей («даховкой»), муравленой «королевской даховкой», привозимой из д. Карпова Лука, «хатней даховкой» и жестью («бляхой») в виде медных и оцинкованных листов.

Городские укрепления в Мире, судя по всему, в XVIII в. имели вид бастионной фортификации. Она просуществовала до конца XVIII в., а Виленская брама последний раз упоминается в 1794 г. Затем укрепление срыли. До сих пор уцелел лишь комплекс Мирского замка.

Мирский замок в свое время был мощным военным сооружением, где нашли применение почти все известные элементы средневековой фортификации и местные традиции замкового зодчества. Строил его несомненно талантливый архитектор-строитель. Скорее всего им был народный мастер, который обладал богатым художественным вкусом и чувством пропорций, был хорошо знаком с архитектурой соседних народов. Не имея хороших инструментов, он не смог сделать точной разбивки как планов, так и фасадов. Но это не помешало зодчему создать первоклассное для того времени военно-инженерное сооружение, украсить его суровое обличье прекрасной гармонией красок и разнообразных архитектурных деталей. Сейчас в замке ведутся большие реставрационные работы.

ЗАМОК В ЛЮБЧЕ

Поселение Любча (Любч, Любеч), ныне городской поселок Гродненской области, известно с XIII в., когда оно было отдано князем Миндовгом киевскому боярину Андрею Васильевичу Кияну, спасавшемуся в Новогрудке от татарского нашествия. В 1428 г. Витовт передал Любчу во владение своей жене Ульяне. В 1499 г. великий князь Александр подарил «двор Любч» подскарбию Федору Хрептовичу. Вероятно, тогда селение уже имело статус «местечка». Во всяком случае в ряде документов 1517--1528 гг. оно называется так. В 1528 г. его приобрел виленский воевода О. Гаштольд, а в 1547 г. -- Ян Кишка, который основал здесь типографию. Известно, что в 1590 г. Любча получила магдебургское право, имела свой герб. В XVII в. она принадлежала Радзивиллам.

Видимо, в 80-е годы XVI в. возник на краю местечка, на участке высокого левого берега Немана, Любчанский замок. Он занял участок размерами; близкими к квадрату 85Х85 м. С трех сторон замчище окружал оборонительный ров шириной до 30 м и глубиной от 7--8 (с запада и юга) до 10 м с востока. С четвертой стороны замок защищался Неманом.

В юго-западном и юго-восточном углах замчища сохранились две мощные каменные башни. Первая была воротной. Она сделана в виде мощного куба, который на высоте около 8 м переходит в 8-гранную призму. Основание башни -- квадрат размером 9,8Х9,8 м. Башня имела четыре яруса боя. На первом ярусе -- 8 ружейных бойниц, на втором -- 12 и на третьем -- 8 пушечных бойниц. Под крышей башни в каждой из восьми стен имелось по две мушкетные бойницы. По своей объемно-пространственной композиции эта башня очень близка к башням Мирского, Новогрудского и Витебского замков. Смешанная готико-ренессанская кладка позволяет датировать башню концом XVI в. Находка же древнего флюгера башни дает конкретную дату -- 1582 г.

Фундамент башни из больших валунов опущен в землю на 3 м. Внутри здания находилась тюрьма. Первоначально, думается, это была единственная каменная башня в деревянном замке.

Согласно инвентарю от 2 июля 1601 г., воротная башня «Любчанского замка имела «баню», покрытую «железом белым», а также «звон, зегар завешоный». Слева от башни стояла кухня, сруб тесаного дерева и далее, над Неманом, «башта троха недомурованая». Окна в ней были зарешечены «кратами», местами ужа выломанными, двери также посниманы. На всем здании лежала печать запустения, вызванного остановкой строительных работ.

Далее, по кромке замкового возвышения, стояли различные жилые и хозяйственные постройки: дом великий на склепе высоком мурованом, клеть, второй склеп меньшего размера, изба столовая с несколькими коморами и светлицами, где имелись кафельные печи, «коморка потребная», подклеть, «пивница». На четвертом участке находилась угловая юго-восточная трехъярусная каменная башня (8,9Х8,9 м в основании). На первом этаже имелись 4 ружейные бойницы, на втором -- 4 пушечные, а на третьем -- 12 ружейных бойниц. Цокольный этаж башни в 1601 г. занимала «пивница» с деревянными дверями на завесах и железной «кратой». Находившийся выше этаж тогда выполнял роль склепа, закрывавшегося обитыми железом дверями. Окна были закрыты железными решетками. На участке от этой башни и до въездной стоял «дом на подклете, три гмахи и дворец, где урядники мешкива-ли», а рядом -- замковый бровар.

Согласно документам и графическим материалам XVII в., в Любчанском замке было 4 башни, каждую из которых украшали флюгеры с гербами Радзивиллов.

Местечко Любча также было защищено парканом, имело въездные ворота «прусского муру», т. е. фахверковой конструкции из дерева и кирпича.

В 1655 г. Любчу взяли казаки И. Золотаренко, и она сильно пострадала. По описаниям замка за 1813 г., в нем имелось только две башни. Замок соединялся двумя мостами с местечком и замковым фольварком, расположенным на восток от замка. Сейчас в замке начаты реставрационные работы, в нем разместится профилакторий.

ЗАМОК В ГЕРАНЕНАХ

Поселение Геранены известно по письменным источникам с первой половины XV в. В 1403 г. им владел виленский воевода Монвид, а в 1433 г.-- Сигизмунд Кейстутович. Великий князь литовский подарил Геранены вместе с Девенишками, Медниками и Тыкотином Яну Гаштольду. Несомненно, что поселение возникло намного раньше 1403 г., тем более, что в 1,5 км восточнее сегодняшних Геранен, известных в истории как «Геранены Мурованые», находятся «Старые Геранены» -- нынешняяд. Субботники.

В 1493 г. король Александр подтвердил привилей на право владеть Гераненами Войцеху Гаштольду, который тогда был канцлером Великого княжества Литовского и виленским воеводой. Предполагается, что при нем на рубеже XV и XVI вв. и был построен местный замок.

Гаштольды владели им до 1542 г., потом он перешел к королю Жигимонту I, а от него -- к Жигимонту Августу. В XVII в. Гераненами владели Папы.

Во время русско-польской войны 1654--1667 гг. замок был разрушен, но, видимо, довольно скоро его восстановили. Известно, что в 1670 г. князь Михаил Пац отдал Геранены вместе с Липнишками в государственное держание, а денежные доходы шли на развитие великокняжеской артиллерии.

В начале XIX в. замок пустовал, а позже, в середине столетия, его начали разрушать, а камень использовать для различного строительства в Липнишках.

Гераненский замок стоял на искусственной земляной насыпи. Его стены образовали квадрат 27Х27 м, на каждом углу которого стояли каменные башни. Стены были сложены в технике «полосатой кладки», т. е. ряды камней и кирпичей чередовались. Башни же облицевали кирпичом. Вероятно, завершение башен также было кирпичным.

Фундаменты башен и стен сложены из больших валунов на извести, промежутки между ними заделаны большемерным кирпичом. Глубина заложения фундаментов одинакова. Это свидетельствует о том, что стены и башни строились одновременно.

Башни Гераненского замка имели цилиндрическую форму и диаметр 8 м. Стены двухметровой толщины сложены из камня и снаружи облицованы кирпичом в технике готической кладки: чередование ложков и тычков.

Остатки северо-западной башни замка свидетельствуют о том, что она имела сводчатое перекрытие между двумя нижними этажами. Сохранился оконный проем нижнего этажа высотой в 1 м и шириной 0,6 м.

У западной стены замка некогда стоял дворец, который возвели, очевидно, в конце XV в. Известно, что в 1565 г. он еще был деревянным, однако позже на его месте построили двухэтажное каменное строение, имевшее на каждом этаже несколько покоев, большую главную залу. Все окна дворца были обращены внутрь замкового двора. Островерхую черепичную крышу в центре венчала небольшая башенка с флюгером в виде аиста. По краям ее стояли на металлических стержнях жестяные звезды.

Гераненский замок возводился в те времена, когда начала возрастать роль и значение артиллерии. Надеяться только на мощь замковых стен было уже небезопасно. Главная тяжесть обороны таких сооружений, ее акцент стал переноситься на внешние оборонительные линии, имевшие вид мощных земляных валов и глубоких рвов. Именно

такая линия обороны из мощного 700-метрового земляного вала и рва защищала Гераненский замок. Вал достигал высоты 9--10 м, ширины в основании 15 м. В плане он напоминал вытянутый в длину прямоугольник с закругленными углами. У подножия вала, с внешней стороны, лежал оборонительный ров 4-метровой глубины и 15-метровой ширины. Весной, когда растаивал снег, и осенью, когда была пора дождей, ров наполнялся водой.

С целью предупредить разрушение и сползание насыпи вала со стороны его внутреннего склона была сооружена каменная подпорная стенка толщиной 1,25 м и высотой 4,5 м. Позднее ее усилили контрфорсами. Идя по периметру вала, подпорная стенка на каждом углу переходила в 7-гранные башни-рондели, которые были главными огневыми пунктами вала. Толщина стен ронделя, являющегося прообразом будущих бастионов, равнялась 1,75 м. Ни размером кирпича, ни техникой исполнения кладка ронделей не отличается от подпорной стенки. Рондели имели, видимо, только два этажа. Причем нижний этаж высотой около 4,5 м целиком размещался в толще вала. Здесь хранились различные военные припасы и амуниция. Другой этаж начинался на уровне вершины вала и напоминал 7-гранный каменный бастион с периметром стен около 25 м. Перекрытие между этажами скорей всего делалось по балкам.

Попадали на второй этаж по ступенькам кирпичной лестницы, которая начиналась от самого низа подпорной стенки на стыке со стеной ронделя.

Значительная огневая сила концентрировалась и на самом валу, где могли стоять деревянные защитные стенки-брустверы. Ширина вершины вала позволяла размещать здесь как стрелков, так и артиллерийские орудия.

Въездные замковые ворота прорезали нижний этаж юго-восточного ронделя, стены которого в сравнении с другими были сделаны более мощными -- до 2,2 м толщиной. Попадали в ворота по деревянному мосту, переброшенному через оборонительный ров. Видимо, один пролет моста перед самыми воротами подымался цепями.

Подступы к воротам надежно просматривались сверху и с соседних участков вала. Кроме того, справа от ворот вал имел бастионообразный выступ, стратегическое предназначение которого очевидно: он фланкировал огнем и мост, и ближние подступы к воротам. Это, так сказать, прообраз тех бастионов и бастионной системы укреплений, которые начнут широко применяться в Белоруссии в XVI и XVII вв.

Не случайно, конечно, и размещение Гераненского каменного костела, возведенного в 1529 г. Обнесенный каменной стеной, он непосредственно примыкал к оборонительному рву перед воротами, являясь таким образом дополнительной преградой на пути к замку.

С полным основанием можно сказать, что Гераненский замок является ярким образцом замкового строительства в Белоруссии на рубеже XV и XVI вв. Хотя здесь есть и элементы западноевропейской фортификации, все же более отчетливо выделяются местные военно-строительные традиции. Об этом свидетельствуют и материалы, и принцип сооружения вала, и каменный замок с четырьмя башнями, размещенный на искусственной насыпи, что было присуще белорусскому военному и церковно-цитадельному зодчеству того времени.

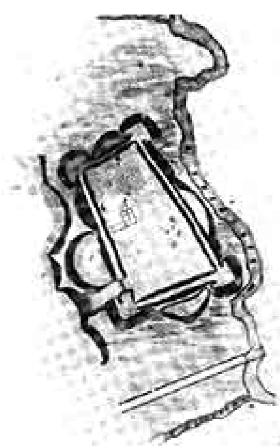
Замок стал как бы связующим звеном между старыми местными приемами фортификации и бастионной системой укреплений, которая вскоре получит широкое распространение.

ЗАСЛАВСКИЙ ЗАМОК

В XIV--XVII вв. огромное значение приобрело огнестрельное оружие, которое начало играть главную роль во время осады городов и замков. Использование в бою артиллерии вызвало увеличение толщины стен и диаметра башен, а также дальнейшее существенное совершенствование системы укреплений. В конце XV в. фортификаторы изобрели бастионы, которые произвели настоящую революцию в системе обороны. Эта система впервые появилась в Италии в конце XV в.

В XVI--XVII вв. бастионная система укреплений быстро распространилась во всей Европе, в том числе и в Белоруссии, Литве. Здесь на основе местных строительных традиций она получила новую интерпретацию.

Одним из первых бастионных сооружений в Белоруссии нужно считать замок князей Глебовичей в Заславле. Он размещался севернее города и на высоком пригорке занимал площадь 200Х100 м. 4-угольный в плане, замок некогда отделялся от «места» довольно широким и глубоким рвом с водой. Система прудов на речушке Княгиньке значительно повышала уровень воды и фактически превращала замок в островное укрепление.

План Заславского замка (по К. Тышкевичу)

Заславская Преображенская церковь. Современный вид

Исследователи XIX в. К. Тышкевич и Р. Игнатьев, которые детально изучили в свое время эти укрепления, свидетельствуют, что бастионы и куртины Заславского замка были обмурованы камнем и кирпичом, куртины имели промежуточные бастионы. Это, кстати, хорошо видно на плане замка, снятом в 1840 г. К. Тышкевичем. В 70-е годы XIX в. Р. Игнатьев отмечал, что дополнительные бастионы, сделанные из камня, кирпича и земли, местные жители разобрали на строительные нужды. На разных участках вала тогда еще существовали остатки каменных стен (скорее всего каменного бруствера), которые примыкали к бастионам.

У юго-восточного бастиона находилась традиционная для земель Белоруссии двухэтажная въездная замковая брама. Толщина ее стен достигала 2 м. Она закрывалась сдвоенными створками ворот на въезде и выезде, хорошо фланкировалась с углового бастиона. Под брамой находилась тюрьма в виде длинного каменного тоннеля. С «местом» замок соединялся деревянным мостом, последний пролет которого, очевидно, поднимался специальным воротом. Таким образом, Заславский замок -- образец староитальянской фортификационной системы укреплений и может датироваться серединой XVI в. Наиболее вероятно, что он сооружен во время княжения Ивана Глебовича, который владел Заславлем и построил здесь реформистский храм. В его 35-метровой башне, пристроенной позднее, имелись бойницы, что еще более усиливало обороноспособность замка. Сегодня здесь находится музей народных ремесел.

НЕСВИЖСКИЙ ЗАМОК И ГОРОДСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Несвиж, согласно летописям, известен с XIII в. Один из его князей -- Юрий Несвижский -- в 1224 г. принимал участие в битве с татарами на Калке. После включения земель Белоруссии в состав Великого княжества Литовского несвижские князья владели своим уделом с XIII по XV вв. на условиях несения военной службы. В 1492 г. великий князь Александр передал город князьям Кишкам, а в 1513 г. княжна Анна из этого рода вступила в брак с Яном Радзивиллом («Бородатым»), к которому и перешел Несвиж.

Теперь неясно, какие причины заставили несвижского князя Николая Радзивилла («Сиротку») приказать в мае 1583 г. начать на месте старого деревянного замка строительство современной фортеции. Вполне вероятно, что причиной послужил неожиданный пожар. Однако не исключено, что на князя оказала влияние европейская фортификационная практика. В пользу этого свидетельствует и то, что зиму 1580-81 гг. Радзивилл провел в Италии, где мог собственными глазами видеть и должным образом оценить тогдашние достижения итальянского военного зодчества.

И, думается, совсем не случайно новый замок было поручено построить итальянскому архитектору Джиованни Бернардони. Неизвестно, сооружал ли он ранее фортеции. Тем не менее, вера в его способности и талант были настолько велики, что Николай Радзивилл даже выехал в паломническое путешествие в Палестину, разрешив вести строительные работы без него.

Несвижский замок возвели на полуострове, на правом берегу реки Уши, подпертой плотиной, которая образовала два пруда -- Паненский и Пионерский. Окруженный широким водяным рвом, где уровень воды регулировался, Несвижский замок был фактически островным, с двумя водными рубежами. Попасть в замок из города можно было только по длинному деревянному мосту, который шел через озеро и в случае опасности легко разбирался. Этот мост доходил до оборонительного рва с переброшенным через него подъемным мостом.

Замок имел в плане форму четырехугольника размером 170Х120 м, окруженного высоким земляным валом с бастионами по углам. Вал был обмурован камнем до самого верха и переходил в такой же бруствер.

За бруствером были сделаны стрелковые ячейки, окопы, шла дорожка, которой пользовались защитники во время осады. Со стороны замкового двора брустверная линия огня защищалась еще одной каменной стенкой. Просторный замковый двор окружали три здания. Напротив въездных ворот, на оси въезда, стоял главный корпус с княжескими покоями. По углам прямоугольного здания возвышались традиционные для Белоруссии 8-гранные башенки, однако они уже утратили свое оборонное значение. Центр фасада украшал ризалит.

Справа от входа на замковый двор стоял массивный трехэтажный корпус с высокой часовой башней. Здесь же, видимо, размещались казармы и отдельные хозяйственные службы.

Третье здание -- двухэтажный хозяйственный корпус стоял на дворе слева от въезда.

Характерно, что вал Несвижского замка заслонял собой от обстрела весь первый этаж здания. Внутри вала, имевшего сводчатые помещения, располагались отдельные подсобные службы, а также четыре тайных выхода. Позднее, в XVII в., на бастионах возвели башни.

С внешней стороны водяного рва шла широкая дорога, которая защищалась невысокой земляной насыпью. С запада и севера от насыпи находился ров, а с остальных сторон -- глубокие пруды.

С запада подход к воротам укреплялся треугольным шанцем, от которого отходили две дороги. Чтобы защитить подступы к замку с северной стороны, напротив него, на левом берегу реки Уши, соорудили большой бастион, который контролировал подступы к мосту.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что Несвижский замок стал родоначальником нового типа бастионных укреплений в Белоруссии -- так называемой новоитальянской системы.

Некогда Несвижский замок считался одним из самых мощных и совершенных. В нем никогда не ощущался недостаток в артиллерии, ручном огнестрельном оружии и военной амуниции. Здесь всегда стоял большой гарнизон.

Ранее, чем где-либо в Белоруссии, в Невиже была создана литейная пушечная мастерская -- людвисарня. Уже в 1576 г. здесь отлили первую партию из семи пушек -- «подделков», стрелявших 2-фунтовыми ядрами. Этим же годом датируется мортира -- «моджер спижовый». Две пушки -- «2 подделка в осаде дубовой слесарской работы с колами и осями добре окованными и обрефованными» были отлиты в следующем 1577 г. Несвижская «делолейня» в 1597 г. отлила серию пушек и мортир, которым дали имена христианских святых: «Святой Иоанн», «Святой Марк», «Святой Лукаш», «Святой Михаил», «Святой Рафаил», «Святой Матвей», «Святая Марконеза». Выпуск пушек в 1598 г. несколько замедлился в связи с тем, что для замков Несвижского и Мирского отливалась партия часовых колоколов. За свой мелодичный звук они получили название «цимбалы». Голос цимбал звучал на протяжении 300 лет, отбивая каждый час и каждые 15 минут.

Однако в том же 1598 г. начинается отливка новой партии пушек и мортир, которая растянулась на несколько лет. Каждому орудию давалось оригинальное название, вырезавшееся на стволе по-латински с оригинальной расшифровкой названия. Так, в 1598 г. была отлита мортира «Крокодил». В следующем, 1599 г., мортира «Саламандра», пушка, стрелявшая огненными ядрами, пушки «Цербер», «Гидра», а также мортиры «Святой Юрий», «Святой Александр», «Святой Георгий». К ним в 1600 г. добавились «Святой Крыштоф», «Бахус», «Виноград», «Сова», «Попугай», «Кубок», «Цирцея». Затем последовал перерыв и лишь в 1602 г. отлили пушку «Мелюзина».

Отливкой пушек в Несвиже в конце XVI -- начале XVII в. руководил мастер -- немец Герман Мольтц-фельд. Однако этот сложный и многотрудный процесс был делом рук большого квалифицированного коллектива ремесленников, основу которого составляли местные мастера-белорусы. Они участвовали в создании форм для отливки орудий, «доводили ствол», отливали бронзовые украшения в виде листьев различных растений, виноградных лоз и гроздьев, птиц, зверей, изображений святых. Они напаивали отлитые буквы латинских надписей, изображения святых, ставили орудия «на кола» лафета. Документы сохранили имя «Степана злотника», который резал «литеры на титулах и верши, что должны быть на делках». Столяр Хломада занимался изготовлением «кол под гарматы». Упоминаются также «Петр слесарь», «гисер (отливщик букв-- М. Т.) Герман, тесля мирский», кузнецы.

Пушки последней серии отливок -- не только оружие. С полным правом их можно отнести к подлинным произведениям литейного искусства. Стволы пушек напоминали причудливые колонны, перекрученные стволы деревьев с объемными изображениями попугаев, сов, семиглавых чудищ, песьих голов и др. Это придавало им экзотичность и привлекательность. Оригинальны были и латинские надписи на их стволах:

«Гидра. Готовит траур, скоро тронет черной отметиной». «Попугай. Всех умерщвляю, кого кривым клювом ударяю». «Сова. Катастрофу предсказываю каждому, если кто-либо прибудет как разрушитель». «Химера. Уничтожаю врага огненным горлом зияющей химеры» и т. п.;

Отливка пушек в Несвиже продолжалась и позже -- в XVII--XVIII вв., когда делались железные навальные орудия 6-фунтового калибра. В 1743 г. отлили серию 3-фунтовых бронзовых орудий и 12 стволов. 2-фунтовые пушки делали в 1749, 1753, 1756, 1760 и 1762 гг. Еще в 1785 г. в присутствии короля Станислава Августа была отлита 24-фунтовая пушка, украшенная выгравированными сценами пребывания в Несвиже короля и его придворных. В тот же год в замке насчитывалось 66 пушек.

Неудивительно, что Несвижский замок во время русско-польской войны выдержал осады войск в 1654 и 1659 гг. В 1706 г. войска шведского короля Карла XII взяли его после длительной осады, ограбив дворец и взорвав мощные замковые бастионы.

Востановленный снова в 20-е годы XVIII в., Несвижский замок постепенно утрачивал первоначальные черты, существенно изменив систему своей фортификации. Обмурованные бастионы, которые подорвали шведы, уступили место новым, земляным.

Что касается внутризамковых жилых и хозяйственных построек, то их на протяжении XVII и XVIII вв. не раз перестраивали, надстраивали и дополняли новыми архитектурными деталями. Так, главный дворцовый корпус в середине XVIII в. переделали и надстроили, дополнив трехэтажными объемами. Вместе с двумя другими перестроенными корпусами они образовали открытый двор. Усложнились украшения фасадов, стены стали члениться пилястрами. Очень красиво смотрелся ризалит, поднятый до четырех с половиной этажей и завершенный фронтоном. Его удачное архи-тектурно-художественное решение еще больше подчеркивается пластикой пилястр, богатым рельефным декором и скульптурными вставками в стиле позднего барокко. Особенно щедро украшен щит фронтона, поля откосов с обеих сторон ризалита и межпилястровые промежутки. В XVIII в. перестроили браму замка, а крылья дворца соединили двухэтажной галереей.

В общей планировке и объемном построении замка заметна тенденция симметричности. Она в значительной степени повлияла на идею создания дворцово-замкового ансамбля с большим открытым двором, окруженным монументальными строениями. Силуэт ансамбля, усиленный стройными башнями и башенками, приобрел романтическую привлекательность, а вода прудов и яркая зелень ландшафтного парка завершили становление дворцово-замкового комплекса -- одного из наилучших в Восточной Европе.

Несвижский замок, родовое гнездо местных Радзивиллов, в свое время был не только великосветским замком, но и богатым культурным центром, средоточием средневекового искусства. В 12 величественных залах размещалась библиотека на 20 тыс. томов, портретная и картинная галереи, которые насчитывали более тысячи полотен, принадлежавших кисти различных известных и неизвестных художников, богатая коллекция европейского, арабского, японского и китайского оружия, знаменитые слуцкие пояса, кореличские и несвижские шпалеры, огромная коллекция монет и медалей, роскошная мебель и другие предметы.

Сейчас в замке размещается профсоюзный санаторий.

Однако рассказ о Несвиже был бы неполным без описания защитных сооружений города. Первоначально в нем не было укреплений, и его жители в период военной опасности укрывались в замке. Лишь в 1586 г. Н. Радзивилл поставил перед горожанами задачу соорудить оборонные объекты, в том числе две городские каменные брамы, «абы место замкнено было». Одна брама выводила на дорогу в Мир, другая -- в Слуцк. Князь лично следил за ходом фортификационных работ и указывал, где ставить ворота и каких размеров. Город, получивший магдебургский привилей («право Саское Магдебургское»), отчислял деньги на фортификационные работы из своих доходов. Радзивилл освободил мещан навечно «от жнивных толок», однако обязал их каждый год «с каждого пляца оселого насыпать по пруту (4,87 м -- М. Т.) земляной насыпи вала». Все общественные работы в Несвиже выполнялись сообща всеми мещанами. Согласно артикулам магдебургского права, в городе были организованы сторожевая, противопожарная службы и ополчение.

27 сентября 1592 г. с согласия мещан магистрат принял специальную «Ухвалу места Несвижского», где провозглашались основные обязанности жителей по обороне своего города. Согласно «Ухвалы» горожане могли быть свободными от обязанности выполнять «валовую работу», если вносили в магистрат ежегодно по 30 грошей литовских с каждого «пляца». За эти деньги нанимались специальные землекопы, валмейстер, каменщики и другие рабочие, которые постоянно следили за состоянием укреплений. Лишь только в случае необходимости отнести «паркан» на новое место и при прорыве дамбы -- гребли все жители должны были являться «як на гвалт». При сборе налога бедным и убогим делалась скидка: они выплачивали свой взнос в рассрочку. Каждый владелец дома был строго обязан иметь ручницу, порох, пули и являться на пункт сбора ополчения по сигналу городского «бубна». Тот, кто не приобретал оружия, в начале штрафовался на одну копу грошей. Затем решался вопрос о его пребывании в городе. Опоздавший на сбор ополчения платил магистрату штраф в 12 грошей.

Все жители несли сторожевую и оборонную повинности, участвовали в военных смотрах («полисах») и тренировках («муштрах»). Ежегодно все взрослое мужское население участвовало в стрелковых соревнованиях на приз «короля курка». Они проводились в торжественной обстановке в «шихаузе» -- на определенном месте для стрельбы, находившемся за монастырем бенедиктинок. В числе первой стрелявшей четверки были, как правило, князь Радзивилл и его жена, которые могли передать свое право первого выстрела любому лицу, а также губернатор Несвижского замка и войт. Затем стреляли члены магистрата и все жители города, являвшиеся со своим оружием. Тот, чья пуля попадала в середину мишени, провозглашался на целый год «королем курка». Ему в торжественной обстановке в городской ратуше вручался аксамитовый пояс с серебряными пластинками. Имя победителя записывалось в магистратскую книгу, его освобождали от ряда налогов и ему разрешалось свободно «выкуривать» определенное количество пива и браги. С того же дня «король» назначался на год смотрителем «шихауза». Он обязан был приобрести за свой счет серебряную табличку весом в 1 лот (11 г с небольшим -- М. Т.), выгравировать на ней свое имя и прикрепить к поясу. Если победителем становился сам князь, его жена или губернатор, то они уступали титул «короля» любому жителю Несвижа.

К концу XVI в. городские укрепления в основном были сооружены. Гравюра несвижского картографа Томаша Маковского, сделанная около 1600 г., изображает Несвиж, основу обороны которого составлял высокий земляной вал. Он имел вид пятиугольника с 7 бастионами, который охватывал город со всех сторон.

Внутрь попадали через пятеро ворот-брам: Слуцкую, Клецкую, Виленскую, Мирскую и Замковую. Городскую фортификацию окружал водяной ров, соединявшийся с рекой Ушой.

Перед каждой брамой имелся подъемный мост. Не последнее место в обороне Несвижа занимали 4 каменных кляштора -- бенедиктинский, иезуитский, бернардинский и доминиканский с комплексами построек, поставленные в тактически важных и выгодных местах. Они закрывали прямую дорогу к замку и были серьезным препятствием на пути противника. Водяной ров вокруг города выполнял еще одну функцию: он был зарыблен и превратился практически в рыбий питомник. Однако ловить рыбу мещанам запрещалось. Радзивиллы приказывали строго следить за этим поручику или цейхгварту, уполномочив их отнимать сети у горожан.

Городские укрепления в XVII в. продолжали строиться, а в случае необходимости периодически ремонтировались. Магистрат, в лице «будовничего» -- главного строителя, который был одновременно бурмистром, заключал договоры с землекопами («копачами»), каменщиками («мулярами»), плотниками («цеслями», «дойлидами») на выполнение конкретных работ. За это платились деньги с выдачей задатка. Так, согласно договору от 29 июля 1652 г. «будовничего» бурмистра Яна Гановича с «достославным мастером -- муляром Якубом Безменом с четырьмя товарищами», сооружались две каменные стенки. Одна шла вдоль реки, а вторая -- поперек ее -- от гребли, которая вела на замок. Кроме того, ремонту подверглась Копыльская брама, где надо было оштукатурить низ, поправить арки ворот, угол, подмытый водой пруда, побелить все сооружение. Мастер обязан был сам позаботиться о подсобных рабочих, подготовить стройматериалы и выполнить все работы, включая ремонт откосов каменных стен, за 4 недели августа. Все это оценивалось в 20 коп грошей, причем задаток в 6 коп выдавался сразу. После подписания контракта бурмистр для того, чтобы каменщики «...веселей возле той стены ходили», выделил им на угощение 3 злотых и купил на 2 злотых 15 грошей пива и водки.

Сведения о строительных работах 1652 г. показывают, что каменные стены в это время возводились с востока и севера города. С юга и запада они уже имелись. Их называет король Владислав IV в привилее, выданном несвижским мещанам 2 марта 1633 г., отмечая «...возведенные высокие и основательные стены-муры Несвижа, досмотренные и обеспеченные оборонительными укреплениями».

Как видим, постройка городской фортификации Несвижа растянулась на многие годы. Этот факт является наглядным отражением экономических возможностей горожан, на которых лежал тяжелый податный пресс, и возможностей магнатов Радзивиллов, не только соорудивших на протяжении 1584--1598 гг. первоклассный замок, но и заложивших 2 костела, 2 кляштора и большой коллегиум для 200 монахов.

Во время русско-польской войны 1654--1667 гг. Несвиж дважды, в 1654 и 1659 гг., был взят штурмом, а его укрепления повреждены. Однако удержать город русским воеводам не удалось. Также безуспешными были осады замка. В 1660 г. воевода Хованский доносил царю, что вынужден снова посылать к Несвижу воеводу С. Змеева, которому «велел город осадить и промысл над Несвижем чинить сколько милосердный бог помощи подаст». Хованский писал, что вылазки из города ратных людей -- конных и пеших, наносят его людям большую «шкоту», особенно фуражирам, приезжавшим из-под Ляхович на поиски «хлебных запасов и конских кормов». Судя по всему, взять Несвиж в 1660 г. не удалось.

Привилей короля Михаила Вишневского от 29 октября 1669 г. упоминает о возобновлении укреплений города, которые сооружались заново от самого фундамента. Однако дела шли плохо. Тогда князь Михаил Радзивилл, желая привести свое родовое гнездо в надлежащее состояние, начал сам «немалым коштом фортификовать Несвиж».

Однако восстановить полностью свои укрепления город до начала Северной войны не смог. Это заставило магистрат и все «поспольство», не надеявшееся на городскую фортификацию, просить Радзивилла, чтобы он разрешил им в случае острой нужды укрыться за стенами замка. Судя по тому, что в марте 1706 г. шведский подполковник Таутфэттэр взял Несвиж штурмом, Радзивилл просьбу жителей не удовлетворил. Правда, как уже упоминалось, в мае того же года шведские войска после длительной осады все же овладели и замком, разрушив его и взорвав бастионы. Однако при осаде города шведы так и не смогли сломить сопротивление защитников, засевших в стенах иезуитского коллегиума и в соседних каменных постройках.

После Северной войны укрепления замка и города все же восстановили. Радзивиллы и короли Речи Посполитой хорошо понимали стратегическую важность и значение Несвижа для Верхнего Понеманья и центра Белоруссии. С севера и запада на подступах к городу возвели дополнительные бастионные укрепления, правым краем упиравшиеся в искусственный пруд. В Несвиже по-прежнему было много огнестрельного оружия. Так, в 1765 г. здесь еще было 36 пушек главным образом местной отливки, сотни мушкетов, карабинов, «янычарок», пистолетов и другого оружия. Гарнизон замка, который, как правило, возглавляли иностранные офицеры, в своей службе все более ориентировался на подавление выступлений угнетенного населения.

Сведений о военной организации мещан Несвижа за XVIII столетие нет. Судя по аналогии с другими владельческими городами Радзивиллов, она сохранилась и действовала по старым канонам вплоть до момента присоединения земель Белоруссии к России. В 1792 г. Несвижский замок сдался «российским войскам по заложении первых батарей». Также без труда был взят и город. Как отмечали русские офицеры, его укрепления были в плохом состоянии: «ныне город окружающий земляной вал весьма не надежен». Однако стратегическое значение Несвижа «на вершине реки Неман» учитывалось, равно как и достоинства замковой фортификации: «...замок может учинить изрядное сопротивление, ежели оной защищаться будет довольным числом храброго войска».

До наших дней в Несвиже уцелела только одна городская брама -- Слуцкая, перестроенная в 1700 г. Она представляет собой тип массивных безбашенных брам с удлиненной (10,3 м) проезжей частью, которые со второй половины XVII в. широко распространились в Белоруссии. Проезд закрывался двойными полотнищами. Здесь находилась каморка сторожей и вход на лестницу, которая вела на второй этаж. Неглубокий рельеф декора хорошо подчеркивает массивность древнего сооружения.

БЫХОВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В письменных источниках поселение под названием «двор Быхов» впервые упомянуто в грамоте князя Дмитра Семеновича 31 мая 1393 г. В 1430 г. он находился во владении князя Свидригайло, перейдя затем в руки князей Гаштольдов. После угасания этого рода в 1542 г.

Быхов оказался у могущественных магнатов Ходкевичей. Им он принадлежал до 1625 г., перейдя затем по наследству к Сапегам.

Поселение возникло на правом берегу Днепра недалеко от слияния с ним речушки Мокранки и с этой стороны оно было надежно защищено природой.

В 1590 г. владелец Быхова Ян Ходкевич, занимавший должность гетмана Великого княжества Литовского, получил от короля грамоту на постройку здесь Каменных замковых укреплений, которые сменили деревянные. При Карле Ходкевиче, в 1610--1619 гг., строительство было продолжено и завершилось при Льве Сапеге, когда город получил мощную бастионную фортификацию. Громадный 800-метровый вал с бастионами, равелинами и рвом в виде полукруга надежно защищал Быхов и принес ему славу неприступной цитадели.

Город был продуманно спланирован и делился на кварталы взаимно перпендикулярными улицами. Центр его занимала торговая площадь.

Основой, ядром обороны Быхова являлся дворцово-замковый ансамбль, построенный в начале XVII в. и не раз перестраивавшийся. Он занимал участок берегового плато в виде неправильного прямоугольника размером 77Х100 м. С востока его защищал Днепр, с остальных трех сторон -- глубокие и широкие (22-- 27 м) оборонительные рвы. Отделенный от города рвом и подъемным мостом, обнесенный земляным валом с бастионами, замок представлял собой компактный комплекс жилых и хозяйственных построек, стоявших по периметру замкового двора. С западной стороны располагались три каменные башни: угловые 8-гранные двухъярусные, имевшие по 7--8 бойниц, и въездная воротная брама.

Она была 2-ярусной, со сводчатым перекрытием, с круглым куполом --«галкой» и флюгером в виде герба Сапегов. Двухстворчатые полотнища ворот дополнительно защищались опускной решеткой -- герсой и имели целую систему железных запоров. Попадали в ворота по деревянному мосту, на середине которого размещалась подъемная решетка-- «крата из дерева столярской работы». На оси замкового въезда стоял дворец. Его верх занимали покои и столовая, а внизу располагались подвалы. На замковом дворе находилась «студня».

Подобно другим белорусским городам, Быхов располагал военной организацией мещан и волощан, объединенных в десятки и сотни. Они были вооружены холодным и огнестрельным оружием, имели свои знамена -- хоругви, бубны и трубы, регулярно становились на «попис» перед местным управляющим, громко называвшимся «губернатором». Традиция «полиса» была древней и соблюдалась «водлуг давнего звычаю». Поветовая быховская шляхта также ежегодно «пописывалась на святого Михала водлуг давнего звычаю».

Все жители города, согласно древней традиции, занимались фортификационно-строительной работой:

начав с весны и до заморозков, бесплатно ремонтировали и насыпали заново валы, чистили и углубляли рвы под присмотром местного губернатора. Крестьяне Быховской волости, окончив сеять яровые, также обязывались «водлуг давней повинности своей валовую работу исполнять по приказу Его Милости пана губернатора». Они же осенью, «сойдя с поля», продолжали эту работу до заморозков. Следует отметить, что городской оборонительный

вал Быхова достигал высоты 7--8 м и ширины в основании до 30 м. Почти такие же параметры имел и оборонительный ров.

Попасть в город и выйти из него можно было только через трое каменных ворот -- Подольные (Доль-ные), выводившие к берегу Днепра, Могилевские -- в северной части и Рогачевские (Новобыховские) -- в южной, открывавшие путь к другим городам Белорусского Поднепровья. Через оборонительный ров перед Могилевской и Рогачевской брамами были перекинуты мосты, последнее звено которых перед входом поднималось.

На подступах к замку с севера мощным узлом обороны стоял каменный костел, обнесенный каменной оградой с небольшими угловыми башенками. Кроме того, недалеко находилась приспособленная к обороне инкастеллированная синагога. Прямоугольная в плане, с толстыми, почти 2-метровыми стенами, круглой угловой башней, круглыми и прямоугольными бойницами в аттиковой части, она запирала выход из прилегавших улиц северо -западной части города и являла собой дополнительное препятствие на пути наступавших.

Мещанское ополчение Быхова в XVI--XVII вв. было хорошо вооружено первоклассным оружием. Документы XVI в. упоминают ручницы, гаковницы, пулгаки, сагайдаки (луки со стрелами), копья, панцири кольчатые.

Оружием европейских типов были вооружены при Сапегах в XVII в. и солдаты замкового гарнизона, нанимавшиеся в Венгрии или Германии. В городе и замке всегда имелось значительное количество артиллерии и боеприпасов -- пороха, свинца, селитры, железа. При Сапегах в Быхове существовал собственный литейный пушкарский двор. Здесь мастера «людвисары» -- литейщики отливали пушки самого различного калибра и типа: дробовые пушки--«шротовницы», полевые орудия мортиры -- «мордеры», многоствольные «органы» -- прототипы современных многоствольных орудийных установок. Здесь же делались ядра, картечные заряды, гранаты артиллерийские и ручные.

Причем, по сведениям за 1682 г., гранаты делались не только железными, деревянными («точеными»), но и стеклянными с толстыми стенками, осколки которых наносили страшные раны. Кроме аркебузов, мушкетов и пистолетов местные оружейники делали еще в XVII в. традиционные виды оружия -- боевые цепы, пики, топоры, косы «просто насаженные», которыми вооружалась часть городских и сельских ополченцев.

Документы свидетельствуют, что быховские литейщики пушек приглашались для работы и в соседние города. В частности, в 1697 г. мастера «Юрко» и «Миколай» отливали большую пушку в Могилеве.

Калибр быховских пушек был различен: вес их ядер составлял от 1 до 100 фунтов. Еще в 1912 г. 10 пушек быховской отливки находились в городе, четыре из них стояли, прислоненные к стенам костела, а 6 лежали в замке у стен дворца. Затем их следы затерялись.

Быхов, близко расположенный к тревожному порубежью, беспокойной казачьей Украине, неоднократно переживал военные потрясения. Однако захватить сильно укрепленный и хорошо вооруженный город было очень сложно. Известно, что лишь в 1590 г. «низовые казаки» донского гетмана Матюши Федоровича захватили «место Быховское, наехавши гвалтовне...». Однако в 1648 г. восставшие украинские казаки и местные крестьяне во главе с Ф. Гаркушей уже не смогли взять ни города, ни замка.

В русско-польской войне середины XVII в. Быхов все время был камнем преткновения для обеих воюющих сторон. Сначала его 18 месяцев, с августа 1654 г., безуспешно осаждали украинские казаки под командованием И. и В. Золотаренко и войска князя А. Н. Трубецкого. При этом И. Золотаренко был убит. В городе разместились украинские казаки И. Нечая, который во второй половине 1658 г. изменил русскому царю и перешел на сторону польского короля. В результате Быхов снова оказался с мая по декабрь 1659 г. в осаде. Он был взят 4 декабря в ходе ночного штурма войсками князя Лобанова-Ростовского, которому удалось склонить к капитуляции коменданта замка немца Шульца. В ходе осады город и замок сильно пострадали, особенно замок, где взорвался арсенал. Однако уже в 1660 г. царские войска сами оказались осажденными и в декабре 1661 г. сдались войску гетмана Чарнецкого.

В годы Северной войны на Быхов обрушились новые беды. Его владелец К. Сапега перешел на сторону С. Лещинского и Карла XII. В результате союзное войско короля Августа II и Петра I дважды подвергало осаде город. В многомесячной осаде 1701 г. успех был достигнут благодаря громадной пушке, привезенной из Могилева. На один заряд в нее шло сразу три пуда пороха. Командовавший осадой генерал Синицкий имел хорошего бомбардира, который многопудовыми начиненными «бомбами сильно здания городские ломал и разрушал». В результате город сдался, правда, на почетных условиях: мещанам сохранили все вольности и привилеи.

Затем, спустя некоторое время, Синицкий перешел на сторону противника, сделав Быхов своим главным опорным пунктом. После того, как его солдаты ограбили русскую армейскую казну, доставлявшуюся к месту дислокации полков Петра I, царь двинул против сильно укрепленного Быхова войска своих генералов Боура, Чамберса, Фонвердена и Волхонского. Население города не поддержало мятеж, однако под угрозой суровых репрессий было вынуждено занять боевые позиции. Синицкий не смог удержать город и капитулировал. В результате вся быховская артиллерия числом не менее 30, а также 15 пушек, взятые Синицким из Могилева, были судами отправлены в Киев. В городе на протяжении семи с лишним лет находился русский гарнизон. При отступлении были приведены в негодность брамы, взорваны бастионы.

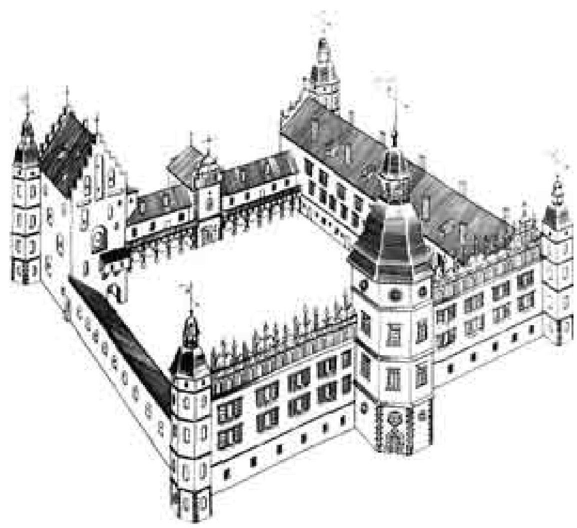
Спустя некоторое время Сапеги восстановили укрепления, артиллерийский парк заново пополнился новыми орудиями. По сведениям за 1751 г., здесь все еще насчитывалось 20 пушек, сохранялось мещанское и шляхетское ополчение. В замке в 1757 г. имелся гарнизон из 50 человек «жолнеров», одного капрала, двух ефрейторов и двух барабанщиков. Все они были местными жителями, набранными из Старого и Нового Быхова и служившими на условии пользования земельными наделами.

С присоединением Восточной Белоруссии к Российской империи Быхов утратил свое стратегическое значение, а его укрепления с течением времени пришли в упадок.

ГОЛЬШАНСКИЙ ЗАМОК

Поселение Гольшаны с деревянным замком, известное по летописям с XIII в., возникло на высокой самородной горе над рекой Корабль, на северо-востоке от местечка Гольшаны. Князья Гольшанские владели замком до 1525 г., а потом, после брака княжны Елены Гольшанской с Павлом Сапегой, он перешел во владение Сапегов. Они перенесли свою резиденцию на берег речки Лусты (Жиганки).

Гольшанский каменный замок, возведенный в первой половине XVII в.,-- наглядная иллюстрация тех значительных изменений в архитектуре, которые произошли на протяжении столетия. Своей композицией он отдаленно напоминает Мирский замок и представляет собой прямоугольное (88,6Х95,6 м) замкнутое здание. Жилые корпуса с башнями на углах образуют, как и в Мире, замкнутый квадратный двор. Однако мощные стены, характерные для оборонного зодчества XVI в., в Гольшанах уступили место фасаду жилого дома. Здесь уже нет воротной башни, а угловые 6-гранные стали меньшими и более стройными. В них в основном размещались жилые и хозяйственные помещения. Башни еще не утратили своего первоначального значения, однако основой обороны замка стали уже мощные земляные валы и водяные рвы. Проезд в замок находился по центру одного из зданий, фасад которого характеризуется монументальной простотой. Арочный портал обрамлялся архивольтом.

Напротив въезда, на его оси, в противоположной стороне двора находилась небольшая капличка, встроенная в жилой корпус.

Композиция внешнего фасада Гольшанского замка напоминает голландские замки Бесенштэен и Клейдаель под Антверпеном, хотя и отличается от них пропорциями, массивностью и деталями планировки.

Такое сходство объясняется тем, что Белоруссия, находясь в составе Речи Посполитой, ощущала достаточно мощное влияние голландско-фламандской архитектуры, которое было результатом оживленных культурных и торговых связей со странами Западной Европы.

С конца XVI в. и до начала XVIII в. на землях Речи Посполитой резиденции магнатов строились с анфиладной планировкой помещений, аркадными галереями и угловыми башнями. По такому принципу, в частности, построены в конце XVI -- начале XVII в. польские замки Баранов, Красичин, Суха. Архитектурная композиция, планировка и частично их размеры весьма близки и схожи с архитектурно-планировочными элементами Гольшанского замка.

Многое из того, что было в Гольшанах, разрушено. Можно только утверждать, что справа от входа находилась большая квадратная зала с четырьмя колоннами, на которые опирались крестовые своды. Стены зала ранее были покрыты богатой живописью. На них висели портреты представителей рода Сапегов, живописные полотна и оружие. Окна, выходившие на замковый двор, имели витражи из толстого стекла. Каменные плитки пола гармонировали с дорогими коврами и мебелью -- креслами, мраморными столиками, бронзой подсвечников. Небольшие комнатки в башнях украшались разнообразной лепкой.

Стены других залов и жилых покоев, колонны и оконные проемы были украшены росписями. Потолки и обрамления каминов, окон также украшала разнообразная лепка.

Под замком имелись громадные сводчатые подвалы.

Современники считали Гольшанский замок самым выдающимся и красивым в Белоруссии и Литве.

В годы Северной войны замок был большей частью разрушен шведами. Довершил его уничтожение в 1880 г. последний его хозяин Горбанев. Он взорвал башни и стены, а кирпич пустил на строительство корчмы. Частично уцелели две башни и восточное крыло дворца, которые будут реставрироваться.

ЗАМОК В СМОЛЬЯНАХ

Он находится в Оршанском районе у д. Смольяны и занимает низкий заболоченный участок на левом берегу речушки Дерновки. Его возвели во втором десятилетии XVII в. по приказу князя Семена Андреевича Сангушко.

Традиции местного зодчества повлияли и на выбор строительного материала и на планово-композиционное размещение зданий замка, ориентированных на разные стороны.

Это давало равномерно свет всем покоям и залам.

Замок был обычным для земель Белоруссии прямоугольным в плане сооружением. Его архитектурные объемы, огражденные внешней стеной, выходили во двор. Внутренние корпуса Смольянского замка были трехэтажными. Поперечные перегородки разделяли их на отдельные помещения с большими оконными проемами, что отчетливо выявляет великосветский характер здания.

Руины замка свидетельствуют, что он имел традиционную по тем временам прочную браму, по высоте равную жилым корпусам замка.

На каждом углу комплекса стояли угловые башни, которые тогда выполняли уже роль обычных жилых помещенинй, о чем свидетельствуют большие окна.

Высотной доминантой Смольянского замка была 5-этажная башня, которая стояла вблизи входных ворот. Пятиугольная в плане, она, как, вероятно, и все башни замка, выделялась утонченным рельефным декором, мягко контрастировавшим с гладкими поверхностями стен. Орнамент оконных проемов и плоская ордерная раскреповка свидетельствуют о стилистической связи с западноевропейским искусством. Особенно красиво смотрится рамка -- картуш восточной грани пятиэтажной башни.

В мотивах сложного ренессансного обрамления исследователи прослеживают голландское влияние. Внутреннее оформление замка по причине его сильного разрушения представить сложно. Внутри уцелевшей башни видны остатки витой лестницы, многочисленные ниши различных размеров, остатки арочного перехода из главного корпуса в башню, детали каминов. Известно, что на склоне жизни хозяин замка князь С. А. Сангушко приказал расписать покои картинами на религизоные сюжеты, преимущественно на темы смерти и забытья.

Внешне здание имело черты светлого, красивого дворцово-замкового сооружения, окруженного водой и мягкой зеленью заливного луга.

Находясь близко к восточным рубежам Великого княжества Литовского, Смольянский замок, как и все окрестности, не раз переживал лихие времена. Не прошли мимо него русско-польская война середины XVII в. и Северная война. В 1708 г. в Смольянах было разбито войско шведского генерала Канифера, а сам он попал в плен. Отступавшие войска Петра I частично взорвали замок, дабы не оставлять его двигавшемуся сюда королю шведскому Карлу XII.

Из инвентаря за 1739 и 1742 гг., когда здесь властвовал маршалок Великого княжества Литовского Павел Любартович Сангушко, вытекает, что «...замок, мурованый на копцы», был кругом «водою облит». Перед ним лежал пруд -- «став» с мостом и перилами. В каменной браме полотнища ворот были сделаны из добротных сосновых досок, прибитых большими гвоздями и окованных железными рейками. Войдя во двор, слева можно было видеть большой склеп. В жилых покоях стояли печи из белой «кафли» с гербом -- погоней. В замке жили только хозяева с прислугой. Разные подсобные службы -- «двор» -- находились за прудом.

Интересно выглядело и местечко Смольяны, в частности его центр. Посреди «места» стояла ратуша из сосновых брусьев, с куполом над крышей, «побитой» гонгами. На том куполе, по краям обитом жестяными поясами, возвышался флюгер с государственным гербом -- погоней «медяной, позолоченной малярским золотом». Вблизи ратуши находилась двухэтажная весовая -- «важница» -- с высоким крыльцом с перилами и точеными балясинами. Отсюда начинались ряды торговых лавок -- «крам» и хаты жителей с хозяйственными постройками и огородами.

Упадок и разрушение начались в конце XVIII в., а довершились в середине XIX в., когда новый хозяин Смольян сенатор Семенов продал замок местным дельцам на кирпич.

ГАЙТЮНИШКИ

Определенный интерес для изучения архитектуры времен постоянных междоусобиц представляет жилой дом феодала начала XVII в. в д. Гайтюнишки Вороновского района Гродненской области. Этот дом, построенный в виде миниатюрного замка размером 15Х34 м, имеет на каждом углу небольшую оборонительную башню цилиндрической формы. Стены башен прорезают циркульные окна-бойницы

Дом двухэтажный и только центральная часть, сделанная в виде прямоугольной башни, трехэтажная. Здесь размещена арка главного входа.

Первый этаж занимали различные службы. Покои хозяев размещались на верхних этажах. Под зданием имелись большие подвалы.

Подобно всем сооружениям оборонного типа, стены Гайтюнишского дома-замка были толщиной около 1,5 м. Перекрытия сводчатые. На фасадах почти нет архитектурного декора, а художественная выразительность достигается за счет объемности постройки, круглых башен и высокой крыши.

Этот небольшой замок был возведен в 1613 г. по проекту Петра Нонхарта, голландского инженера-эмигранта, который ведал в Вильне королевскими зданиями. Ему и принадлежал замок. Позже, после смерти Нонхарта, в 1633 г. замок перешел художнику Шреттеру. При нем стены некоторых покоев были расписаны картинами, изображавшими сцены охоты. В разные времена замком владели Хрептовичи, Саккены, Римши.

Известно, что во время Северной войны здесь оборонялись от польских войск шведы.

Рядом с замком в 1633 г. была построена семейная усыпальница Нонхартов, относящаяся к стилю барокко. Она выделяется компактностью, развитой алтарной частью, толстыми стенами и мощными контрфорсами на фасаде, придававшими зданию аскетизм и монументальность оборонного сооружения.

УКРЕПЛЕННЫУ ХРАМЫ

ПОЛОЦКАЯ СОФИЯ

В конце XV -- начале XVI вв. в Белоруссии возник и затем стал характерным для белорусской средневековой готики тип цитадельного церковного здания, укрепленного с помощью угловых башен. Родоначальницей нового типа храмов стала Полоцкая София -- государственный храм древней Полоцкой земли, сооруженный в 50-е годы XI в. На рубеже XV и XVI вв. она была перестроена в пятибашенную церковь-замок -- пятая башня возвышалась над самым центром храма.

Возникновение такого типа сооружений именно в стольном Полоцке закономерно, ибо этот богатый и многолюдный торгово-ремесленный город на восточном рубеже Великого княжества Литовского считался тогда «ключом от Ливонии и самой Литвы». Владеть им хотели и Ливония, и Московское государство. Реальная внешняяугроза сделала инкастелляцию храмов насущной необходимостью.

Инкастеллированные пяти- и четырехбашенные храмы -- результат развития белорусской готики, яркий образец синтетичности и органичности этого стиля, который удачно сочетал все предыдущие достижения местной гражданской и военной архитектуры. Беря истоки в

замковом зодчестве XIV в., где тип постройки с боевыми угловыми башнями впервые обозначился, он прошел значительный путь развития в частновладельческом замковом строительстве. Именно здесь выкристаллизовался тип компактного, небольшого и хорошо укрепленного здания. Рационализм был одним из главнейших факторов, который в условиях бесконечных войн ускорил переход испробованных архитектурных элементов из военной архитектуры в церковную.

Пятибашенная Полоцкая София просуществовала на Верхнем замке (с некоторыми перестройками) до .1710 г. Рисунки храма 1578 и 1707 гг. свидетельствуют, что это был, на первый взгляд, обычный замок с башнями, бойницами и кованой герсой над входом. Во время осад Полоцка церковь становилась убежищем для состоятельных горожан, здесь сохранялись святыни и сокровища города. Едва ли не главным из них следует считать великолепную библиотеку древних рукописей, летописей, грамот, а также различной литературы на греческом, латинском, старобелорусском, церковнославянском и других языках. В Софии происходили наиболее торжественные собрания горожан. Здесь принимались послы. Имя храма было увековечено на городской печати.

В 1607 г. во время пожара Софийский собор сгорел, но вскоре был восстановлен и в нем начали хранить земские и гродские книги Полоцкого воеводства. Однако угловые башни были уменьшены на один ярус;

средннюю же башню, красиво отделав, сделали еще более высокой.

Еще раз церковь восстанавливалась после пожара 1643 г. Во время Северной войны в подвалах Софии сделали склад боеприпасов войск Петра I. Склад неожиданно взорвался 1 мая 1710 г., и фактически храм был уничтожен. В 1738--1750 гг. его перестроили в двухбашенный барочный костел.

При археологическом изучении Полоцкой Софии, проведенном в последние годы, остатков древних оборонительных башен найдено не было. Видимо, они имели небольшие фундаменты или эркерное устройство.

Сейчас в здании Полоцкой Софии находится Концертный зал старинной музыки.

На территории Нижнего замка стоял еще один пятибашенный инкастеллированный храм, почти точная копия Софийского собора. Он хорошо виден на плане города 1707 г. Отчетливые оборонительные черты имели и другие церковные сооружения города: комплекс иезуитского коллегиума и иезуитского костела, который закрывал подход к мосту через оборонительный ров Верхнего замка. Костел бернардинского кляштора имел башню с тремя ярусами бойниц. На подступах к замку не случайно стояло массивное здание двухэтажной еврейской школы.

Полоцкие инкастеллированные храмы, безусловно, стали прототипом для других похожих сооружений -- Супраслевской Благовещенской, а также Сынковичской и Маломажейковской церквей.

СЫНКОВИЧСКИЙ ХРАМ

Точное время строительства Сынковичской (Михайловской) церкви (Зельвенский район Гродненской области) неизвестно, но общие готические конструкции и звездчатые своды позволили исследователям наиболее вероятным временем считать конец XV -- начало XVI в.

В плане Сынковичская церковь напоминает немного вытянутый четырехугольник размером 17,5Х13 м с трехнефным членением. Все нефы имеют почти одинаковую 4-метровую ширину. Толщина стен 1,5 м. Кладка готическая, частично смешанная, из кирпича размером 26,5Х15Х7 см, положенного на извести. Высокая двухскатная крыша придает зданию стройность и легкость.

Четыре башни, размещенные по углам здания, отличаются между собой размерами и архитектурными формами. Две, фланкирующие западную стену и вход, стоят на квадратных фундаментах и подпираются с трех сторон контрфорсами. Верхняя половина башен -- восьмигранник с тремя ярусами разных по размеру бойниц. Нижний ряд рассчитан на обстрел ближних подходов к стенам здания. Это фактически бойницы подошвенного боя. Две восточные башни цилиндрической формы также имеют бойницы.

В середине башен -- лестницы, которые когда-то вели к бойницам, размещенным в фронтоне. Верхняячасть всех стен, кроме восточной, охвачена мощной аркатурой. Она держится на ступенчатых встроенных кронштейнах. В промежутках между арками -- округлые бойницы, которые идут почти встык с нижними бойницами. Вверху, над бойничными проемами, сделаны круглые наблюдательные отверстия. Они давали возможность обороняющимся следить за действиями противника и вести огонь на большие расстояния. Большинство бойниц имеет вид вытянутых в длину четырехугольников, которые расширяются наружу.

Бойницы Сынковичской церкви, в первую очередь, служили целям обороны. Однако они были и немаловажным элементом и средством украшения стен здания. Все ярусы боев придавали зданию суровый вид готового к отпору небольшого замка.

Особенно укреплена западная стена церкви с входом. В щите фронтона -- ярусы разнообразных бойниц. В самой верхней части применен своеобразный и редкий архитектурный элемент -- «фонарик», который выполнял роль наблюдательного пункта. Система и планировка оборонительных приспособлений Сынковичской церкви перекликаются с подобными приспособлениями памятников замковой архитектуры того времени.

Интерьер церкви имеет вид зала. Это впечатление не нарушают даже 6-гранные колонны, на которые опираются крестовые своды с нервюрами, три полукруглые апсиды.

Здание имеет выразительные элементы романской и готической архитектур. Черты романской -- неглубокие, разнообразные по форме и размерам оштукатуренные и побеленные ниши в щите фронтона, очень похожие на ниши Мирского замка. Они снимают впечатление тяжеловесности и массивности и придают зданию определенную яркость и легкость. На восточных башнях и алтарных апсидах, приблизительно на высоте 3 м, есть декоративный поясок в виде плоской рельефной аркатуры из полуциркульных арок романского типа, опирающихся на маленькие кронштейны. Такое украшение очень органично сочетается с арочным поясом бойниц. Выдержанная в одном характере и ритме, она создает своеобразный эффект в алтарной части. Высокая конусоподобная крыша над алтарными апсидами соответствует высокому трехугольнику восточного фронтона. Это противоречит традиционно-византийскому плану апсид, но вместе с тем не встречается и в памятниках церковной готики. Скорее всего, здесь чувствуется прием завершения замковых башен с окнами, поднятыми высоко над землей. Стоит также отметить, что в верхних частях апсид размещены группы декоративных арочек, которые создают общее основание для крыши.

Явные элементы готики -- стрельчатые арки оконных проемов с железными решетками, звездчатые своды правой апсиды храма и, наконец, высокая двухскатная крыша.

Анализируя композицию здания, нельзя не заметить небольшой перекошенности плана, скривленности оси апсид по отношению к нефам. Это наводит на мысль, что храм строили местные мастера, которые для разбивки плана пользовались простыми, не очень точными измерительными инструментами. Однако это не помешало им создать блестящий памятник своей тревожной эпохи. Определяяместо Сынковичского храма в общем ряду родственных ему построек и в истории белорусского оборонного зодчества, необходимо отметить, что по своим архитектурным качествам он стоит на уровне памятников мирового значения. Здание на удивление гармонически вобрало в себя стилевые черты поздней готики и традиционные формы и решения внутренней планировки древних храмов эпохи Киевской Руси. Оно несет на себе одновременно выразительные отблески европейского ренессанса. Такое соединение разновременных архитектурных стилей и форм объясняется тем, что Белоруссия, в частности ее западные земли, была своеобразным рубежом, который отделял две культуры, два стиля -- западный, готический, и восточный, русско-византийский. Этот рубеж не был глухим, поэтому культуры и стили перехлестывали через него, обогащая друг друга. И только прочная связь с народным зодчеством, давние строительные традици и наличие высококвалифицированных кадров позволили белорусской архитектуре того времени не только сохранить свое национальное лицо, но и заметно обогатиться за счет русской и западноевропейской культур. Такой синтез способствовал возникновению и становлению самобытных черт белорусской готики, которая нашла свое воплощение как в гражданском, так и в культовом строительстве.

Сынковичская церковь -- это одно из звеньев в цепи инкастеллированных пятибашенных храмов, начало которым положила на рубеже XV и XVI вв. Полоцкая София. Храм также наглядно показывает, как постепенно шло упрощение системы обороны таких построек от пятибашенных к дву - и однобашенным храмам. Документы позволяют это проследить и на примере самой Сынковичской церкви. Так, «Акт визитации Сынковичского храма за 1760 г.» свидетельствует, что посредине крыши церкви находился башнеобразный «купол с железным крестом». Имел тот купол какое-то оборонительное применение или нет -- сказать сегодня с уверенностью нельзя. Скорее всего, нет. Но стилистические связи здания с Софией Полоцкой и Супраслевским храмом очевидны.

Интересно, что этот купол сохранялся вплоть до конца XVIII в. и исчез, видимо, во время одного из последующих ремонтов здания. Акт визитации сообщает о том, что в каждой угловой башне имелся склеп. Большой склеп находился и под полом храма.

Мы находим здесь сведения о том, что в 1760 г. уже существовал каменный бабинец. В специальной литературе между тем указывалось, что бабинец возвели где-то между 1841 и 1881 гг. во время одного из ремонтов. Свидетельство акта 1760 г. не противоречит нашему предположению, что бабинец был возведен, если не одновременно с храмом, то во всяком случае не позднее XVI в. Это подтверждает и техника его строительства. Интересно, что дубовая дверь внутри здания была обита железом и имела крепкие запоры. Они вместе с входными дверями бабинца надежно запирали вход внутрь.

Наконец, акт визитации 1760 г. позволяет подойти к очень важному вопросу -- о времени возведения Сын-ковичского храма. Ранее считалось, что он возведен в конце XV -- начале XVI в. Акт 1760 г. извещает, что здание было заложено во время королевы Боны, а это значит, где-то между 1518 и 1556 гг. Таким образом, первая половина XVI в., скорее всего его середина, является наиболее вероятным временем возведения Сынковичской церкви -- выдающегося архитектурного памятника Белоруссии.

Вид ее с течением времени оставался почти неизменным. Только исчез купол над серединой крыши да в 1891 г. перед входом построили каменную колокольню, которая, однако, выпадает из общей стилистики здания.

МАЛОМАЖЕЙКОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Храм оборонительного типа, известен как Малома-жейковский, или «Мурованка», стоит на южной окраине поселка и железнодорожной станции Скрибовцы Щучинского района Гродненской области в 3 км от деревни Маломажейково.

Недостаток письменных источников и неточное датирование существовавших документов, в которых упоминалось поселение «Мажейковщина», привели исследователей к ошибочному выводу, что эта укрепленная церковь была заложена в 1407 г. Более того, необычная форма здания с высокими стройными башнями дала основание отдельным исследователям даже высказать предположение, что примером и для Сынковичской, и для Маломажейковской церквей послужили мусульманские минареты.

Анализ исторических документов, сделанный Н. Иодковским в 1915 г., доказал, что дата 1407 г. была сфальсифицирована еще в 1648 г. Детальное, внимательное изучение памятника в натуре, искусствоведческий анализ характерных черт и особенностей его архитектурных форм и деталей позволяют признать наиболее вероятным временем возведения «Мурованки» первую половину XVI в. Судя по всему, он был построен где-то между 1516 и 1542 гг. Храм представляет собой четырехстолпное одноэтажное строение размером около 15Х13,5 м со стенами почти 2-метровой толщины. Над зданием высокая двухскатная крыша, на каждом углу храма -- цилиндрические оборонительные башни.

В отличие от Сынковичской церкви, где башни являются как бы самостоятельными строениями, присоединенными к основному объему, в Маломажейковском храме они, наоборот, органически связаны с главным корпусом. Впечатление такое, будто стены храма

постепенно перерастают в цилиндрические башни. Это создает эффект компактности и единства плана.

Две западные башни небольшие. Их диаметр около 4,5 м, толщина стен близкая к 1,8 м, а первоначальная высота -- около 14 м. Восточные башни меньшие -- диаметр всего 3 м, толщина около 1 м, хотя высота почти такая же, как и у западных.

Когда-то в башнях были винтовые лестницы, которые вели к обоим ярусам бойниц, а также к бойницам боевой галереи фронтона. Каждая бойница имела вид довольно большого, постепенно сужающегося к середине проема, перекрытого округлой арочкой. Над бойницей -- небольшое отверстие для наблюдения за противником. Раньше в северной и южной стенах имелось по 7 бойниц, потом их заложили, осталось только 6 -- по 3 с каждой стороны. В щите западного фронтона было два яруса бойниц. Нижний имел 4, а верхний -- 3 бойницы, которые держали под огнем подступы к входу в храм. Щит восточного фронтона также имел бойницы для стрельбы из ручного огнестрельного оружия. Этим «Мурованка» отличается от Сынковичской церкви.

Западный фронтон возвышался над крышей и играл роль своеобразного декоративного щита, поделенного по горизонтали на две части. Внизу -- три ниши сложной конструкции. В каждой из них -- две ниши меньших размеров. В верхней части сделана одна большая ниша с двойной аркой. Несмотря на очевидную простоту, такой декор очень гармонично расчленяет поверхность щита и придает ему изящество. Этому способствуют и боковые абрисы фронтона с его ритмичными вертикальными повышениями и крутыми скатами. Размещение щита фронтона между более низкими угловыми башнями значительно усиливает вертикальность всего западного фасада. Оформление фасада сделано по принципу постепенного нарастания декоративности.

Восточный фронтон, несмотря на то, что он в значительной степени прикрыт конусообразной крышей апсидальной части храма, также имеет свои отличительные черты. Его вертикальные линии возрастают более спокойно и находятся в полном созвучии с неглубокими арками ниш, размещенных в щите фронтона. Подобно западному фронтону, восточный делится горизонтальной полосой на две части. В нижней -- две пары ниш, а в верхней -- три ниши, позднее переделанные под обычные окна.

Стены «Мурованки» украшены разными декоративными элементами. Преимущественно это многочисленные неглубокие ниши различных форм. Побеленные, они яркими пятнами выделяются на фоне кирпичной кладки и снижают впечатление массивности здания. Своеобразные элементы архитектуры храма -- спаренные полуциркульные ниши с небольшим замком, а также круглое окно в центре западной стены, присущее памятникам романской и готической архитектурам.

Декором украшены и боковые фасады, алтарная апсида и башни. Внизу через все здание идет лента традиционного поребрика -- ряд кирпичей, положенных на угол.

Вход в западной стене раньше закрывался железными дверями и имел оборонительную решетку -- герсу, которая опускалась сверху на цепях через специальный проем. В середине «Мурованки» единственная апсида занимает всю ширину храма и воспринимается как органическое продолжение зала. Зальный характер внутреннего объема не нарушается 4 колоннами, которые делят помещение на 3 почти одинаковые по высоте нефа, средний из них достигает почти 12 м высоты.

Маломажейковская церковь в сравнении с Сынковичской -- как бы еще один шаг к готике. И особенно выразительно это проявилось во внутренней конструкции. Все здание перекрыто сложными звездчатыми сводами с резко профилированными нервюрами. В некоторых местах они переходят в кристаллические своды, где нервюрный костяк сливается с распалубками перекрытий. Нервюры густыми пучками сходятся к центральным столбам, образуя ромбы и трехугольники. Вся система сводов здесь более развита и свидетельствует об усовершенствовании приемов готического строительства, умелом использовании его богатых декоративных возможностей.

Несмотря на общее сходство с Сынковичской церковью, Маломожейковская имеет и свои значительные отличия -- симметричный и правильный план, более богатое внешнее украшение и более слабую систему бойниц.

В 1656 г. (во время русско-польской войны, «Мурованка» была сильно повреждена и ее обновили только через несколько лет. В 1706 г. войска Карла XII, следуя через Желудок на Полтаву, по приказу короля, обстреляли церковь, которая поразила его своим необычным внешним видом.

После этих событий церковь пришла в запустение и ее обновили только в 1822 г. Ремонт 1871--1872 гг. изменил первоначальное лицо здания. Западные башни были приподняты на целую сажень и в одной из них сделали колокольню. В восточных башнях лестниц уже не было. Часть бойниц заложили, появился бабинец, а над входом сняли герсу. С небольшими изменениями фасад «Мурованки» сохранился до наших дней.

Анализируя планово-композиционную схему инкастеллированных храмов типа Полоцкой Софии, необходимо отметить, что их планировка родственна планировке четырехстолпных храмов, возведенных на территории Белоруссии в XII--XIII вв. Это свидетельствует о преемственности традиций древнего строительства, беспрерывности развития белорусского зодчества, истоки которого берут начало из глубины истории. Вместе с тем этот тип зданий дает возможность проследить влияние на архитектуру инкастеллированных храмов огнестрельного оружия, развитие которого привело и к изменениям в тактике осады и обороны. Прослеживается постепенный переход от пятибашенных храмов к четырехбашенным, постепенно ослабляется оборона восточной части здания, где со временем исчезают бойницы, а башни делаются меньшими по диаметру и толщине. Средства обороны концентрируются с западной стороны, где размещается вход. В щите западного фронтона делается несколько ярусов бойниц, а угловые башни приобретают большую массивность. Одновременно система перекрытий залов усложнилась благодаря новым конструктивным решениям, присущим готике.

Постепенно к концу XVI в. в инкастеллированных храмах остаются только две оборонительные башни, фланкировавшие главным образом вход в здание. Пример такого храма -- церковь св. Николая в Бресте, где в 1596 г. была провозглашена церковная уния. В двух башнях церкви имелось по три яруса бойниц. Бойницы были и в боковых стенах здания. Если учесть, что тогда, по свидетельству современников, в «Брест съехалось немало активных противников унии», становится понятным, почему собор проводили именно здесь.

КОМАЙСКИЙ КОСТЕЛ

Монументальный оборонительный костел Иоанна Крестителя в деревне Комаи Поставского района Витебской области -- один из наиболее поздних инкастеллированных храмов на землях Белоруссии.

Здание начали строить в 1603 г. и закончили в 1606 г. Его фондатором был Ян Рудомина Дусяцкий -- герой Хотинской битвы с турками. Имя строителя-архитектора неизвестно, но, судя по всему, им был местный мастер.

Сначала храм был трехапсидным, имел сводчатое перекрытие над нефами, которое опиралось на четыре колонны. В годы русско-польской войны середины XVII в. костел сильно пострадал от пожара. Своды рухнули. Их и колонны разобрали и заменили деревянными. Вместо трех апсид была сделана одна.

Оборонительный характер зданию придают две цилиндрические башни, замыкающие фасадную стену. Ярусы бойниц позволяли вести активный огонь и фланкировать вход. Верхний ярус давал возможность вести огонь на далекое расстояние. Два нижних яруса бойниц редкой чашеобразной формы, с большим сектором обстрела, использовались для обороны непосредственных подступов к зданию.

Комайский костел прост по композиции, имеет лаконичный декор с элементами готики. Фасад завершен скромным треугольным щитом с четырьмя плоскими нишами.

Здание реставрировалось в XVII в., а также в 1726-- 1736 и 1778 гг.

Как напоминание о многочисленных войнах, которые редко обходили Комаи, в середине XVII в. по приказу сына фондатора Петра Рудомины в стены костела вмуровали ядра от шведских пушек.

В 1778 г. к костелу пристроили 6-оконную часовню, что значительно изменило его внешний вид.

Если сравнивать Комайский храм с Сынковичским и Маломажейковским, то видно, что он значительно больше их по своим размерам. Однако несомненна и родственность плановой композиции этой группы инкастеллированных храмов, в которой Комайский костел является последним звеном. Наличие со стороны алтаря следов двух других башен дает основание полагать, что сооружение сначала было задумано как четырехбашенный оборонительный храм.

КАЛЬВИНИСТСКИЕ СБОРЫ

Острая религиозная борьба, которая разгорелась в Белоруссии во второй половине XVI в. между сторонниками и противниками Реформации, нашла свое отражение и в своеобразной архитектуре кальвинистских сборов -- памятников нового этапа в развитии бесстолпных храмов. В архитектуре сборов соединялись элементы поздней готики и ренессанса.

Кальвинистские сборы обычно имели каменные стены с башнями или без них, иногда обводились земляными валами с бастионами. Вход в здание, как правило, размещался в башне, стоявшей в центре фасада. Высокие башни обычно имели бойницы. К этому типу памятников принадлежат сборы в д. Асташино Кореличского района, Заславле Минского района, Дзержинске и др.

Реформистский сбор в Асташино был построен в конце XVI в. Небольшой по своим размерам (8,5X12 м), храм имел в плане форму прямоугольника, который заканчивался апсидой в форме усеченного треугольника. Двухметровые стены прорезались маленькими окнами, которые напоминали замковые бойницы. С юга к помещению была пристроена башня размерами 5,9X7,1 м с массивными контрфорсами. Она состояла из четырех прямоугольных ярусов. Построенный на небольшом пригорке храм возвышался над окрестностями монолитной каменной глыбой. Впечатление еще больше усиливала ограда 2-метровой толщины, которая окружала сбор в виде прямоугольника размером 37X30 м.

Интересно, что здесь же, в Асташино, до недавнего времени существовал жилой дом оборонительного типа. Его глинобитные стены достигали толщины 2 м и были укреплены мощными контрфорсами. Окна размещались высоко от земли.

На основании исторических сведений, дом построен в 1670 г. В XVIII в. Асташино принадлежало Оттенхаузам. Позже, в XIX в., им владели Громыки и Булгаки, а потом Грабовские. Теперь памятник не существует.

Конструктивно близко к Асташинскому храму стоит Заславская Преображенская церковь. Она приземистая, имеет толстые стены, украшена глухими бойницами. Полагают, что в верхних частях стен когда-то имелись бойницы, но потом во время перестройки храма были заменены декоративными.

Пропорции Заславской церкви в сравнении с Асташинским сбором более легкие. Почти 30-метровая башня, пристроенная позже, представляется стройной и удачно примкнутой к прямоугольному блоку основного здания. Внутри и снаружи стены расчленены пилястрами, а карнизы отделаны рустами. Однако в отличие от Асташинского храма здесь нет алтаря. Стоит Преображенская церковь в центре мощного бастионного замка.

Интересным памятником среди группы кальвинистских сборов является храм в Дзержинске (Койданове), построенный в первой половине XVI в. Он стоял на высоком пригорке, так называемой Гаштольдовой горе, и был обведен рвом, соединявшимся с речкой Нетечей. Через ров переходили по подъемному мосту, который подводил к каменной стене с 9 башнями, приспособленными к обороне. Башни с шатровыми крышами имели толщину стен около 1,5 м. Они были сложены из полевого камня и кирпича. Бойницы позволяли вести круговой обстрел и фланкировать огнем прясла стен. Вход на сборовый двор шел через традиционные ворота, увенчанные гербом Радзивиллов. Стены и башни, видимо, являлись укреплениями существовавшего здесь раньше замка, под защитой которого и возвели реформистский храм.

В плане сбор мел форму прямоугольного 3-нефного зала и граненой апсиды. В боковых фасадах размещались круглые бойницы. Мощная башня возведена в торце здания. Она квадратная в плане, но вверху переходила в восьмерик и также имела бойницы.

Кальвинистский сбор в Сморгони был построен в конце XVI в. на средства владельца Сморгони Христофора Зеновича, воеводы Берестейского.

Сморгонь, известная с XV в., в конце XVI -- начале XVII в. имела вид обычного местечка, которое было огорожено стеной, имело въездные ворота. Отдельно стоял «двор Сморгонский», где находились дом феодала и хозяйственные службы. «Двор» также имел деревянную ограду и двухэтажную башню-ворота с часами.

В центре Сморгони возвышался сбор. В плане это был бесстолпный храм, который имел вид удлиненного восьмиугольника и являлся почти точной копией храма св. Виталия в Равенне (Италия). Строение завершено сферическим куполом, прикрытым снизу высокой стенкой-аттиком, декорированной лопатками, парными полуциркульными нишами и гирьками. Такой декор характерен для земель Белоруссии, Литвы и Польши. В масивной и очень высокой башне размещался единственный вход. Когда-то башня была трехэтажной. Самый верх ее занимали часы, которые отбивали каждые час и четверть часа. На втором этаже размещалась колокольня.

По обе стороны от входной башни, примыкая к основному строению, стояли еще две небольшие башенки. Они не имели оборонительного характера. Раньше здесь хранились книги соборовой библиотеки. Уцелела только одна, правая, башня. Известно, что при сборе была школа, в которой высокообразованные бакалавры преподавали «вызволенные науки» -- языки, математику, риторику и др.

В 1612 г. сбор был преобразован в костел, а в 1867 г.-- в православный храм. Позже, в 1870 г., снесли два верхних яруса башни и построили традиционно-православное завершение. Во

время различных войн здание не раз разрушалось. Теперь здесь проведены реставрационные работы, в здании открыт районный краеведческий музей.

Таким образом, одна из выразительных и отличительных черт белорусского военного зодчества средних веков -- это широкая инкастелляция храмов, которые играли важное значение в защите края от внешней опасности и внутренних феодальных усобиц. Храмы эти оставили значительный след в архитектуре. Тип прямоугольного здания с угловыми башнями стал в XVI и XVII вв. настолько распространенным и традиционным, что по этому образцу строили даже те храмы, которые вообще были далеки от оборонных.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Апсида -- полукруглая, иногда многоугольная, выступающая часть здания, имеющая собственное перекрытие.

Аттик -- стенка, расположенная над карнизом, венчающим сооружение.

Бабинеп -- 1) пристройка к главному входу в храм, где стояли нищие; 2) часть храма у входа, где стояли девушки.

Баркан, паркан -- оборонительная ограда в виде частокола, поставленного «на иглу», либо срубленного «в паз».

Бастея -- оборонное сооружение в форме земляной насыпи либо каменной в виде низкой, обычно двухэтажной, башни в форме полукруга либо подковы, выдвинутое перед защитной стеной. Служило для размещения артиллерии.

Бланки, бланкованье -- 1) оборонительная стенка боевой галереи с бойницами для стрельбы; 2) зубчатое завершение каменной башни или стены.

Гаковница -- ручное огнестрельное оружие с прикладом, имевшее в нижней части дула специальный приваренный зацепной крюк, гасивший отдачу при выстреле.

Герса -- металлическая либо окованная железом дубовая подъемная решетка въездной брамы, дополнительно защищавшая вход.

Гиберна -- денежный побор на зимнее содержание войска.

Городни -- срубы, соединенные между собой, имеющие общую крышу боевой галереи и образующие линию оборонительной стены.

Дело -- пушка.

Детинец -- укрепленная часть древнерусского города.

Избицы -- двухъярусные городни, нижний этаж которых в период осады занимало гражданское население со скарбом.

Инкастелляция -- оснащение монументальных сооружений оборонными элементами.

Кардыгарда, кордегардия -- помещение для военного караула, воротной стражи, а также для содержания арестованных под стражей.

Картуш -- лепное или графическое украшение в виде не совсем развернутого свитка или щита, обрамленного завитками, на котором помещаются надписи, эмблемы, гербы и т. п.

Кастель -- средневековый укрепленный замок регулярной планировки.

Контрфорс -- вертикальный выступ стены, который увеличивает ее устойчивость.

Лопатка -- плоский вертикальный выступ в стене.

Моджер, мордер -- средневековая пушка-мортира.

Нервюра -- выступающее профилированное ребро свода.

Неф -- продольная часть христианского храма, расчлененного столбами, колоннами или аркадой на главный и боковые нефы.

Равелин -- вспомогательная фортификационная постройка перед крепостной оградой.

Ризалит -- часть здания, выступающая из общего объема.

Рондель -- первоначальная форма каменного бастиона в виде многоугольника без задней стенки.

Руст -- камень с грубо обтесанной или выпуклой внешней поверхностью, употреблявшейся для декоративной обработки стен.

Ручница -- ружье в XVI--XVII вв., получившее свое название от «руки» -- приклада. Вместо фитиля в XVI в. применялась губка-трутовик. Отсюда название «ручница губчастая».

Серпантина -- средневековая пушка, стрелявшая свинцовыми ядрами.

Тяга -- узкий, горизонтально-профилированный выступ на стене здания.

Фальконет -- то же что и серпантина.

Форбург-- предградное укрепление.

Чинш -- натуральные и денежные платежи феодально зависимого населения (преимущественно крестьян) землевладельцу за пользование землей.

Шмыговница -- артиллерийское орудие XVI-- XVII вв., в которое пороховой заряд заряжался с тыльной стороны.

Шпихлер -- хлебный амбар, обычно стоявший на замковом дворе.

Эркер -- полукруглый или многогранный выступ на стене, иногда проходящий через несколько этажей.

Михаил Александрович Ткачев

ЗАМКИ БЕЛОРУССИИ

Заведующий редакцией Л. А. Михасенок Редакторы П. С. Воробей и В. А. Хотяновский

Младший редактор И. Л. Кочеткова Художник А. А. Добровольский Художественный редактор Л. И. Бетанов Технические редакторы Т. А. Тарасенко, М. А. Шабалинская Корректор Т. Е. Медведева

ИБ № 388 <

Сдано в набор 04.11.86. Подписано в печать 12.05.87. АТ 13737. Формат 70Х100 1/32. Бумага мелов. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,03. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 10,18. Тираж 10 000 экз. Изд. № 2776. Зак. 3085. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по делах издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, просп. Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220006, Минск, Красная, 23.